

3021
120

ЭНН ПАТНЕМ
ВОСЕМЬ
ЛЕТ
СРЕДИ
ПИГМЕЕВ

Жан Кашмен

**ВОСЕМЬ
ЛЕТ
СРЕДИ
ПИГМЕЕВ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва 1961

ANNE PUTNAM
MADAM. MY EIGHT YEARS OF ADVENTURE
WITH THE CONGO PIGMIES

Сокращенный перевод с английского

В. М. ГОРЯЧЕВА

с предисловием и под редакцией

Б. И. ШАРЕВСКОЙ

Энн Патнем

ВОСЕМЬ ЛЕТ СРЕДИ ПИГМЕЕВ

*Утверждено к печати Редакционным советом востоковедной литературы
при отделении исторических наук АН СССР*

Редактор издательства Ю. Н. Зотова Технический редактор С. В. Цветкова
Художник Б. А. Диодоров Корректоры М. К. Киселева
Художественный редактор И. Р. Бескин и В. Д. Светова

Сдано в набор 17/II 1961 г. Подписано к печати 28/VI 1961 г. А-05703.
Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 5,75. Усл. п. л. 9,43. Уч.-изд. л. 8,68. Тираж 75 000 экз.
Зак. 1485. Цена 50 коп.

Издательство восточной литературы Москва, Центр, Армянский пер. 2,

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Московского городского совнархоза. Москва, Ж-54, Валовая, 28.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В наши дни, когда народы Африки решительно борются за свою независимость, за освобождение от колониального гнета, сочувственное внимание советского читателя привлекают книги, которые помогают ему ближе познакомиться с населяющими африканский континент народами. Настоящая книга посвящена одной группе населения Республики Конго (бывшее Бельгийское Конго) малорослым племенам, так называемым пигмеям.

События, развернувшиеся в стране с середины 1960 г., привлекли внимание всего мира. В июне была провозглашена независимая Республика Конго. Уже через несколько дней после этого бельгийские колонизаторы и их союзники по НАТО, заинтересованные в эксплуатации людских и естественных богатств Конго, развернули широкое наступление против молодой республики. Опираясь на кучку предателей, они ведут курс на расчленение страны. Конго превратилось в арену ожесточенной борьбы конголезцев, большинство которых поддерживает республику, с кликой предателей, опирающейся на штыки интервентов.

В политической борьбе начинают принимать участие и пигмеи Конго, которых до сих пор буржуазные авторы описывали как дикарей, «первобытных» людей. В Стэнливиле лесные жители — пигмеи впервые в своей истории приняли участие в выборах и отдали свои голоса за кандидатов партии Национальное движение Конго, выступающей с самого начала своего основания в сентябре 1958 г. за национальную независимость страны.

* * *

Греческое слово «пигмаиой» буквально означает «люди величинной с кулак». Так назывались в мифологии древних греков сказочные карлики, обитавшие в Африке. В эпосе древней Эллады

«Илиаде» описывается битва карликов с журавлями. В легенде о Геракле рассказывается: когда герой победил ливийского великана Антея, сына Земли, и отдыхал после боя, пигмен, жившие якобы в земле, выползли из своих нор и напали на спящего. Эти эпизоды изображены в росписях на вазах.

Вероятно, мифы о пигмеях складывались под влиянием отрывочных сведений, доходивших до эллинов из Древнего Египта. В надписи эпохи Древнего Царства, относящейся к III тысячелетию до н. э., сообщается, что вельможа Хирхуф привез из похода на юг молодому фараону маленького человечка. Это самое древнее упоминание о пигмеях. Позднее были и другие.

Долгое время рассказы о пигмеях считали вымыслом. В 70-х годах XIX в. исследователь Африки Г. Швейнфурт, путешествуя в верховьях рек Нила и Конго, встретил одно из племен малорослых африканцев, акка, и дал науке первые достоверные сведения о считавшихся ранее сказочными пигмеях. В начале 80-х годов пигмеев видел русский исследователь В. Юнкер, кратко описавший их в своем «Путешествии по Африке». Через пять лет после него Г. Стэнли, известный поборник колониализма, действовавший в интересах бельгийских империалистов, во время своего путешествия по Конго побывал в тех местах, где происходили события, описываемые в настоящей книге. Долгое время описание Стэнли было основным источником сведений о жизни малорослых африканцев.

В 1910—1930 гг. пигмеси привлекли к себе внимание группы ученых в рясах, католических миссионеров, во главе с патером Вильгельмом Шмидтом. Возникла так называемая пигмейская проблема, которой было посвящено много трудов. Однако сведения, почерпнутые путем непосредственных наблюдений за жизнью пигмеев, были немногочисленны.

В связи с этим оказалась возможной фальсификация. В 1932 г. в Париже вышла книга Анри Трилля «Пигмен экваториального леса», посвященная малорослым племенам Габона. Книга удостоилась премии Французской академии, и патер Вильгельм Шмидт провозгласил ее первоклассным источником, знакомящим с жизнью пигмеев. А в 1957 г., уже после смерти Шмидта, в основанном им журнале «Антропос» появилась статья, в которой было доказано, что содержание книги Трилля целиком вымышлено, что автор ее пробыл в Габоне очень недолго, а в местности, где жили пигмен, провел всего два часа и сам не наблюдал их жизнь. Словом, труд, удостоенный премии академии, оказался научно-фантастическим романом. Шмидт и его единомышленники подняли на щит сообще-

нии Трилля потому, что последний изобразил пигмеев именно так, как это было угодно ученым-миссионерам школы Шмидта (исльд Трилля выполнял заказ Шмидта). Трилля писал, что пигмеи живут отдельными семьями: каждая семья имеет свое хозяйство и владеет частной собственностью. Сообщалось также, что пигмеи поклоняются единому богу.

Шмидт и его школа объявили пигмеев остатками древнейшего человечества и наиболее примитивными, первобытными людьми, сохранившимися до наших дней. Утверждая, что частная собственность, малая семья с отдельным хозяйством и вера в единого бога — это основные, исконные начала общества, Шмидт использовал для доказательства этого вымысла данные из книги Трилля.

Ныне имеются достоверные научные материалы, опровергающие теорию Шмидта и его последователей. Псевдонаучные построения этой «школы» полностью опровергнуты советскими учеными, которые установили, что пигмейская малая раса, близкая по типу негроидной, развивалась одновременно с другими человеческими расами и, таким образом, пигмеи не могут считаться остатками древних людей. Культура пигмеев также не первобытная: они пользуются луком и отравленными стрелами, чего не было у наших предков каменного века. Кроме того, не следует забывать, что пигмеи испытывают влияние соседних народов.

В древности пигмеи были широко расселены в Центральной Африке. Ныне сохранилось несколько групп племен пигмеев. В бассейне Итури живет около 40 тыс. пигмеев — это племена нфе, акка, бамбути; к последним принадлежат пигмеи, описанные в этой книге. Пигмеи говорят на языках живущих по соседству с ними высокорослых африканцев группы банту. Ближайшими соседями пигмеев бамбути являются бабира, одно из племен банту, на языке которых — кибира — и говорят бамбути. Кроме того, в Восточной провинции Конго широко распространен кингвана — диалект языка кисуахили (или суахили), на котором говорят васуахили — жители Восточной Африки. Он служит средством общения между племенами и народностями, имеющими, разумеется, и свои собственные языки, преимущественно языковой семьи банту.

Автор настоящей книги Энн Патнем — американская художница. Санитарная станция в Восточной провинции Конго, где Энн Патнем и ее муж Патрик жили и работали, расположена на

р. Эпулу, впадающей в Итури — приток Конго. Описываемые события относятся к началу 50-х годов нашего века.

Эта книга не научный труд. Американский журналист А. Келлер литературно обработал записи Энн Патнем, которые она делала во время пребывания в Конго. Очевидно, именно эта «обработка» усилила экзотичность. А. Келлер использовал при этом и быющие на дешевый эффект приемы, в частности при описании церемоний тайного общества и обряда посвящения депушек.

Вместе с тем познавательные достоинства книги неоспоримы. Ее автор рассказывает о повседневной жизни пигмеев, их быте и обычаях. Энн Патнем изучила язык кингвана, на котором говорят пигмеи, живущие в районе санитарной станции. Знание языка дало ей возможность свободно общаться с местными жителями.

Большой интерес представляют описания пигмейских поселений, яркие индивидуальные портреты, с большой теплотой и правдивостью рисуемые автором в книге, — тут и смелые охотники, и философы, и лукавые девушки, и веселые дети.

Непосредственные наблюдения автора могут быть использованы для пополнения достоверных сведений о пигмеев. Так, на основании сообщаемых в книге данных можно прийти к выводу, что у бамбути нет семей, владеющих частной собственностью и ведущих отдельное хозяйство. Они охотятся всей общиной и делят добычу между всеми жителями деревни, включая и тех, которые не были на охоте. Они не поклоняются единому богу-творцу. У них распространена вера в колдовство, в силу амулетов и фетишей. Они становятся невольными объектами устрашающего воздействия так называемого тайного общества, о котором автор сообщает как о чем-то сверхъестественном, непонятном.

У многих народов, находившихся на стадии формирования классового общества, существовали организации, объединявшие верхушечную часть общины — старейшин и членов знатных и богатых родов. Деятельность этих обществ связывалась с духами — в данном случае с духом Эсамба, голосом которого считался звук особого музыкального инструмента. Собрания членов обществ были тайными, их участники иногда появлялись переодетыми в обрядовую одежду и изображали духов. Весь церемониал был рассчитан на запугивание рядовых общинников. Тайные общества помогали выделявшейся верхушке утверждать свою власть над остальной массой населения.

Тайное общество Эсамба, очевидно, было создано богатой верхушкой племени бабира, жившего по соседству с бамбути. Ритуал

того общества был рассчитан на устрашение не только рядовых членов своего племени, но и пигмеев бамбути, связанных с бабпра особой зависимостью.

Почти все группы пигмеев находятся в своеобразном подчинении у соседних племен — высокорослых африканцев. Эта зависимость сохранилась с древних времен, когда более сильные банту — земледельцы и скотоводы, умевшие добывать железо и искусные в ремеслах, — оттеснили пигмеев в джунгли, завладев их землями. Они обложили пигмеев данью и стали считаться их хозяевами. Правда, в обмен на дичь, слоновую кость и ценные лесные продукты банту-покровители дают пигмеям бананы, просо и другие земледельческие продукты, но этот обмен обычно совершается с выгодой для банту и в ущерб пигмеям. Хозяева-банту «покровительствуют» пигмеям, вступают от их имени в сношения с администрацией, они же распоряжаются пигмеями, назначая их для переноса грузов администрации и выполнения других повинностей. Пигмеи не платили налогов колониальным властям, но банту-покровители взимали с бамбути дань в свою пользу. В книге приводится случай, когда после смерти девочки-пигмейки банту-покровитель требует с родителей уплаты взноса, который должен компенсировать утрату будущей рабочей силы и соответствующей подати.

Конечно, выгоды, извлекаемые банту от такой зависимости, были сравнительно невелики. Банту наравне с пигмеями испытывали тяжкий гнет колониализма.

Эни Патнем часто не понимала, да может быть и не хотела понять настоящий смысл того, что она наблюдала в Конго. Патнем идеализирует жизнь пигмеев, их тяжелую борьбу за существование, намеренно замалчивает или приукрашивает отношения колониальной администрации к пигмеям.

Автор описывает некоторые стороны быта и обычаи пигмеев, в которых проявляются моменты культурной отсталости, естественные в условиях страны, длительное время находившейся в колониальной зависимости. Тем не менее она показывает, что пигмеи — полноценные люди. Несмотря на глубокий гуманизм и антирасизм, пронизывающие книгу, не следует забывать, что автор — представитель так называемого западного мира, мира, в котором господствуют колонизаторские взгляды и антинаучные представления.

В целом книга Эни Патнем, несомненно, расширит наши знания о населении страны Конго.

Б. И. Шаревская

Глава первая

Уже совсем рассвело, когда я услышала крики. Затем раздались шаги на веранде, и чей-то голос произнес:

— Мадами, здесь женщина, на которую напал леопард.

Так случается в Конго. Тишина, мир, спокойствие внезапно сменяются ужасом, трагедией, смертью. Выглянув, я увидела большую толпу низкорослых людей — пигмеев, мужчин и женщин, окруживших поставленные на пол веранды носилки, сделанные из одеяла и ветвей лианы. Страшную картину представляла беспомощная фигура женщины, лежавшая на носилках. Она лежала боком, в ее широко раскрытых глазах застыл ужас; маленькие руки были прижаты к животу, разодранному когтями леопарда. Одеяло пропиталось кровью. Среди всех собравшихся людей лишь она одна сохраняла спокойствие.

— Агеронга,— обратилась я к одному из слуг,— ступай за Патом. Скажи ему, чтобы скорее шел сюда.

Мой муж прибежал со всем необходимым для оказания первой помощи. При его приближении пигмеи разбежались, подобно перепелам, испугнутым собакой. Они столпились во дворе около веранды. Пат склонился над раненой женщиной. Он работал, не меняя ее положения. При слабом утреннем свете Пат пытался как-нибудь залатать страшно обезображенное тело и остановить кровотечение. Не будучи врачом, он обладал, однако, большими познаниями в медицине.

Даже хирург, работающий в современной операционной, не смог бы привести в прежнее состояние это изуродованное тело. Пат с особой тщательностью продезинфицировал рану и обильно посыпал ее стрептоцидо-

вым порошком. Теперь надо было ждать. Как ребенка, поднял он женщину, осторожно внес ее в дом и положил на кровать. Я слышала, как Пат ругался тихим голосом, проклиная отсутствие сыворотки и аппарата для переливания крови. Соорудив нечто вроде прибора из бутылки с трубкой, он начал вводить раненой в вену физиологический раствор. Потом приподняв и поддерживая одной рукой голову женщины, заставил ее выпить воды. Необходимо было вернуть организму некоторое количество жидкости: слишком много было потеряно крови. В течение двадцати минут Пат сделал все, что мог, чтобы спасти жертву леопарда. Затем накрыл раненую одеялом и вышел на веранду.

— Кто эта женщина? — спросил он пигмеев.

Ответил Фейзи, маленький бородатый старейшина из деревни пигмеев:

— Это Укана, жена Сиконы.

— Как это случилось?

— Она готовила на завтрак маниоку*, — отвечал пигмей. Вместе с ней у огня находился Сикона. Затем она пошла за чем-то в хижину. Сикона направился чинить свою охотничью сеть. Вдруг из леса выскочил леопард. Одним прыжком он перепрыгнул через Сикону и проник в хижину. Укана пронзительно вскрикнула, когда хищник прыгнул на нее, и кричала до тех пор, пока не вбежал Сикона. Не знаю, что испугало леопарда, то ли громкие крики женщины, то ли появление Сиконы с копьем, только зверь оставил свою жертву и выскочил наружу. Вокруг толпились люди, но зверь не обратил на них никакого внимания. Он скрылся, прежде чем кто-либо успел метнуть копье.

Все это Фейзи рассказал на языке кингвана. Его лицо морщилось, словно от боли, когда он подбирал нужные слова, как будто они имели острые углы или были слишком велики. Его родным языком был кибира, а суахили или кингвана, на котором белые обычно объясняются с обитателями Конго, давался ему нелегко. Раза два от возбуждения он переходил на кибира, и нам

* М а н и о к а — растение из семейства молочайных. Имеет крупные клубневидные корни весом около 4 кг, употребляется в пищу в вареном и печеном виде.

приходилось лишь догадываться о том, что он хотел сказать. Пат вошел в дом, чтобы посмотреть, как чувствует себя женщина. Фейзи перевел на меня взгляд своих странных, окруженных морщинистыми складками глаз. Я знала его уже четыре года. Чувство восхищения, которое он мне внушал, я питала к очень небольшому числу людей, встречавшихся мне в жизни.

— Мадами,— спросил он,— она умрет?

— Никто не может знать это сейчас,— ответила я.— У нас имеется сильное лекарство, но Укана тяжело ранена.

Фейзи повернулся и побрел прочь. Его крошечное, шоколадного цвета тело обмякло, словно от страшной усталости. Некоторые пигмеи пошли вслед за ним, другие остались. Только теперь я услышала сильный шум — это пигмеи били в барабаны, кастрюли и деревянные ведра. Они надеялись таким путем прогнать леопарда, полагая, что он все еще скрывается рядом в зарослях.

Это оказалось свыше моих сил. В горле у меня пересохло; ноги подкашивались, точно они превратились в студень или желе. После четырех лет, проведенных в глубинном районе Конго, я по-прежнему оставалась белой женщиной, подверженной всем страхам, свойственным любой женщине на моей родине. «Глупая Энн Патнем,— спрашивала я себя,— зачем ты приехала в Африку?»

Мне всегда нравились только те животные, которые обитали в Центральном зоопарке. Уже там мне становилось страшно при одной мысли о том, какое зло они могут причинить на воле. Я наблюдала тогда, как большие кошки после бесконечного ряда тщетных попыток вновь и вновь стремились вырваться на свободу. А сейчас где-то совсем недалеко, в лесу за лагерем, бродит леопард, жаждущий человеческого мяса.

К счастью, мне некогда было долго жалеть себя. Женщина попросила пить, и я поспешно стала заваривать чай. В это время в кухню вошел Пат и сказал, что у пострадавшей продолжается внутреннее кровоизлияние.

— На пятьдесят километров вокруг нет ни одного человека, который мог бы помочь ей,— сказал он.

— Тебе незачем оправдываться,— ответила я.— В определенных случаях даже лучшие хирурги бывают беспомощными.

— Черт с ними, с лучшими хирургами,— вспыхнул он.— У нас нет даже плохого.

Не отдавая ясного отчета в том, что делаю, я, помнится, выслала к дороге на велосипеде служившего у нас в гостинице негра Агеронгу, надеясь, что он сможет на попутной машине добраться до Мамбасы и вызвать врача миссии, доктора Вудхэмса.

Однако было мало надежды, что в столь раннее время Агеронге попадетсЯ какой-либо попутный транспорт. Кроме того, я знала, что, если даже Агеронга и доберется на велосипеде до Мамбасы, врач приедет слишком поздно.

Когда чай был готов, я налила чашку, остудила и отнесла Укане. Приподняв ее, чтобы напоить, я невольно обратила внимание, какая она маленькая и легкая. Пила Укана с жадностью. На глазах у нее были слезы.

— Мне очень жаль, что я беспокою Мадами,— прошептала она.— Я совсем не хотела этого.

Ее мужество и чувство собственного достоинства заставили меня устыдиться своих страхов. Немногие цивилизованные женщины помнили бы о хороших манерах, вырвавшись из лап леопарда.

Когда я заглянула к Укане в другой раз, она тихо проговорила:

— За что меня сглазили? Ведь я никому не причинила зла.

И на самом деле, для Уканы все происшедшее с ней не было несчастным случаем. Нет, это было делом кого-то с «дурным глазом». Сначала я подумала: «Какое невежество, какое суеверие».

Потом мне на память пришли образованные люди, которые прогоняют черных кошек со своей дороги и бросают соль через плечо. Я вспомнила витиеватые узоры, намалеванные на амбарах немцев в Пенсильвании для того, чтобы отвести колдовство. Чем отличались они от Уканы?

Мы периодически делали женщине вливания физиологического раствора, чтобы поддержать ее силы. Об-

кладывали ее горячими кирпичами — Укана казалась такой холодной. Затем мы укрыли ее еще несколькими одеялами, но женщину продолжало лихорадить. Она дрожала так, словно тропическая жара Конго внезапно сменилась леденящим холодом.

Незаметно пролетали часы. Для умирающего человека время течет иначе. Укана знала, что оно уходит слишком быстро.

— Если бы Вуджэмс был здесь, она, возможно, имела бы один шанс из тысячи, — сказал Пат, вытирая пот с лица, — но я не уверен, что это был бы верный шанс. Ее кишки разорваны в клочья. У женщины есть и другие внутренние повреждения, но какие — я не могу понять.

В каждом окне дома виднелись головы двух-трех пигмеев. Лица их были странно неподвижны и торжественны. Лучи послеполуденного солнца окрасили лес за их головами в розоватые и красновато-коричневые тона. Из леса доносился звук барабанов: эти пигмеи все еще отпугивали леопарда-людоеда.

Когда я бежала к госпиталю за медикаментами, то заметила, что меня сопровождают пигмеи. Каждый из них был вооружен копьем или луком со стрелами. Ужас вастыл в их глазах. Никто не приказывал им охранять меня. И я подумала о том, как им, должно быть, страшно и как самоотверженно они поступают.

Бельгийская администрация в Конго никогда не разрешала пигмеям иметь современное оружие. Я не могла понять, почему. Пигмеи должны охотиться, защищать себя и охранять свои дома и семьи. Но у них нет для этого более «современного» оружия, чем копья, лук и стрелы. Как они выжили, — остается тайной, одной из многих тайн Конго.

Состояние женщины не улучшалось. Становилось все более очевидным, что у жертвы леопарда парализовано все тело ниже плеч. Пат высказал предположение, что у нее сломан позвоночник. Он сменил повязки и дал ей морфий, чтобы ослабить усиливавшуюся боль. Говорить Укана не могла, но выражение ее глаз, следивших за каждым его движением, не оставляло никакого сомне-

ния в том, что она испытывала очень сильную боль и знала, что он один может облегчить ее страдания.

Несколько пигмеев медленно побрели в свою деревню. Но большинство их осталось, одни расположились внутри дома, другие — снаружи. Они сидели на корточках, наблюдая за каждым нашим движением, очевидно, убежденные, что страдающая родственница или подруга нуждается в их близком соседстве. В два часа ночи Пат дал Укане новую дозу морфия.

— Больше я ничего не в силах сделать, — сказал он. — Мы можем немного вздремнуть.

Утром она была еще жива. Глаза ее, точно кусочки слюды, выделялись на красновато-коричневом, цвета жидкого шоколада лице. Пат осмотрел ее раны и перевязал их. Затем он отправился договориться с вождями соседних племен о том, что необходимо вырыть ямы и подготовить другие ловушки для поимки леопарда.

Это выглядело так, как будто он взял перо и подписал смертный приговор Укане. Мне стало ясно: он понял, что больше уже ничего не сможет сделать для несчастной женщины и решил предотвратить новые жертвы. Если у меня до этого и были какие-то надежды, то теперь они исчезли. Укана умирала.

Как раз в это время к дому подъехали два человека. Это были белые люди, участники какой-то экспедиции, которая изучала змей и других пресмыкающихся. Перед этим они провели у нас несколько дней и теперь хотели переночевать. Я отвела их в сторону и стала объяснять, почему не могу пригласить их в дом. В этот момент страшный вопль разорвал тишину. Он то усиливался, то замирал и бил по ушам, точно море о скалы, отступая, чтобы ударить с новой силой. Он проникал в душу и охлаждал сердце.

Мы вошли в комнату, где торжествовала смерть, и посмотрели на Укану, маленькую, спокойно лежавшую на большой кровати. Вокруг теснились ее родственники, напоминая негритят, от которых их отличали лишь бороды у мужчин и вполне развитые груди у женщин.

Я узнала Сейла, у которого было шесть внуков; невозмутимого философа Херафу; преданного бесстрашного Фейзи, самого уважаемого из старейшин в деревне

пигмеев. Мне было тяжело смотреть на них. Судя по их скорби, умершая женщина была особенно любима. Херифу ожесточенно теребил свою жидкую бороду.

— Мадами,— сказал он низким голосом, свойственным этим маленьким людям,— это горький день для нас. Укана была хорошая женщина и слишком молода для того, чтобы умирать. Но было бы еще тяжелее, если бы мы винили в этом себя или бвана*. Ведь это дело болезни, дурного глаза. А что может сделать ваше лекарство против дурного глаза?

Здесь, на расчищенном от леса участке, где у нас с Патом имелась небольшая гостиница, полевой госпиталь и амбулатория, нам приходилось отчаянно бороться против страшных тайн и всех неясных и безымянных страхов Конго.

У нас были и пенициллин и морфий. Имелся у нас и старенький шевроле, который двигался, когда был «в настроении». Мы имели и консервированные продукты на крайний случай, и штормовые фонари, и американские журналы всего лишь трехмесячной давности. Но за пределами нашего участка был лес Итури — чужой, неумолимый, угрожающий.

Я страстно желала сказать этим маленьким людям, как сильно сочувствую их горю. И я сумела бы это сделать, так как хорошо знала кингвана, но в горле у меня пересохло, и я не смогла вымолвить ни слова. Я села и зарыдала, как ребенок, а пигмеи обернули умершую кусками материи и понесли через лес в свою деревню. Рыдания их, то усиливаясь, то замирая, звучали все более глухо, теряясь среди гигантских деревьев.

В течение этого и следующего дня слышались звуки пил и молотков: близ госпиталя строилась ловушка для леопарда-людоеда. За строительством наблюдал Пат. В течение двадцати лет пребывания в Конго он приобрел много удивительных навыков. В соседних деревнях тоже были заняты постройкой ловушек. Одни рыли ямы на звериных тропах. Покончив с этим делом, они замаскировали ямы ветвями и протащили около них туши убитых животных, чтобы привлечь леопарда и устранить

* Бвана — господин; обращение на языке суахили.

запах человека. Другие соорудили ловушки, похожие на клетку, вроде нашей, расположенной у госпиталя. Та, которую построили мы, представляла собой огромную клетку из бревен, связанных веревками и ветвями лиан. Она имела две секции, наглухо отгороженные одна от другой. В одной из них находилась приманка — несчастный старый козел. Другая секция имела люк, который при помощи хитроумного устройства должен был захлопнуться, как только леопард, пробираясь к козлу, войдет в клетку. Ловушка строилась основательно, так как леопард — сильное животное. Из всех хищников, относящихся к этому семейству, леопард, вероятно, наиболее опасен. Мускулы его подобны стали. Хотя вес самого крупного самца не превышает семидесяти пяти килограммов, он так силен, что, убив антилопу, может втащить ее на дерево на высоту шести метров. Его когти не могут разорвать только самые прочные веревки или лианы.

Устав от постоянного возбуждения, я вышла поработать в огороде. Себе я объяснила это тем, что сорняки разрослись и заглушили бобы и перец. На самом деле я просто должна была чем-то заняться, чтобы обрести необходимое душевное равновесие. Два пигмея с луками и стрелами выполняли при мне обязанности часовых. Видит бог, они были бы слабой защитой, но я все-таки чувствовала себя лучше под их охраной.

С наступлением сумерек я стала так нервничать, что оставаться вне дома больше не могла. Пигмеи тоже проявляли беспокойство по мере того как тени удлинялись. Когда мы возвращались в лагерь, нам казалось, что глаза тысяч леопардов следят за каждым нашим шагом.

Сумерки в Конго не приносят мира и спокойствия. Об их наступлении сразу возвещают нестройные звуки из джунглей. Концерт насекомых, начинающийся там, напоминает настройку сразу всех инструментов китайского оркестра. Кажется, что древесные кузнечики, сверчки и сотни других насекомых взлетают в небо именно при заходе солнца. Совы, аисты и другие птицы, а также различные животные фыркают, чихают, кричат, воют, лают, начиная ночные поиски пищи. Становится

так же шумно, как в Нью-Йорке, но шум этот совсем необычный.

Летучие мыши, обитатели банановых деревьев, в этот вечер вели себя особенно шумно. Они летали низко над долиной и строениями, неустанно крича свое «гонк-гонк-гонк». Две из них, непрерывно перекликаясь с летавшими собратями, забрались на крышу нашего дома, чтобы свить там гнездо.

Когда наступила полная темнота, симфония окончилась. На землю опустилась тишина. На всем пространстве от берегов реки Эпулу до отдаленных участков леса царило почти полное безмолвие. Лишь изредка животные, достаточно сильные, чтобы отважиться выдать свое присутствие, вызывающе ревели на своих врагов. Более слабые обитатели тропического леса в страхе хранили молчание.

Мы поужинали. Аппетит у меня был испорчен мыслями о бедном старом козле, находившемся в ловушке и качестве приманки. Но ни в эту ночь, ни на следующую ничего не случилось: козел был жив и здоров, а другая половина клетки пуста.

Как только рассвело, пигмеи в деревне начали похоронный танец. Весь день гремели барабаны, и пигмеи в монотонном пении изливали свою печаль. Прибыли два бельгийских чиновника, которые позавтракали, выпили пива и принялись за составление отчета о нападении леопарда. Только они уехали, как в дом стремительно побежала группа пигмеев с известием о леопарде. Пигмеи рассказали, что шли в деревню Банадигби, где жили родственники умершей женщины. Вдруг один из них заметил, что кто-то движется в зарослях болотной травы. Затем все увидели голову животного. Хотя пигмеи были вооружены копьями и луками, они понимали, какой опасности подвергались, находясь в высокой траве. Поэтому они поспешно выбрались из зарослей и вернулись домой.

Все надеялись, что леопард уйдет, если его как следует напугать. Пат снял с вешалки свое ружье и принес из чулана патроны. Уже более пяти лет он охотился только за микробами. Из-за большой влажности воздуха все его охотничье снаряжение пришло в негод-

ность: ружье покрылось ржавчиной, патроны разбухли, порох отсырел. Пат рассердился и стал ругать климат, который, дай ему только время, может превратить железо в труху, а сталь сделать похожей на старую кожу. Затем, поняв, в какое дурацкое положение он попал из-за того, что не сможет причинить никакого вреда леопарду, он посоветовал пигмеям бить в барабаны, собрал нескольких человек и направился с ними строить новую западню возле деревни Банадигби.

— Терпеть не могу рисковать этими превосходными козами в качестве приманок,— сказал он, прежде чем уйти,— но мы сделаем доброе дело, если поймем кошку. Не могу я сидеть сложа руки и ждать другого нападения.

Охотничий азарт достиг апогея, однако меня он не захватил. Участвовать в поимке леопарда я не собиралась. Все, о чем я мечтала,— это не выходить из дому до тех пор, пока он не будет пойман.

Пат и сопрсвождавшие его люди возвратились к вечеру. Это немного успокоило меня. Когда мы ложились спать, я слышала, как испуганно блеял козел в клетке у госпиталя. Трудно было сказать, чуял ли он леопарда или просто чувствовал себя одиноко там, в кромешной тьме.

Неделя прошла спокойно. К пигмеям вернулось их обычное веселье, они вновь ходили охотиться с сетями и не встречали больше следов леопарда. Я полола огород без охраны, которая теперь стала излишней. Однако Пат по-прежнему оставлял в ловушках приманки. То же самое делали и местные жители.

Я была еще сравнительно плохо знакома с жизнью в джунглях, пигмеи же никогда не любят вспоминать в течение продолжительного времени о неприятных вещах, поэтому мы надеялись, что леопард ушел в поисках более богатой добычи. Но Пат и жившие в нашей округе банту имели особое мнение на этот счет. Они надеялись на лучшее, но готовились к худшему.

Однажды вечером мы легли в постель раньше, чем обычно, чтобы перед сном успеть просмотреть несколько книг и журналов, только что полученных из Стэнли-виля. С увлечением читая таинственную историю, я

углышала какой-то звук. Казалось, он доносился откуда-то с крыши.

— Леопард,— прошептал мне на ухо Пат.

У меня сразу неистово забилося сердце, и я почувствовала, как немеют руки и ноги. Затем я вспомнила, что не заперла двери и не закрыла деревянные ставни окон. Пат, который был болен и от слабости едва стоял на ногах, вылез из постели, чтобы найти какое-нибудь оружие для защиты. Я же от страха не могла двинуть ни рукой, ни ногой. Вдруг кто-то легко впрыгнул в комнату. Моя собака породы басени по кличке «Мадемуазель» начала скулить, и я решила, что сейчас умру, прямо здесь, в постели. Наконец я заставила себя оглядеться. При тусклом свете штормового фонаря, сидя на столе, спокойно умывалась и чистилась наша кошечка Пуси с таким видом, точно она всегда входила в спальню через вентиляционное отверстие в крыше.

Ранним ясным утром я послала слуг поискать следы леопарда вокруг дома, но они ничего не нашли. Я почувствовала легкое смущение и попыталась забыть о том, как лежала в постели, съезжившись от страха, убежденная, что в нашу спальню проник леопард.

Два дня спустя, когда Алили принес нам утром кофе, его глаза были широко раскрыты от ужаса.

— Прошлой ночью дьявол стащил одну из коз козлятина,— сказал он.

Люди, которые отправились на поиски по кровавому следу, обнаружили место, где пировал леопард. Большой кот джунглей съел только голову и шею козы. Мы подобрали остатки. В тот вечер на обед у нас была нежная козлятина, которая внесла разнообразие в наше обычное меню из мяса лесных антилоп. Козлятина была восхитительна. Леопард не тронул старого козла, находившегося в клетке, а выбрал одну из самых молодых коз в стаде. Следующей ночью леопард появился вновь, утащив на этот раз более старое животное. Пат держал скот за частоколом, который после нападения на Укану был надстроен до высоты свыше трех с половиной метров. Сила зверя восхищала меня. Он перепрыгнул через забор, загрыз козу, а затем выбрался обратно, унеся взрослое животное, словно кролика.

Пат был взбешен. Он приказал вырыть яму в нескольких футах от частокола, там, где прошел со своей жертвой леопард. В тот вечер Пат был так уверен в возвращении леопарда, что отправился в госпиталь поджидать его, оставив меня дома с двумя слугами. Я легла спать, полная всевозможных страхов, стараясь, однако, насколько это было возможно, приободрить себя. Один слуга спал в кухне, другой — в гостиной. Они не рискнули ночевать на веранде. Я попыталась успокоить нервы чтением «Истории любви Леонардо да Винчи», но едва могла листать страницы — так дрожали мои руки. Единственное, что я слышала, кроме биения своего сердца, — это блеяние козла в большой ловушке. Представляю, как чувствовал себя он. Обладая хорошо развитым обонянием, он, вероятно, чуял леопарда, который выжидал в лесу удобного момента. Несомненно, козел видел, что произошло с его сородичами, когда леопард проносил их мимо ловушки. Я заснула, думая о том, какими безопасными и мирными по сравнению с Конго были средневековые Флоренция и Пиза. Во сне меня не переставали мучить кошмары. Мои сновидения были полны леопардов. Разбудили меня крики слуг. Было темно, как в преисподней.

— Они поймали леопарда! — кричал Алили. — Они поймали леопарда!

Он убеждал меня пойти к клетке и взглянуть на зверя.

— Вы идите, — отвечала я, — а у меня нет никакого желания его видеть.

Что будет, если он вырвется на свободу, думала я. Мне хотелось остаться в доме, но Пат просил меня прийти. Нехотя я оделась и отправилась туда, где вокруг клетки толпились пигмеи. Три мигавших керосиновых фонаря и один штормовой освещали небольшое пространство. Их слабый желтый свет тонул в таинственной темноте ночи. Мои опасения были напрасны. Леопард был мертв. Плотник Пауль метнул ему под лопатку копье, а Николá, верный слуга Пата, выпустил в него несколько стрел со стальными наконечниками. Даже мертвый, зверь внушал страх. Это был самец. Он лежал в углу клетки с кровавой раной в боку. Когда

и смотрела на леопарда, в котором еще угадывалась его былая сила, мне невольно на память пришел виденный мной однажды паровоз, который потерпел крушение; шипя и содрогаясь, он лежал в овраге около железнодорожного полотна.

Леопард от кончика хвоста до огромных бакенбардов был длиною добрых два с половиной метра. Кто-то выпустил из клетки бедного старого козла, заманившего хищника в западню, однако у того не было сил идти домой. Стоя на месте, он весь дрожал от страха, так же как и я в момент, когда в спальню прыгнула наша кошечка Пуси.

— Это людоед,— сказал Агеронга,— лесные леопарды темнее леопардов саванн, а людоеды — самые темные.

Клетку закрыли, чтобы другие звери не могли повредить мертвого леопарда. Затем все пошли спать.

Утром Алили сообщил мне, что обнаружил следы леопарда вокруг нашего дома и как раз под моими окнами, которые не были ничем защищены, кроме непрочных деревянных решеток.

— Он пришел проведать коз в загоне,— продолжал Алили,— но предпочел бы другой сорт мяса. Возможно, присутствие собаки заставило его изменить свои намерения.

Я вышла наружу и на клумбе около стены увидела большие следы. Затем посмотрела на окна с их тонкими деревянными решетками... и потеряла сознание.

Глава вторая

Очнулась я на кровати и, как это часто со мной случалось последнее время, принялась думать о той странной жизни, которую вела все эти годы.

Выросшая в крупнейшем современном городе мира, я плохо знала природу. Я видела медведей в горах Грейт Смоки, в Северной Каролине. В парке возле Вудстока в Кэтскили я познакомилась с некоторыми дикими животными, среди которых самым опасным была рыжая лиса. С раннего детства я пугалась при виде змей, пауков и жуков.

Теперь я находилась на берегах одного из притоков реки Конго, в самой гуще леса Итури, почти в центре Африки. Не считая моего мужа, здесь на пространстве в двести квадратных километров едва ли можно было встретить десяток белых людей.

Лагерь Патнем, которым руководили мы с Патом, представлял собой необычное учреждение. Он состоял из госпиталя, маленькой гостиницы и разбросанных вокруг небольших коттеджей с комнатами на восемь-девять постояльцев, забота о которых входила в мои обязанности. Добавьте сюда домик и маленький зоопарк с множеством диких животных — и вы получите представление о лагере Патнем. Все это расположено на берегу реки, в глубине леса; по соседству с лагерем живут местные африканские племена.

Большое своеобразие в жизнь лагеря вносило то обстоятельство, что вокруг него в маленьких деревушках, расположенных в чаще леса, жило довольно много пигмеев, самых низкорослых людей в мире.

Каждое утро, начиная с первого дня пребывания на реке Эпулу и до настоящего момента, я не переставала

удивляться тому, что нахожусь здесь. Я думала об этом иногда даже ночью. О пигмеех я читала еще в школе. На родине, в Американском музее естественной истории, я видела манекены, изображавшие небольшую семью пигмеев. Но я ни за что не поверила бы в тот день, когда впервые встретилась с Патриком Патнемом на острове Мартас-Вайньярд, что очень скоро буду наблюдать жизнь живых пигмеев так близко. Познакомившись с Патом, я узнала, что он — антрополог и находится в отпуске после многих лет пребывания в Конго. Там он изучал местных жителей, особенно пигмеев, и работал в качестве санитарного агента. Работа последнего напоминает деятельность инспектора департамента здравоохранения, с той разницей, что санитарный агент не является врачом. Пат окончил восьмимесячные курсы для чиновников Конго и мог ставить диагноз наиболее простых заболеваний, случающихся в джунглях, а также оказывать первую помощь. В силу необходимости он приобрел также большие практические навыки в области хирургии. Появление удивительных лекарств, таких, как сульфаниламидные препараты* и пенициллин, было для Пата и всех обитателей леса Итури сущим счастьем. Обо всем этом он мне поведал во время прогулок на лодке вдоль массачусетского побережья. Легко было полюбить Пата. Он был весьма романтичен с его фантастическими рассказами о необыкновенных местах.

Я была художницей, меня особенно прельстила возможность иметь в качестве натурщиков настоящих пигмеев. Летом теплые ветры с моря целуют остров Мартас-Вайньярд, он купается в солнечных лучах, отчего все становится ярким, веселым, искрящимся. Ночью над островом Нантакет восходит луна, и Вайньярд превращается в место, где молодость, приятная беседа и музыка делают свое старое доброе дело. Так было и с нами — мы полюбили друг друга.

* Сульфаниламидные препараты — группа антимикробных средств. Наиболее распространенными в терапевтической практике являются стрептоцид, сульфидин, сульфазол, норсульфазол, сульфадимизин и др.

Многие мои друзья удивились, услышав, что я собираюсь выйти замуж. Но когда они узнали о моем намерении жить в глубинном районе Конго, одни сочли, что я упустила последнюю ничтожную возможность остаться нормальным человеком. Другие, наоборот, завидовали мне и, казалось, готовы были тотчас же занять мое место.

Спустя несколько недель мы были уже в пути — плыли на фрагтовом судне к Африке. Оно следовало по курсу: Азорские острова — Мадейра — острова Кейп-Вард. Это была старая дорога исследователей и пиратов.

Просто любить — уже хорошо. Любить и быть любимой в океане, летом, когда дни превращаются в недели, не теряя своей прелести, — величайшее счастье. Высадиться после такой поездки на таинственный, наполненный благоуханием берег Западной Африки, зная, что путь ваш лежит к восточным районам Конго, граничащим с Эфиопией, — просто экстаз. Мы проехали более трех тысяч километров в тяжело нагруженном шевроле по дорогам, в редких случаях мощным, обычно же плохим и даже опасным. Путешествие это длилось целый год. Когда мы добрались до Эпулу, где собирались обосноваться, наш «шеви» почти вышел из строя.

В Стэнливиле мы переложили половину багажа в старый автомобиль Пата, который ржавел в гараже из рифленого железа на окраине этого города. За время нашего путешествия по Африке, которое длилось в течение целого года, к нашему первоначальному багажу прибавилось очень много новых вещей. Пат купил также инструменты, различные материалы, одежду и другие необходимые для жизни в лагере вещи. Все это мы втиснули в переполненные автомобили. Последнюю ночь мы провели в деревне Вамба. Во время путешествия я заболела малярией, но здесь болезнь вдруг оставила меня, словно по волшебству. Пат настаивал на том, что следует подождать, пока мне не станет лучше: ему хотелось, чтобы я чувствовала себя хорошо, когда он будет впервые показывать мне наш новый дом.

Утренний ветер еще не разогнал тумана, когда мы выехали из деревни Вамба. Дорога петляла по лесу Итури, выбирая наиболее удобный путь между глад-

ими стволами огромных деревьев. Лозы лиан свешивались с нижних ветвей, заросли кустарника местами вплотную подступали к краю дороги. Большой частью кроны деревьев не образовывали сплошного шатра, и свет солнца, проникавший внутрь, придавал лесу какое-то сходство с буковым лесом Барнхэма между Биконсфилдом и Сток-Поджес в Англии. Часто между стволами мелькали просветы, однако трудно было найти точку, откуда просматривалась бы значительная часть местности. Плохо чувствуют себя здесь те, кто родился и вырос среди гор или холмов. Вы можете прожить всю жизнь в лесу Итури и никогда не увидеть больших свободных пространств, разве только в тех местах, где река протекает сквозь тропический лес или где человек вырубил и выжег значительные участки леса. Изредка нам попадались грязные, скученные деревни, в которых было двадцать-тридцать крытых листьями хижин, встречались шедшие по дороге группами местные жители с узлами на головах. При ходьбе они поднимали голыми ногами пыль, высушенную утренним ветром. Однажды мы увидели бабуинов*, длинными прыжками пересекающих дорогу далеко впереди. Между деревьями летали самые разнообразные птицы. Примерно в тридцати километрах от деревни Вамба дорога была разрыта, и виднелись огромные кучи слоновьего помета: здесь останавливалось, чтобы поваляться в пыли, стадо слонов. У автомобиля Пата, видимо, подтекал радиатор. Мы часто останавливались, Пат добавлял в радиатор свежую воду. Если поблизости были ручей или заводь, Пат доставал воду оттуда. В других случаях он пользовался запасным баком, который наполнял на ближайшей остановке.

Часов в шесть вечера мы были уже близко от Эпулу, и всякий раз, когда Пат останавливал машину, из леса с криками «Патнеми вернулся! Патнеми вернулся!» гурьбой высыпали местные жители.

Всеобщее возбуждение подействовало на меня. Мне захотелось бросить руль и торжественно усесться на заднем сиденье, словно я была героем, возвращающимся

* Б а б у и н — крупная обезьяна из рода павианов.

после долгой отлучки на родину. Эти глупые мысли рас- смешили меня. Я была по-настоящему счастлива, когда вела наш потрепанный «шеви» по пыльному шоссе через лес, вслед за старенькой машиной Пата, из радиатора которой валил пар. По тому, как Пат вел машину, я до- гадывалась, что он тоже находится в приподнятом со- стоянии. Он отсутствовал много месяцев, и возвращение глубоко взволновало его.

Взошла луна, яркая и большая. Некоторое время дорога петляла в темноте, за одним из поворотов от лунного света она стала похожа на отливающую брон- зой ленту. Около девяти часов вечера Пат свернул с дороги на тропинку, которая вилась между стволами огромных деревьев. Повернув вслед за машиной Пата, я увидела щит, прибитый к столбу, который стоял на повороте. Надпись на щите гласила: «Лагерь Патнем. Пища и кров». Здесь это выглядело так же, как иглу * эскимоса в Таймс-сквере **. Проехав еще километра полтора, Пат резко затормозил. Я едва успела затормозить, чуть не врезавшись в машину Пата. Выйдя из автомобиля, я прошла вперед. Моему взору открылась великолепнейшая из картин, когда-либо виденных мною в Северной Америке или Африке. Рамой служила арка из красных цветов, более крупных, чем бермудская роза. Подойдя к цветочной арке, я обратила внимание, что местные жители соорудили ее, привязав цветы к стеб- лям пальм. Я подумала о том, как живущие здесь люди любят Пата и как велико было их желание угодить его молодой жене. Далее шла поляна, с одной стороны кото- рой находился невысокий крутой обрыв к реке Эпулу, а с трех других — джунгли. Лагерь был залит ярким рассеянным светом, струившимся сквозь кроны деревьев, и освещавшим строения лагеря. Одно из них — длинное крытое листьями — было, как я догадывалась, госпита- лем, другое — большое, беспорядочной архитектуры — служило гостиницей; за ними, ближе к реке, стоял ма- ленький дом с глинобитными стенами и крышей из

* И г л у — сооруженная из льда хижина эскимосов.

** Таймс-сквер — небольшой сквер в Нью-Йорке, расположен перед зданием редакции газеты «Нью-Йорк таймс» в одном из са- мых оживленных деловых районов города.

блестящих зеленых листьев. Позади госпиталя находился загон, окруженный частоколом, сооруженным из стволов молодых пальм. Загон был разделен на секции, в которых содержались животные, пойманные в джунглях. Длинное и сравнительно узкое здание госпиталя было не больше больничной палаты в каком-либо медицинском учреждении крупного города. Небольшое крыльцо вело к входной двери. Это глинобитное и крытое листьями здание было построено очень умело.

Что касается архитектуры гостиницы, то она не отличалась совершенством. Это было одноэтажное, возведенное без всякого плана строение, с двумя боковыми пристройками. Сторона дома, обращенная к реке, имела широкую веранду. В большей половине здания находились столовая и гостиная, меньшая была отведена под спальни. Здание ничем не напоминало отель. Оно скорее походило на одно из тех больших, просторных и прохладных строений, которые встречаются на сахарных плантациях или банановых фермах в тропических странах и в которых живут надсмотрщики. Третье из основных зданий — небольшой дом, построенный аналогичным образом, был окружен низкорослым цветущим кустарником; около дома находился огород. На фоне гигантских деревьев этот дом со своими коричневыми стенами и крышей из блестящих листьев напоминал маленький драгоценный камень в оправе. На меня, художницу, это подействовало благотворно. Обстановка снаружи была идиллической. Однако мне не терпелось войти в мой новый дом.

Много пигмеев собралось в лагере, они кричали и танцевали. Затем окружили нас и почти втолкнули в жилую комнату домика, где в необычном очаге ярко полыхал огонь. Очаг представлял собой огромную каменную плиту с углублением посередине, в нем находились три больших бревна акажу*, расположенные подобно спицам колеса. В месте, где они соприкасались, весело плясало пламя. Поддерживая огонь, мужчины время от времени сдвигали эти бревна к центру. Этот способ имел то преимущество, что избавлял от трудоем-

* Акажу — один из видов красного дерева.

кого процесса пилки и колки дров. Дымохода не было. Дым поднимался от горящих бревен акажу и проходил через отверстие в центре крыши и в щели между листьями, покрывавшими ее. В стене комнаты, обращенной к реке Эпулу, имелось огромное незастекленное окно. Через это казавшееся огромной фреской окно я видела, как бурная река стремительно прокладывала себе дорогу сквозь скалы и камни. За стремниной, на противоположном берегу, тянулись таинственные джунгли. Я обернулась, желая осмотреть комнату, но поняла, что сделать это уже невозможно: пятьдесят или более африканцев, которые считали себя комитетом, организованным для встречи гостей, разместились на стульях и прямо на полу. Все они говорили одновременно, стремясь сообщить Пату о том, что произошло, пока он отсутствовал. В комнате было сущее «вавилонское столпотворение» — крики на кингвана перемежались с возгласами на кибира. Это напомнило мне первый день занятий в школе после летних каникул, когда учитель обычно просил нас рассказать о том, как мы отдыхали.

— Все это необычайно забавно, — сказала я Пату. — Мне совсем не жарко, несмотря на то что сейчас август и мы почти на экваторе. А здесь даже горит огонь.

Пат рассмеялся:

— Это как раз один из сюрпризов. Будут и другие.

Он никогда не говорил ничего более верного.

Наконец мы выпроводили африканцев. Глаза мои слипались. Однако, свалившись в постель, я долго не могла заснуть: слишком сильно было возбуждение. Через открытые окна доносился рокот реки на порогах. Ночные птицы издавали скрипящие звуки на ветвях над головой; джунгли шумели, как обычно.

На следующее утро мы с Патом завтракали, сидя у окна, и глядели на Эпулу. Панорама была еще более очаровательной, чем ночью. Теперь я видела, что лес за рекой вовсе не был таким непроходимым, как мне показалось вначале. Он не состоял из сплошных зарослей. Ветви гигантских деревьев соединялись высоко над землей, образуя обширный зеленый шатер. С них в беспорядке свешивались лианы. Кое-где сводчатый зонт зелени прерывался, и сквозь просветы падали вниз ко-

лучи солнца. Зрелище это напоминало величественный, богато расписанный и внушающий чувство благоговения интерьер старинного кафедрального собора. А высоко над лесом раскинулось небо, которое в ясные дни было таким голубым, что захватывало дух.

Мои мечтания прервал Пат.

— Я думаю, сначала мы должны сходить в деревню, — сказал он. — Уже совсем светло.

Вскоре мы туда отправились. Некоторое время тропинка шла по берегу реки, затем, круто свернув, углубилась в лес, где, хорошо заметная, вилась между стволами больших деревьев. Из леса доносился стук молотков.

— Это пигмеи делают тапу — своеобразную материю из коры, — объяснил Пат. — Они сдирают кору с дерева марумба, вымачивают ее, кладут на колоду и бьют по ней маленьким молотком из слоновой кости, удаляя из коры жидкость и размягчая волокна. Обработанная таким способом кора служит материей. Это, вероятно, один из древнейших процессов ее производства, известных человеку.

Через некоторое время тропинка кончилась. Она вывела нас на небольшую прогалину, ярко освещенную солнцем. Его неожиданный блеск ослепил меня. Я не представляла раньше, что кроны деревьев могут так сильно задерживать солнечные лучи. Это было как бы переходом из темноты в необычайно ярко освещенную комнату.

Когда мои глаза привыкли к свету, я увидела семнадцать маленьких хижин, расположенных подковообразно. Внутри этого полукруга зеленела трава. Хижины были построены из стволов молодых деревьев, соответствующим образом выгнутых и покрытых сверху блестящими зелеными листьями. Каждая имела лишь одно крошечное входное отверстие. Высота хижин не превышала 170 сантиметров. Перед ними расположились пигмеи; одни что-то готовили на костре, другие колотили кору на гладких колодах, третьи непринужденно сидели вокруг. Увидев нас, все они заговорили о чем-то быстро и непонятно; со всех сторон бегом к нам устремились мужчины. Каждая хижина напоминала при этом

автомобиль в цирке Барнэм и Бейли, из которого один за другим появляется множество клоунов, заставляя публику удивляться и ломать голову над тем, каким образом все они там поместились. А из хижин, словно муравьи из муравейника, появлялись все новые пигмеи. Я заметила, что женщины держались вблизи своих домов и очагов. Дети стояли возле них. Вид пигмеев поразил бы торговца одеждой в самое сердце. Все они, если не считать передника размером не более женского носового платка или набедренной повязки из самодельной материи, были нагие. Большинство малышей не имели и этого одеяния. У нескольких мужчин, очевидно местных щеголей, сзади под поясной шнурок были продеты зеленые листья, которые свешивались над ягодицами, напоминая хвост петуха. Молодые женщины и девушки напоминали мне «Девушек-таитянок» Гогена*, от которых красавиц-пигмеек отличало лишь то, что последние были миниатюрными копиями натурщиц южных морей.

Пока Пат и пигмей-мужчины разговаривали, я бродила по этой деревушке. У нескольких женщин хватило смелости при моем приближении остаться около хижин. Они не говорили по-английски, а я не знала их языка, и нам пришлось объясняться жестами. Во время этого визита мне стало ясно, как трудно будет подружиться с пигмеями, не изучив их языка.

Мы вернулись в лагерь Патнем и занялись хозяйственными делами. Не прошло и недели, как мне представился случай вновь посетить деревню пигмеев. Мне хотелось сделать зарисовки пигмеев в обычной для них обстановке. С того самого времени, когда на острове Мартас-Вайньярд Пат рассказал мне о них, меня преследовало страстное желание запечатлеть их на бумаге или холсте. До того как я встретила Пата, живопись заполняла всю мою жизнь. Знакомство с пигмеями открывало для меня новые возможности. Я знала, что лишь немногие белые женщины близко наблюдали их жизнь. Мне было хорошо известно также, что ни одна из них не ри-

* Гоген, Поль (1848—1903) — французский художник, живший долго на о-ве Таити (Полинезия) и запечатлевший на своих картинах таитян.

говала пигмеев. На родине я ездила далеко в горы Смоки в Северной Каролине, чтобы найти простых, неиспорченных людей и сделать с них зарисовки, однако и неизменно обманывалась в своих надеждах. Именно здесь, в джунглях, думала я, мне удастся найти искренних и нетронутых цивилизацией натурщиков. Замысел электризует художника. Мне кажется, инженеры испытывают то же волнение, когда они видят глубокое ущелье, через которое должны перебросить мост.

Для художника иметь возможность рисовать мужчин, женщин и детей пигмеев с натуры равноценно находке золотоносной жилы.

Пат полагал, что мне необходимо большое количество подарков, которые должны были обеспечить радушный прием у пигмеев. Поэтому Агеронга и я проехали по главной дороге два километра в сторону Ирума. Здесь на расчищенном участке леса, возле небольшой реки, один индиец держал маленькую лавку. Мы купили большую оплетенную бутылку пальмового масла, несколько коробок конголезских сигарет и немного рису. На следующее утро я отправилась в пигмейскую деревню. Меня сопровождала почти дюжина слуг, которые несли стул, складную кровать, пищу (ее хватило бы на несколько недель), краски и холст.

Когда мы приблизились к деревне, я услышала тот же стук молотков, на который обратила внимание во время первого посещения. Впоследствии я много раз бывала в деревне, и не было случая, чтобы этот стук прекратился. Он был как бы символом жизни маленького народа. В это утро большинство мужчин ушло на охоту с сетью, но несколько человек осталось дома выделывать материю и чинить сети. Женщины готовили в горшках маниоку или жарили на углях пизанги*, тщательно завернутые в листья. Руководил всем маленький человек с острой бородкой, большим животом и широкой улыбкой. Он сидел на стуле, сплетенном из прутьев лиан, у небольшого костра и курил. Один конец своей фантастической трубки из бананового черенка длиной

* П и з а н г — малайское название банана; распространено в Восточной Африке и на востоке Центральной Африки.

около полутора метров он держал во рту, на другой была надета маленькая глиняная чашечка. Его звали Херафу. После приветствия человек снова сел. Казалось, он не желал открыто выражать дружеские чувства. В течение часа или более, пока слуги Пата возводили для меня хижину из ветвей и листьев, я, соблюдая приличия, вела через переводчика беседу со старейшиной пигмеев. Нельзя сказать, что она была очень дружеской. Некоторое время спустя я поняла причину этого. Херафу остался дома, ибо мужчины полагали, что я пришла в деревню шпионить за ними и выяснить, не оставляют ли они себе часть мяса убитых на охоте животных, которое должны приносить в гостиницу.

— Херафу,— сказала я, беря быка за рога,— я пришла сюда на несколько дней погостить и порисовать. Если у вас будет мясо, я хотела бы купить немного для гостиницы. Если сети окажутся пустыми или добыча будет незначительной, я ничего не буду просить.

Это решило дело. Херафу вновь заулыбался. Атмосфера в деревушке очистилась словно после грозы. Моментально вокруг нас собралось двенадцать пигмеев, которые, напевая, стали помогать слугам достраивать мою хижину, носить дрова и воду. Я чувствовала себя Белоснежкой среди гномов. Меня устроило бы любое укрытие от непогоды. Однако Аппамомба и Алили считали, что я должна иметь большой дом. Мы сошлись на хижине средней величины, но когда она была выстроена, то по размерам скорее подходила одному из великанов Джека-Потрошителя*, чем Белоснежке. Слуги Пата полагали, что, поскольку я белая, мне следует «поддерживать свой престиж» и стараться произвести впечатление на пигмеев. Мне никак не удавалось изменить их мнение на этот счет. Случайно я услышала, как один из слуг говорил что-то о пристройке к хижине.

— О, не беспокойтесь,— запротестовала я.— Я могу просто пойти в лес.

Они пришли в ужас. Я поняла, что совершила ошибку.

* Джек-Потрошитель великанов — герой английской народной сказки.

— О нет, Мадами нас не поняла! — закричали они.

Несколько минут спустя они отвели меня недалеко в лес и показали сделанную ими красивую маленькую одноместную будочку с крышей из зеленых листьев.

Когда со строительством было покончено, я сделала ряд набросков. Мне хотелось написать портрет Херафу, но, так как женщины казались более застенчивыми, я рисовала их, опасаясь, что все они в любую минуту могут уйти в лес. Обиженный Херафу сидел возле своего костра. В конце концов он подошел к тому месту, где я сидела, рисуя мать и ее ребенка.

— Я тоже мог, как и все, пойти на охоту, — сказал он. — Вероятно, я пойду на несколько дней в Мамбаса.

Я развернула огромный кусок холста, который у меня был с собой, и показала его пигмею.

— Не уходи, — попросила я через переводчика. — Я оставила этот большой кусок для тебя.

Херафу чуть не заплясал от радости. Он, как сказочный маленький король, стал с важным видом ходить вокруг, позируя и прихорашиваясь, словно петух перед курами.

К концу дня вернулись охотники. Они кричали и смеялись, очень довольные своей удачной охотой. Семеро пигмеев несли на плечах убитых антилоп болоки, наиболее часто встречающихся в лесу Итури, а женщины — диких птиц, похожих на кур. Часть добычи была отправлена в гостиницу. Другая тотчас же была разрезана на куски и приготовлена для обжаривания. Так как у пигмеев нет ледников, они съедают мясо сразу, как только сумеют добыть его.

В течение часа все были поглощены едой возле костров; в качестве гарнира к мясу антилопы подавались на листьях жареные бананы или маниока. После еды я раздала подарки. Все это напоминало Рождество. Каждая семья получила пальмовое масло, соль, а взрослые еще по несколько сигарет. Когда последняя из них была выкурена, наступила ночь. При ярком лунном свете деревня и ее обитатели были видны так же отчетливо, как и днем. При отблеске костров фигуры пигмеев казались призрачными и выглядели еще меньше на фоне величественного леса. Я залезла в свою постель,

подоткнула москитную сетку и лежала, прислушиваясь к низким голосам мужчин-пигмеев. Где-то в отдалении один из них играл на маленьком музыкальном инструменте, который был сделан из полого куска дерева и металлического прутика от старого зонта. Я заснула под его музыку, думая о том, что она очень напоминает далекий звук колокола.

В деревне я пробыла неделю, рисуя, делая наброски или просто бездельничая. Все это время мне казалось, что я нахожусь в сказочной стране эльфов. Один пигмей по имени Фейзи был моим любимцем. Он напоминал Херафу, только у него не было такого большого живота и он был более энергичен, чем маленький философ-старейшина. Когда пигмеи отправлялись на охоту, Фейзи всегда возглавлял их, и никто не спорил с ним. В конце недели он пригласил меня пойти с ними на охоту. Я была так взволнована, что едва могла спать: ведь на охоту с пигмеями за все время едва ли ходило более пяти белых женщин.

Наутро охотники сложили свои сплетенные из лиан сети, размером примерно с теннисную сетку каждая, взвалили их на плечи и, вооружившись луками и копьями, отправились в лес. Женщины группами и поодиночке, некоторые с детьми, последовали за охотниками. Я пошла с Томасой, женой Сейла, одного из старейшин деревни. Ростом Томаса была несколько ниже моих плеч. Она бежала быстро, как газель.

Мы прошли лесом километров семь-восемь, пригибаясь под низко свисавшими ветвями лиан и оставляя солнце с правой стороны. Большая часть пути проходила через девственный лес. Несколько раз деревья расступались, открывая небольшие лужайки диаметром в несколько десятков метров, заросшие травой, достигавшей высоты кукурузы в штате Айова. Эти участки мы обходили, так как знали, что в траве любят спать леопарды. Некоторое время спустя по небольшому склону мы вышли к началу узкой лощины, лежавшей между двумя хребтами. Томаса пояснила знаками, что мужчины ожидают на дальнем конце низины, сети их соединены одна с другой и расставлены на земле. Вдруг из-за леса раздался крик птицы, и все женщины с громкими возгла-

нами, рассыпавшись по ложине, пошли по направлению к расставленным сетям, колотя чем попало по кустам. Я увидела несколько напуганных шумом животных, которые бежали перед женщинами. При этом я заметила, что тон женских криков всякий раз менялся. Томаса объяснила мне, что таким образом они предупреждают мужчин о приближении того или иного животного. Пользуясь языком жестов и подражая шипению кошки, я спросила Томасу, что произойдет, если они испугнут леопарда. Томаса взмахнула своей маленькой рукой, словно мальчик, пускающий планер. Мысль ее была ясна: испугавшись шума, леопард исчезнет так быстро, что никто не успеет даже увидеть его.

Мы следовали за испугнутой дичью; постепенно полукруг сужался, края его должны были сомкнуться с краями расставленных сетей. Но, прежде чем это произошло, несколько животных смогло вырваться из западни. Попалась серая антилопа болоки, а также птица размером с куропатку. Хозяином сети, в которой запуталась маленькая антилопа, был пигмей по имени Вейтума. Ему принадлежало право убить животное и получить большую часть мяса. Он вонзил свое копье в шею животного, перерезал сонную артерию и стал смотреть, как оно умирает, гордясь тем, что сделал это умело, не испортив тушу.

Во время следующего загона я оставалась с мужчинами. Каждый из них собрал свою сеть, перебросил ее через плечо, и все они отправились в другое охотничье угодье, которое находилось километрах в пяти. Дорога к нему шла по краю холма высотой девять-двенадцать метров и далее к поваленным тропической бурей деревьям. Здесь были заросли подлеска и колючего кустарника, в которых могла укрываться дичь, и маленькие охотники знали это. Они соединили свои сети и расставили их у дальнего края подлеска. Каждый пигмей встал возле своей сети, готовый поразить все, что попадет в нее. Тем временем женщины, выстроившись цепочкой, молча углубились в лес. С их уходом все смолкло. Ничто не нарушало тишины джунглей, хотя более двадцати женщин шли через лес несколько километров, чтобы выйти на исходную позицию. Вместе

с ними находилось семь или восемь детей, крепко привязанных кожаными ремнями к спинам матерей, однако не слышалось никакого хныканья, которое могло бы спугнуть дичь. Фейзи оставил меня и отправился проверить, как растянута сеть. Затем он вернулся. Я снова услышала крик птицы, но на этот раз возле своего плеча. Увидев напряженные горловые мышцы Фейзи, я поняла, что эти звуки издавала не птица, а он сам и что это — сигнал для женщин. Внезапно из-за деревьев стал нарастать шум: на расстоянии трех-четырех километров от нас женщины начали загон. Нам не оставалось ничего другого, как ждать и гадать, кого шум пригонит в сети — безобидную антилопу, возбешенного леопарда или буйвола. Перед тем местом, где стояли на страже Фейзи и я, находилось довольно открытое пространство, так как огромные, вытянувшиеся навстречу солнечному свету деревья не имели нижних ветвей. Земля под ними была устлана коричневым ковром опавших листьев. Место это напоминало парк, за которым хорошо ухаживают, или рощу, где устраивают пикники. Итак, мы имели возможность заметить дичь до того, как она окажется около. Солнце уже было высоко в небе, его горячие лучи проникали через кружево листьев. Фейзи покрылся потом, вероятно, больше от возбуждения, чем от жары. Моя одежда тоже постепенно становилась влажной. Отдаленный шум, создаваемый загонщиками, с каждой минутой нарастал. Фейзи заметил антилопу первый. Секундой позже между огромных стволов деревьев я увидела маленькое серое животное, которое прыжками мчалось на нас. Голова антилопы была вытянута вперед, короткие рога почти касались шеи, она бежала, едва касаясь земли маленькими копытцами. Глаза антилопы от ужаса были так широко раскрыты, что обнажились белки. Направляясь прямо к участку кустарника, где укрылись пигмеи, она мчалась между деревьями так же легко, как хороший футболист между плохими игроками. Теперь она уже не сумела бы свернуть, даже заметив сеть из лиан: она ткнулась в нее головой и три маленьких человека мгновенно кинулись к антилопе. Несколько молниеносных колющих и рубящих ударов — и все было кончено.

Лишь легкое покачивание ветвей кустарника говорило о происшедшем. Остальные пигмеи пронзительно закричали и также бросились к антилопе. Мне очень тяжело было наблюдать эту сцену. Тронув меня за плечо, Фейзи жестом попросил следовать за ним. Мы направились в чащу, к сетям, которые были расставлены в центре дуги. Пигмеи бежали рядом с копьями наготове, бросая взгляды на разодранный участок сети, на котором сохранилась только верхняя часть. Они хотели объяснить мне, что случилось, и жестикулировали, изображая что-то возвышающееся над землей.

Я подумала, что это был леопард, так как знала о необычайной силе его могучих лап. Затем я услышала, как пигмеи повторяли: «оинк, оинк», — и громко рассмеялась. Это была дикая свинья. Запутавшись в сети, она орудовала своими острыми клыками, пытаясь освободиться, но была прикончена ударом копья. Пигмеи провели еще три загона. Один раз сеть оказалась пустой. Затем в нее снова попала маленькая серая болоки. В третий раз сеть туго натянулась от тяжелого удара — в ней запуталась молодая буйволица. Это была богатая добыча. Буйволица отъелась на молодой траве, которая поднялась после прошедших дождей. Она весила более ста тридцати килограммов. Сейл, в чью сеть она угодила, поднял ее заднюю ногу и взглянул на вымя и соски. Затем он произнес несколько слов на кибира, по-видимому, объясняя, что буйволица еще не отелилась и мясо у нее вкусное и нежное.

Мы отправились домой, вытянувшись цепочкой. Впереди шел Фейзи, затем Сейл и я. Остальные мужчины следовали за мной; шествие замыкали женщины. Каждая из них что-нибудь несла: птицу, антилопу, часть туши буйволицы или одну из свернутых сетей. Хотя женщины были явно удивлены тем, что я иду без груза, они ничего не сказали по этому поводу.

Когда мы пришли в деревню, там уже пылали костры. Нас встретили шумно: при виде добычи поднялись крики, пигмеи прыгали вокруг нас, и Сейлу пришлось изображать, как он убил копьем буйволицу, когда она настряла в его сети. И хотя я не поняла ни слова, но ясно представила животное, копыта, касающиеся земли,

сильную вытянутую шею, застрявшую в сети из прочных лиан. Буйволица рухнула на колени, как показал в своей пантомиме Сейл, и рассталась с жизнью, даже не увидев сразившего ее оружия.

Четверть туши буйволицы была отправлена на кухню гостиницы. Оставшееся мясо разложили на земле, быстро разрезали и честно поделили поровну между всеми пигмеями, независимо от того, ходили они на охоту или оставались дома. Я отошла к маленькому ручью, который бежал позади хижин и впадал в Эпулу, и сполоснула руки и лицо. Когда я вернулась, пигмеи жарили мясо. Каждая семья готовила его на своем очаге. Солнце зашло, оставив после себя розоватые сумерки. Воздух стал влажным, прохладным. В землю возле костров, словно вертела, были воткнуты палочки с нанизанными на них кусками мяса, и через несколько минут запах сока, капавшего в огонь, распространился по всей поляне. Чтобы мясо жарилось равномерно, каждая женщина изредка поворачивала палочки с нанизанными кусками. Даже ребятишки принимали участие в этой работе, посыпая мясо золой*, что, казалось, не особенно обременяло их.

Фейзи отрезал часть задней ноги буйволицы, разделал ее на куски и нанизал их на несколько палочек. Затем он вернулся к туше, отыскал печень и добавил небольшие ломтики ее на каждую палочку. Когда мясо пропиталось соком печени и поджарилось, Фейзи завернул его в свежий лист и подал на дощечке мне, нежное и горячее. Мы ели без хлеба и соуса, гарниром служили лишь несколько жареных пизангов. Но земля возле костра была сухой и теплой, воздух насыщен ароматом жареного мяса и дымящих дров, и это меня вполне устраивало.

Двойное удовольствие доставляло отсутствие посуды, которую пришлось бы мыть после ужина. Женщины сидели у хижин, держась в отдалении, а мужчины собрались вокруг большого костра в центре деревни, чтобы поболтать об охоте и похвастаться. Херафу молчал и казался рассерженным. Лишь один раз, когда Фейзи и

* Зола используется пигмеями вместо соли.

Сейл рассказывали о том, как антилопа, выбежав из леса, мчалась к сети, маленький философ прервал рассказ и заговорил об охотничьем подвиге, который был совершен несколько недель назад. Через переводчика Аппамумбу я узнала, что речь идет о старой истории, которую многие уже забыли. Все выслушали Херафу нежливно, каждый восхищался собственной удачей и был удовлетворен тем, что старые факты ассоциировались с новыми.

Свет костров плясал на бронзовой шоколадно-красноватой коже пигмеев, отражаясь в глубоко посаженных глазах женщин, которые сидели позади мужского круга. Как ни странно, но я не чувствовала себя чужой среди них. Пигмеи приняли меня дружески, как равную. Цвет моей и их кожи не воздвигал между нами преграды. Я сидела на ящике из-под консервов, принесенном из гостиницы, и думала о том, как один-единственный год изменил всю мою жизнь. Всего лишь год назад я посещала художественные выставки и галереи, вела обычную жизнь нью-йоркской женщины. Теперь, окруженная почти нагими пигмеями, я сидела на поляне, затерянной в лесах Конго, и испытывала необычайное и глубокое удовлетворение. Я взглянула на мужчин, сильных, счастливых и не испорченных цивилизацией. Затем я посмотрела на пигмеек, столь женственных в своей наготе. Здесь, в лесу Итури, не было сверхъестественной натянутости и нервозности, столь пагубно влияющих на здоровье.

Отдохнув после еды, пигмеи стали танцевать. Сначала в танцах участвовали только мужчины. Возглавляя танцоров, Фейзи вел их вокруг костра. Три человека аккомпанировали им на маленьких барабанах и один — на маленькой тростниковой дудке. Это было удивительно: люди прошли по меньшей мере двадцать километров, возились с сетями, испытали всепоглощающее возбуждение охоты и тем не менее танцевали так, словно только что поднялись после сна.

Но вот ритм изменился, и танец стал рассказывать о приключениях дня. Фейзи отделился от остальных танцоров и исполнил что-то вроде сольного номера. Затем другие, крича и размахивая копьями, напали на

него. Казалось, что бедный Фейзи, выступающий в роли антилопы болоки или буйволицы, едва ли выйдет целым из этого столкновения, но ничего подобного не случилось. Наблюдая за женщинами, я заметила, как постепенно они заражались общим настроением. Но это был танец мужчин, и женщины оставались возле своих хижин, хотя в такт бешеной дроби барабанов раскачивались их гибкие тела.

Охотники все еще танцевали, когда я ушла в свою хижину. Стал накрапывать легкий дождь, стуча по листьям. Когда он усилился, с шипением и треском заливая костры, пигмен поспешно укрылись в хижинах. Деревня внезапно затихла, и слышен был только звук капель, барабанивших по крыше.

Глава третья

Через неделю я в сопровождении пигмеев возвратилась домой, в лагерь. Я покинула пигмейскую деревню с сожалением.

В моем новом доме у меня были обязанности, которых я не имела в лесу. Войдя в курс дел в лагере, я приняла на себя заведование небольшой гостиницей.

В течение первых четырех месяцев гостиницу на Эпулу посетило немного людей. В основном это были торговцы или коммивояжеры. Среди них имелось несколько ученых, которые проводили значительную часть времени в лесу. Это меня вполне устраивало. Я могла спокойно акклиматизироваться, привыкнуть к тому, что здесь нет обычных для среднего пояса времен года и смены температуры, а также научиться жить в мире, где почти совершенно отсутствуют европейцы. Большую часть этого времени я потратила на изучение языка кингвана. Днем моим учителем был Агеронга, вечером — Пат. Агеронга умел читать и писать на кингвана, научившись этому в миссионерской школе. Он мог даже немного считать. К концу первой недели пребывания в Конго я поняла, что объясняться с помощью переводчика чрезвычайно неудобно, и стала изучать кингвана. Это открыло мне новый мир. Исчезли препятствия в общении между мной и местными жителями. Зная этот язык, я могла ходить там, где мне нравилось, делать то, что мне хотелось, и разговаривать почти с каждым, кто встречался на моем пути, будь то в городе или в джунглях. Я словно сбросила оковы: отдавала распоряжения на кингвана повару Андре-первому и относительно сада — Андре-второму, проверяла свои знания языка, беседуя с Абазингой, который присматривал за живот-

ными, и с Подем-плотником. Затем я вновь пошла в пигмейскую деревню, чтобы поговорить с Фейзи, Херафу и другими ее жителями спокойно, без переводчика. Все эти дела целиком захватили меня, и некоторое время я жила лишь ими. Но освоившись, я занялась исследованиями: мне предстояло ознакомиться с местными деревнями, расположенными вдоль главной дороги, и маленькими городишками Мамбасой и Дар-эс-Саламом*. Кроме того, манили тропинки, ведущие в лес: каждая из них сулила приключение. Всякий раз, проходя днем через джунгли, я думала о том, насколько обманчива их тишина. Мягкий свет, проникающий сквозь кроны деревьев, создавал иллюзию спокойствия. Было слышно, как жужжат, собирая мед, пчелы и высоко на деревьях перекликаются птицы. Казалось, всюду царит мир. На верхушках деревьев почти всегда можно было видеть обезьян. Они начинали пронзительно кричать и оживленно болтать при моем появлении и выглядели такими счастливыми, гоняясь друг за другом и совершая головокружительные полеты в воздухе, что трудно было допустить мысль о возможности превращения места их развлечений в арену кровавой борьбы и смерти.

Ночью картина менялась. Находясь дома в относительной безопасности, я слышала резкое фыркание леопарда, крики генетт**. Опасны ночью тропические леса Конго. На низко свисающих ветвях лежит питон, поджидая антилопу болоки, идущую напиться воды илилизать соли. Наполовину погружившись в болотную грязь, крокодил подкарауливает дикую рыжую свинью. Бесшумно пролетает через лес сова, высматривая место ночлега тех птиц, которые не видят в темноте. В этом царстве силы, быстроты и яда человек большей частью играет незначительную роль. Изредка крупные хищники нападают и на него, и человек со своими маленькими зубами и слабыми руками платится жизнью. Но обычно

* Речь идет о маленьких городах в Восточной провинции бывшего Бельгийского Конго, очевидно, получивших свои названия от арабских торговцев, которые проникали в глубинные районы с восточноафриканского побережья Индийского океана, где имеются большие портовые города Момбаса и Дар-эс-Салам.

** Генетта — небольшое хищное млекопитающее.

даже наиболее свирепые хищники джунглей, почуяв запах человека, сердито ворчат и удаляются прочь.

Не таковы одни из самых маленьких обитателей Конго — движущиеся муравьи. Толкаемые неумолимым и всепоглощающим голодом, подгоняемые миллионами своих прожорливых отпрысков, муравьи отправляются на поиски пищи, непреодолимые, подобно сползающему с гор леднику, бесчувственные и ужасные. Непохожие на большинство животных и насекомых, они, по-видимому, не отдают особого предпочтения ни дню, ни ночи. Я видела, как они двигались извилистыми колоннами, шириной от семи с половиной до тридцати сантиметров, причем почти никакие преграды не останавливали их. Дикие звери бегут от них как от самых страшных врагов. Насекомые поспешно спасаются, не успевшие сделать этого мгновенно съедаются муравьями. Сильный огонь уничтожает их первые ряды, заставляя колонну менять свой путь. Водный поток останавливает их. Ничто другое не оказывает никакого действия на неумолимое движение муравьев.

Обычные муравьи питаются растительной пищей и живут колониями на месте. Некоторые из них усвоили одно из худших качеств человека — обзавелись рабами и живут за счет труда своих жертв. Движущиеся муравьи вынуждены разыскивать пищу и начинают свой день с поисков. Они не останавливаются долго на одном месте, так как быстро съедают все живое, что не смогло убежать или улететь.

Не имея постоянного жилища, они выращивают свое потомство внутри роя на временных стоянках. Их «дома» состоят из огромной массы живых муравьев, прицепившихся к корню или низко свисающей ветви дерева. Внутри этой массы находятся личинки, которые вскармливаются муравьями-рабочими и выращиваются в тепле, излучаемом этим непрерывно колышущимся роем. Обычно утром, как только рассветет, этот огромный рой приходит в движение, муравьи строятся в колонну, покидая ту часть леса, где они кормились прошлый день.

К полудню колонна растягивается на несколько сот метров, причем одни муравьи движутся вперед, другие, которые нашли пищу, — назад, поэтому создается дву-

стороннее движение, напоминающее в миниатюре бульвар после полудня. Эти муравьи — не вегетарианцы. Я видела, как они пересекали наши грядки с овощами. Эта процессия длилась около четырех часов. Когда прошел последний муравей, оказалось, что ни одно растение не повреждено.

Но зато после таких муравьев на огороде не остается ни одного насекомого-вредителя. Все улетают, если имеют крылья, в противном случае муравьи тотчас разрезают их на части своими острыми, как ножницы, челюстями и относят голодным личинкам.

Я чувствую к муравьям необъяснимое отвращение. Когда они попадались на моем пути, я предпочитала уйти подальше. Пат не удивил меня рассказом о том, что ацтеки Центральной Америки на пути подобных муравьев оставляли живых людей, приносимых в жертву. Когда насекомые уходили, веревки держали лишь одни скелеты.

Кое-что о привычках таких муравьев рассказал мне Фейзи. Он с глубоким восхищением относился к существам, выполняющим свою работу хорошо и умело.

Он сказал, что, когда они движутся в лесу по мху и устланной ковром из листьев земле, крупные животные тотчас же убегают. Маленькие, такие, как мыши и землеройки, обычно также стараются укрыться, но, если ищут при этом спасения в пустых колодах или в гряде древесных обломков, движущиеся колонны неизбежно находят их там и пожирают.

Основная пища движущихся муравьев — маленькие насекомые: другие разновидности муравьев, пауки, жуки, гусеницы и т. п. Фейзи рассказал, что, когда по траве и кустарнику пробегают муравьи-разведчики, которые следуют впереди основной массы муравьев, другие насекомые в страхе поднимаются на верхние концы прутьев и травинок, пытаясь спастись. Но если они не могут летать, их судьба предрешена. От колонн муравьев, движущихся вниз, отделяются партии, которые взбираются на каждый прут и веточку. Они неумолимо движутся вверх по ветвям, преследуя свои жертвы. Если парализованная страхом жертва прекращает борьбу, ее тут же окружают и съедают там, где она остановилась.

Если она падает с ветки, то попадает в самую гущу муравьев и ее ожидает такая же участь.

Помогая себе жестами, маленький Фейзи рассказал мне на языке кингвана о борьбе насекомых в тропических лесах. Когда он кончил, мне стала ясна общая картина. От этих муравьев спасаются только пауки и то не всегда. Быстрые и ловкие пауки спешат к концу веточки и повисают на тонкой нити, как они это делают в домах на потолке. Паутина слишком тонка и непрочна, чтобы по ней мог спуститься муравей, и пауки висят на ней, спасаясь от муравьев, находящихся на веточке и движущихся вниз. Паук дожидается, пока муравьи не уйдут, оставив в живых тех немногих, кто смог пережить их. Численность движущихся муравьев резко возрастает, если воздух имеет повышенную влажность. Когда идут дожди и земля становится сырой и болотистой, муравьи быстро размножаются. Каждые тридцать два-тридцать четыре дня одна средней величины колонна выводит около миллиона личинок. Если бы ничто не мешало этому ужасному росту, муравьи скоро сделали бы невозможным существование в джунглях других видов насекомых.

Ученые, вырастив колонии муравьев в лабораториях и занявшись их изучением, раскрыли механизм, регулирующий их численность. Исследователи обнаружили, что при падении влажности примерно до семидесяти процентов активность движущихся муравьев понижается. При шестидесяти процентах влажности наиболее слабые индивидуумы среди них становятся вялыми, при сорока пяти-пятидесяти процентах муравьи умирают. В джунглях муравьи избегают тех мест, куда проникают солнечные лучи. Когда наступает засуха, они гибнут в огромных количествах. Прожив на Эпулу несколько месяцев, я достаточно наслышалась о движущихся муравьях и старалась не сталкиваться с ними, желая, чтобы они делали то же самое.

Но однажды ночью в начале апреля я отступила от своего правила. Была одна из тех ночей, когда луна, словно играя в прятки, то скрывалась за кучевыми облаками, оставляя джунгли в мягкой тени, то выплывала из-за них, заливая все серебристым сиянием. Было уже

за полночь, но я еще строчила свое еженедельное послание домой родителям, в далекий Нью-Йорк. Света штормового фонаря едва хватало, чтобы видеть написанное. Мои глаза устали, и я задремала. «Мадемуазель» — так звали мою собаку породы басени — лежала возле кровати, свернувшись калачиком на коврике из рафии*, а детеныш шимпанзе, которого Пат подарил мне неделю назад, дремал в своей клетке (это я заметила, оторвавшись на миг от работы перед тем, как уснула). Я не знаю, что разбудило меня. Вероятно, это сделала забеспокоившаяся собака, либо шимпанзе, который тоже нервничал в клетке. Затем я услышала шорох в сухих листьях на крыше. На пол упал скорпион, который поспешно убежал за дверь. Что-то соскочило на кровать, подползло к краю ее и мягко шлепнулось на пол. Это была сороконожка. При свете штормового фонаря я видела других насекомых, падавших с крыши и спешащих к выходу. По полке, где я хранила свои краски и холст, пробежала мышь. «Мадемуазель» скулила, а маленький шимпанзе стучал зубами от страха. Я не могла понять, что так напугало собаку, которая всегда чувствовала себя в полной безопасности возле меня. Она знала, что является любимицей хозяйки, и это дало ей чувство превосходства над всеми другими животными, а также уверенность в том, что она всегда останется в положении, подобающем королеве. В эту ночь «Мадемуазель» уже не походила на королеву. Она была жалким испуганным существом, колебавшимся между желанием бежать прочь со всей скоростью, на которую она способна, или остаться возле меня, чего требовала от нее выучка.

— Что тебя так беспокоит? — спросила я ее, спуская ноги с кровати.

За «Мадемуазель» ответил Абазинга, в обязанности которого входил уход за животными. Стуча в дверь кухни, он кричал:

— Мадами, если вам дорога жизнь, уходите из дома!

* Рафия — бамбуковая пальма, имеющая шесть равновидностей. Волокна ее древесины используются для плетения разнообразных изделий, главным образом циновок.

Я схватила платье, надела домашние туфли и бросилась к двери. Абазинга, обычно безупречный джентльмен, стремительно влетел в спальню. По его расширенным глазам и побелевшему лицу я поняла, что случилось что-то ужасное.

— Пат? Что-нибудь случилось с Патом? — закричала я.

— Меня послал хозяин, Мадами, — отвечал Абазинга. — Здесь муравьи. Мы должны уйти.

Некоторое время я ничего не могла понять... Муравьи находятся здесь? Затем меня осенило: откуда-то приближается колонна маленьких слепых насекомых. Я вспомнила рассказы Фейзи. В мгновение ока я поняла причину поспешного бегства насекомых и ужас «Мадемуазели». Я свистнула собаке и бросилась к двери, Абазинга молча подталкивал меня. По пути я схватила пару тяжелых башмаков и несколько тюбиков акварели, которыми рисовала.

— Оставьте все, — настаивал Абазинга, — не тратьте время.

В стороне при свете ярко, но неровно горящих факелов и мерцающих фонарей я увидела Пата, руководившего выводом животных из-за частокола. Вокруг возбужденно бегали слуги, уводящие наших антилоп, свиней и бабуинов в более безопасное место. Подошел веселый от возбуждения Пат.

— Первым их обнаружил один пигмей, — сказал он. — Сейчас они движутся через огород.

Слуги спешно собрали все съестные припасы и унесли их подальше от гостиницы. Кое-кто наблюдал за движением муравьев, которые с каждой минутой подходили все ближе. Желание увидеть муравьев пересилило мою ненависть к ним, поэтому я присоединилась к людям, стоящим на страже за гаражом. Лавина муравьев переливалась через ограду, заросшую сорняками. Основная колонна была сантиметров тридцать шириной. От нее веерообразно по всем направлениям отделялись и двигались небольшие отряды муравьев. Сначала казалось, что в их движении не было никакого порядка. Но некоторое время спустя я заметила, что головная часть колонны неумолимо двигалась по линии, проходящей за-

паднее гостиницы и упирающейся прямо в мой дом. Я более не могла видеть этой безобразной ползущей и кишашей процессии.

— Почему не развели костра, чтобы заставить их свернуть? — спросила я Пата.

— Мы не успели бы этого сделать, — отвечал он. — Кроме того, мы могли изменить направление их движения так, что они, возможно, повернули бы к госпиталю. Это было бы хуже всего.

Тем не менее я с ненавистью думала, что муравьи находятся у меня в доме. Пат наблюдал за тем, чтобы колонна не свернула со своего пути, и раз или два слуги били по краю ползущей массы палками, к которым были привязаны горящие тряпки, пропитанные керосином.

— Боюсь, как бы они не расползлись во всех направлениях, — объяснил Пат. — Предпочитаю держать их компактной массой. Я никогда не думала, что муравьи так быстро передвигаются. Мне встречались и другие виды муравьев, которые бесцельно двигались вокруг и не собирались вместе в таком количестве. Но это были движущиеся муравьи, и двигались они быстрее, чем я могла себе представить. Я заметила какой-то кустик или сорняк перед колонной муравьев, затем что-то отвлекло меня. Минутой позже передний край безобразной массы находился уже на расстоянии одного, а возможно, и полутора метров за этим замеченным мною кустиком. В то время как я пыталась определить скорость движения насекомых, уже кишаших возле стены моего дома, раздался дикий крик шимпанзе, от которого у меня замерло сердце. Тут я вспомнила, что в доме в запертой клетке остался бедный шимпанзе.

Мне пришли на память рассказы Фейзи. Он говорил, что нет спасения от муравьев тому, кто не может быстро бегать или летать. Сначала я хотела послать за обезьянкой одного из слуг, но тут же во мне заговорила совесть: «Ведь ты сама оставила животное запертым в клетке. Трусами являются не местные обитатели, а ты». Без раздумья, забыв о том, что в лесу Итури есть еще миллион шимпанзе, я бросилась к коттеджу.

— Назад, глупая! — завопил Пат. — Оставь его там.

Толчком открыв дверь, я бросилась к клетке с шим-

панзе. Он скулил от ужаса и тряс бамбуковые прутья своей тюрьмы. Я рванула щеколды. Они не были закрыты на замок, но местный плотник-африканец сконструировал их так хитроумно, что даже ловкие пальцы обезьяны не могли их открыть. Проклиная плотника, я дергала щеколду, пытаюсь открыть клетку. У меня не хватало силы сдвинуть клетку с места, к тому же она, вероятно, не прошла бы в дверь. Наконец мне удалось открыть один из запоров. В это время стал гаснуть фонарь: по-видимому, кончился керосин или сгорел фитиль. Но у меня совершенно не было времени, чтобы подрезать фитиль или наполнить резервуар фонаря горючим. Шимпанзе с грохотом тряс прутья клетки. Это так ни к чему и не привело, и он, жалобно скуля, опустился в угол клетки. Мне бы следовало найти какой-нибудь инструмент и разломать клетку, но, как женщина, поддающаяся влиянию лишь одних чувств, я оставалась возле клетки, пытаюсь открыть запор вручную. Но вот я почувствовала первый муравьиный укус. Он был неожиданным: словно меня задела случайная стрела. За ним последовал другой. Укусы жгли, точно пчелиные жала. В течение следующих одной или двух благословенных минут их больше не было. Затем меня снова укусил муравей, на этот раз выше левой коленки. Я закричала от боли. Ужас придал мне новые силы, и я одним рывком распахнула дверцу клетки. Схватив шимпанзе за ошейник, я выбежала с ним на веранду, где нам уже не грозила опасность.

Когда я ринулась в дом, Пат, у которого болела нога, сразу же последовал за мной. В этот момент он как раз поднимался по ступенькам на крыльцо, остальные же люди, оцепеневшие от ужаса, оставались в безопасном дворике гостиницы. Позади, в доме, слышался грозный шум миллионов муравьев, неумолимым потоком двигавшихся через комнаты. В действительности это был слабый шелест, создаваемый миллионами крохотных лапок муравьев и их смыкающимися челюстями. Я направилась к гостинице и передала шимпанзе Абазинге. Потом зашла за дом, где меня вырвало. Подошел повар Андре и помог мне добраться до гостиницы. По пути он успокаивал меня и просил не тревожиться о коттедже.

— Это хорошо,— говорил он.— Они уничтожат всех вредителей.

— Может быть, и так, Андре,— отвечала я,— но я все же предпочла бы опрыскать все десятипроцентным раствором ДДТ.

— Даже крысы и мыши покидают свои норы, чтобы укрыться от муравьев,— объяснял он.— Муравьи обследуют каждую грудку мусора, каждый кусочек земли и не пропустят ни одного насекомого или их яиц.

Прибежал Ибрагим, старший слуга, работавший при гостинице.

— Бвана сердится,— сообщил он.— Кто-то вывел генетту из-за частогокола и привязал к дереву на пути муравьев.

Один глаз Ибрагима был поврежден на охоте, и он не мог им управлять. Глаз совершал странные движения и напоминал маленький белый ставень на черном здании.

— Она кричала, словно котенок, Мадами, но ей уже ничем нельзя было помочь.

Я подумала о сверлящей боли в ногах от укусов маленьких режущих челюстей, вышла наружу и снова почувствовала слабость.

Почти два часа муравьи двигались через лагерь, вокруг и внутри моего домика и далее в лес. Обратного движения туда, откуда они пришли, не было заметно. Это означает, объяснил Пат, что они не только разыскивали пищу, но и перемещались на новое место.

— Где-то в середине этой отвратительной массы ползущих насекомых,— рассказывал Пат,— находится королева муравьев, раз в двадцать крупнее любого из них. Она так беспомощна, что сама не может двигаться, и рабочие муравьи должны тащить ее. Она — не что иное, как необычайно производительный яйцекладущий механизм. Никто из муравьев ее видеть не может. Все они слепы и, передвигаясь, определяют направление лишь при помощи усиков-щупальцев. Молодая матка имеет глаза, а также крылья. Самцы тоже имеют глаза. Они следуют за маткой, когда она вылетает из гнезда. Матка совершает свой брачный полет в сопровождении нескольких самцов, один из которых оплодотворяет ее.

Затем она возвращается в рой и начинает откладывать миллионы яиц. Из них появляются новые слепые муравьи, среди которых лишь несколько самцов имеют глаза.

Все это произвело на меня сильное впечатление. Раньше я читала и слышала о том, что насекомые с их колоссальной способностью к размножению могут заполнить весь земной шар. После прошедшей ночи я не сомневалась более в том, что если равновесие, установленное в природе, будет нарушено, то именно так и произойдет.

Когда пробежали последние отставшие муравьи, мы пошли посмотреть на несчастную генетту. От животного размером раза в два больше обычной кошки остался лишь один скелет, причем каждая кость была чисто обглодана. Веревка, которая держала животное в плену, пока движущиеся муравьи ползли по нему, удушая и убивая его бесчисленными порезами при помощи своих тонких челюстей, была изжевана в нескольких местах: обезумевшая жертва пыталась освободиться от нее. Генетта вообще — неприятное животное, наша же была особенно дурного нрава. Она десятки раз царапала Абазингу. Тем не менее, взглянув на эти жалкие остатки, я заплакала, как ребенок. Стоя возле убитого животного при свете мрачных вспышек факелов, я проклинала Конго и его безжалостные обычаи. Это был зеленый ад, полный скрытого зла, непреодолимого в своей грубой бессердечности. Ничто не могло заставить меня вернуться в коттедж в ту ночь. Я сгорала от любопытства, однако боялась даже появиться возле своего дома. Спать я пошла в гостиницу, где прежде всего сняла с себя всю одежду и обследовала каждый дюйм тела, чтобы проверить, не осталось ли на мне муравьев. Затем я осмотрела платье, испытывая при этом такое же ощущение, какое, очевидно, испытывает узник концентрационного лагеря, вылавливающий вшей. Я не обнаружила ни одного муравья. Каждый муравей, не имея глаз, неизменно находит правильный путь благодаря инстинкту, который не признает барьеров.

Следующее утро было ясным и солнечным. Ужас ночи испарился, подобно туману, стоявшему над Эпулу

перед восходом солнца. С веранды гостиницы я не заметила ничего, что говорило бы о миллионах муравьев, которые прошли здесь всего лишь несколько часов назад. Немного позже я обратила внимание на то, что маленькие птицы, которые обычно летали вокруг и охотились за насекомыми, исчезли. Было ясно почему: на широкой полосе травы, которая тянулась до леса, муравьи не оставили птицам никакой пищи. Но об этом можно было только догадываться. Внешний вид лагеря Патнем совсем не изменился. Это показалось мне совершенно неправдоподобным. То же самое можно было сказать и о моем доме. Когда я в конце концов набралась храбрости и вошла туда, то я не увидела там ничего похожего на следы погрома, как ожидала. В течение двух часов я ходила по всему дому. Однако, кроме пустой чашки на печке и танцевальной маски пигмеев, я не обнаружила ничего, что носило бы на себе следы нашествия муравьев. Чашка, которая была наполнена накануне вечером пальмовым маслом, была совершенно сухой внутри, точно ее вытерли тряпкой. Верхняя половина маски, изображающая морду леопарда, исчезла. Муравьи съели ее, так как она была сделана из шкуры леопарда. Ничто больше не напоминало о сотнях тысяч маленьких существ, которые осмотрели каждый сантиметр пола, стен, крыши, заглянули во все чашки и щели. Я встряса постель, собрала свои платья, скатерть и отдала все это выстирать Амбуко, жене Ибрагима. Я могла снова пользоваться этими вещами лишь после того, как они долго висели на веревке под лучами горячего экваториального солнца.

Прошли годы после набега муравьев на мой дом. Но до сих пор я часто просыпаюсь, обливаясь потом во время ужасных сновидений, когда мне кажется: муравьи кишачей колонной ползут по моему телу.

Глава четвертая

Рассказы о леопардах и движущихся муравьях могут заставить вас возненавидеть Конго. Человек, желающий расширить зону цивилизации, должен вести постоянную борьбу против джунглей, смеяться над ними, завоевывать их — или же признать поражение. Это — бесконечная борьба. Иногда она протекает мирно и спокойно. Но бывает так, что она выливается в напряженное грубое кровавое столкновение со смертельным исходом.

После столкновения с муравьями джунгли уже не так пугали меня. Мне очень нравилась Африка, мой здешний дом. Двадцать лет назад Пат случайно нашел этот участок, где затем выстроил дом. Однажды, когда он работал в малярной местности, расположенной много километров ниже по реке, у него разболелся зуб. Подлечив его немного своими средствами, он выехал в Мамбасу, к доктору Вудхэмсу. На третий день пути, следуя берегом Эпулу, Пат увидел открытую площадку. Высокий берег круто обрывался к реке. Лихорадка и больной зуб, нывший при каждом шаге, не смогли помешать Пату оценить это место, как одно из самых красивых, когда-либо встречавшихся ему в Африке. Больной зуб врач ему удалил, и Пат отправился назад к реке, чтобы разбить лагерь на облюбованном им участке. Впоследствии он арендовал этот участок и приблизительно лет за шесть до нашей свадьбы построил дом над обрывом. На следующий год он выстроил госпиталь. Здания имели глинобитные стены. Каркасом служили вбитые в землю деревянные стойки, оплетенные тонкими, гибкими прутьями. За несколько дней солнце высушило бревна и решетку из прутьев. Затем

местные женщины, замешав глину, находившуюся прямо на берегу реки, обмазали решетку, добавляя новые слои по мере того, как высыхали уже нанесенные на каркас. Когда толщина стен была доведена до восьми-десяти сантиметров, верхний слой глины смочили и разровняли, а затем дали ему затвердеть. Как только твердость глины достигла плотности кирпича-сырца, уже ничто не могло повредить стены, кроме протекающей через крышу воды. Но африканцы умеют делать крыши, которые не пропускают воду. Постройка крыши в Конго — целое искусство. Для изготовления кровли местные жители используют большие блестящие листья одного дерева. Их связывают и укладывают в несколько слоев на решетку, сооруженную из стволов молодых деревьев, очищенных от коры. Такая крыша водонепроницаема даже в тропические бури, которые валят банановые заросли и размывают огороды и дороги. Примерно раз в год крышу осматривают, добавляя кое-где новые листья, и она остается водонепроницаемой, словно сделана из листовой меди. Этими же листьями пигмеи покрывают не только крышу, но и стены своих крохотных домиков. Листья используются также в качестве оберточной бумаги, из них изготавливают корзины и матрацы, а также праздничные наряды, состоящие из нескольких листьев, прикрепленных сзади к поясному шнурку.

Я не променяла бы мой домик из прутьев и глины, расположенный на Эпулу, ни на один из тех стандартных домов, которые я так часто встречала на родине, тем более что мое теперешнее жилище не требовало никаких расходов. Когда мы пристраивали новую комнату к гостинице или новую палату к госпиталю, то никогда не беспокоились о строительном материале. Он был близко, под рукой, и стоил, конечно, дешевле пареной репы.

Чтобы понять, как много неправильных представлений об Африке имеет каждый приезжающий в Конго впервые, мне необходимо было увидеть именно гостиницу и все, что находится вокруг нее. Для меня Центральная Африка была обширными, не обозначенными на карте джунглями с большим числом враждующих

между собой местных племен; туда приезжали белые исследователи или охотники, а также случайные представители кинокомпаний, ведущие съемки с натуры. Я знала также, что там по берегам рек выстроены города, в которых живут белые люди. Вот и все, что было мне известно тогда об Африке, и многие мои сведения были неправильными. Не прожив и одного месяца в лагере Патнем, я узнала, что европейцы путешествуют по Конго большей частью на машинах и по относительно сносным дорогам.

Во время первой поездки на Эпулу я с удивлением обнаружила, что через Конго проложена большая шоссейная дорога, примерно в полтора километрах от которой расположен наш участок. Начинаясь на средиземноморском побережье в Алжире, она пересекает зыбучие пески Сахары, обходит топи озера Чад, проходит с запада на восток по большей части территории Конго и затем через Вельды* спускается до крайней оконечности континента возле Кейптауна. Эта дорога, конечно, совсем не похожа на крупные автострады, но по ней идет оживленное движение. Она не асфальтирована и выглядит довольно грязной. В сухое время года водитель может легко сломать рессору или ось в затвердевших выбоинах. В дождливый сезон вся дорога покрывается темно-коричневой грязью. Иногда более дюжины машин, большей частью грузовых, проезжает по нашему участку дороги. В другие дни не бывает и одной. Именно по этому пути, связывающему нас с внешним миром, приезжают в лагерь Патнем различные люди.

* В е л ь д — название, данное бурами (голландские переселенцы в Южной Африке) ступенчато поднимающемуся с севера на юг плато, южнее р. Лимпопо. Различают Высокий, Средний и Низкий Вельд.

Глава пятая

Вскоре после моего последнего посещения пигмеев у них случилось большое несчастье. От неизвестной болезни умерла Базалинда, десятилетняя дочь Сейла. Здесь, на берегах Эпулу, мне случалось видеть смерть почти во всех ее обличьях. То она приходила ночью незаметно, без боли, то наступала после тяжелой продолжительной болезни. Порой она надевала маску голода, отвратительный костюм проказы, а иногда человек быстро умирал от воспаления легких. Она приходила на мягких лапах леопарда-людоеда и на тяжелых копытах буйвола. Но всегда смерть была ненавистна. Ее удары так же тяжелы для сердец живых людей в джунглях, как и в больших городах. Однажды я вела спор с группой ученых, которые занимались здесь ловлей змей и других пресмыкающихся для французского музея. Они считали, что пигмеи, испытывающие все опасности и трудности первобытного существования, подготовлены к смерти лучше, чем люди, пользующиеся преимуществами высокоцивилизованной жизни. Я категорически отрицала это. Подтверждением моей точки зрения была смерть маленькой Базалинды, дочери Сейла и Томасы, одной из наиболее дружных супружеских пар пигмеев. Базалинда была веселой, резвой маленькой девочкой. На ее крошечном милом личике постоянно играла веселая детская улыбка. Своего отца она всегда называла по имени — Сэли, так же как это делала ее мать, при этом в голосе девочки слышались нотки восторженной привязанности. Я часто наблюдала, как она играет около своей хижины, делая из листьев и цветов пояса и гирлянды, чтобы украсить ими свое маленькое тело, или прыгая со скакалкой. Эту игру ввела я. При

первом посещении деревни пигмеев я увидела, что дети играют с лозами лиан, но не прыгают через них, как это делают американские и европейские мальчики и девочки с раннего возраста. Попросив Фейзи подержать один конец лианы, я взяла другой и стала вращать его, пока Фейзи не понял, как это делается. Затем я передала конец лианы Сейлу, и они с Фейзи стали вращать ее. Пигмеи обладают очень хорошим чувством ритма, которое развивается у них благодаря музыке и танцам. Они легко научились раскачивать лиану в нужном мне темпе. Затем, когда все жители деревни собрались около меня, я стала прыгать через нее. Пигмеям занятие понравилось, и все они моментально овладели этой детской игрой. Маленькая Базалинда любила прыгать через лиану, а когда ей это надоедало, лазила, словно маленькая обезьянка, по деревьям, которые росли вокруг деревни. У Сейла и Томасы были и другие дети, но Базалинда была их гордостью. Даже ее имя было более музыкальным и произносилось легче, чем большинство пигмейских имен, словно родители предчувствовали, что девочка будет расти восхитительным ребенком, веселым, счастливым и привлекательным. Когда она подросла настолько, что могла совершать переходы от деревни до нашего лагеря, она обычно сопровождала Сейла. Девочка любила мой дом, особенно большую гостиную. Она часами бродила там или сидела на стуле, разглядывая с интересом маски, картины, книги и другие предметы, однако никогда их не трогала и ни разу ничего не испортила. Когда я шила драпировки или занавески, она относила домой маленькие трофеи: небольшие обрывки ниток и обрезки материи. Кусочки бумаги она считала чуть ли не драгоценностями, особенно когда получала от меня еще и огрызки карандашей. Однажды я дала ей катушку от пишущей машинки с отработанной лентой, ее радости не было предела. Трудно представить, как такие незначительные вещи могут доставлять столь огромное удовольствие. Для этого необходимо хорошо знать жизнь пигмея и помнить, что он имеет только то, что делает или выращивает сам.

Ранее девочка никогда не болела. Однажды к вечеру ей стало очень плохо. Сейл и Томаса прибежали

с ней в госпиталь. Девочка стонала от боли, у нее был сильный понос, и, хотя она слышала и понимала все, что говорил ей Пат, сама не могла произнести ни слова. Весь следующий день она мучилась от боли. Ни одно из тех лекарств, которые дал ей Пат, казалось, не принесло облегчения, за исключением морфия. Ни ее родители, ни другие пигмеи не знали причины заболевания. Мы с Патом решили, что либо девочка съела в лесу ядовитое растение, либо в ее пищевод попал особенно опасный вид вируса. Весь день и всю ночь возле госпиталя сидели Сейл, Томаса и некоторые их родственники, которые уходили только поесть. Они говорили шепотом, как это делают в больших городских больницах. Так было всегда, что бы ни случилось с пигмеем, вся семья обычно сопровождает его в госпиталь. Родственники стараются держаться так близко к койке больного, как это разрешает Пат. И если пациент в силах поесть, то именно родственники готовят ему пищу и кормят его. Поэтому в лагере вокруг здания госпиталя всегда горят небольшие костры, на которых жены и матери стряпают пизанги, блюда из маниоковой муки или варят свежее мясо для больных.

В течение второй ночи Базалинда приходила в сознание лишь на короткие промежутки времени. Наши лекарства не помогали. Температура у нее была настолько высокой, что маленькое тело буквально излучало жар.

Ранним утром следующего дня я услышала причитания пигмеев и поняла, что маленькой Базалинды не стало. Я поспешила к госпиталю, где лежало ее крупное тело, уже завернутое в кусок хлопчатобумажной ткани, купленной Томасой у какого-то торговца. Рисунок ткани состоял из мелких узоров, среди которых была антилопа, и я невольно подумала о том, что этот орнамент очень подходит ребенку, родившемуся и выросшему в глубине лесов Конго. Несомненно, это было лучше, чем саван из мрачной черной или кричаще белой материи.

Не надо было посылать телеграмм, извещающих далеко живущих родственников о часе похорон, и ожидать представителя похоронного бюро, чтобы пройти

через все формальности. Несколько маленьких посыльных побежали через джунгли в ближайшие деревни, и тут все ограничилось. Сразу же после второго завтрака я отправилась в деревню, чтобы присутствовать на похоронной церемонии. Со мной пошли наш повар Андре Пичи и пигмей Никейбу, который был послан, чтобы пригласить меня на похороны. Когда я вышла из леса на поляну, где жили пигмеи, они уже выносили тело Базалинды из ее дома. Большинство пигмеев истерически кричали и катались по земле. Сейл стоял на краю могилы, вырытой недалеко от поляны. За исключением выражения лица, которое как бы окаменело, ничто не выдавало его горя. Ростом он был немногим более ста двадцати сантиметров, а маленькое морщинистое лицо и остроконечная бородка придавали ему сходство с гномом. Он стоял выпрямившись, проявляя величайшее самообладание, какого я не наблюдала в подобных случаях у многих людей «цивилизованного» мира.

Всем, по-видимому, руководил Фейзи.

— Мы похороним ее здесь, — сказал он, — а не на обычном месте. Она слишком молода, чтобы лежать на общем кладбище.

Томаса не могла сдерживать себя, как Сейл. Она была матерью, которая около девяти долгих месяцев ждала и ощущала ребенка, еще до того как отец впервые смог взглянуть на него. Кроме того, она была женщиной и поэтому плакала, не сдерживаясь. Мне даже пришлось удерживать ее, чтобы она не бросилась в зиявшую могилу. Я сумела несколько успокоить Томасу, и она послушно позволила мне опекать ее, пока не закончилась мучительная процедура похорон.

Даже со смертью пигмеи не обретают полной свободы. Они никогда ее не имели, ибо издавна находились в зависимом положении. У каждого пигмея есть хозяин-негр. Между высокорослыми племенами и живущими неподалеку пигмеями сложились своеобразные отношения. Занимающиеся охотой пигмеи снабжают свежим мясом высокорослых негров, которых они считают своими хозяевами. В свою очередь последние выращивают пизанги и разные овощи, которые дают пигмеям в обмен на мясо. Поскольку интенсивная охота приводит к ист-

реблению дичи, пигмеи перекочевывают с места на место в поисках добычи. Однако, согласно укоренившемуся обычаю, они не удаляются более чем на один или два дневных перехода от постоянного жилья своих хозяев-негров. Последние платят налоги. Пигмеи же не платят налогов. Иногда, сидя вокруг костров, они обсуждают вопрос, выгодно ли быть налогоплательщиками, наивно полагая, что они получают от этого какую-то выгоду. Однако большинство всегда высказывается за сохранение существующего положения.

Жители маленькой деревеньки, где старейшинами были Фейзи, Херафу и Сейл, занимали особое положение. Они продолжали считать своим хозяином того или иного высокорослого негра, но со временем их стали называть пигмеями Патнемов. Этим они были обязаны нам. Они получали пизанги и маниоку и в свою очередь поставляли мясо в гостиницу. Затем мы нарушили этот натуральный обмен и за мясо, которое они приносили, стали расплачиваться деньгами. Всякий раз, когда они танцевали или демонстрировали нашим гостям процесс постройки своих маленьких домиков, мы также давали им несколько франков, а часто в придачу соль и пальмовое масло. Их прежние хозяева, многие из которых работали у нас, признавали установившиеся отношения.

Как обычно, право принимать окончательные решения принадлежало высокорослым африканцам; во время похорон Базалинды также распоряжались они. Агеронга, самый мудрый и добрый из наших слуг, стоял около могилы, отдавая распоряжения. Андре Пичи спустился на дно могилы и делал последние приготовления. Ибрагим, старший слуга в гостинице, уважаемый и сообразительный, присутствовал на погребении со своей женой Амбуко. Здесь были Алили и его жена Сифа; удрученный Абазинга и Маласси, молодая жена Камилла. По росту все пришедшие очень резко отличались от маленьких пигмеев, оплакивающих смерть девочки.

Мария, жена Анголи, темпераментного негра-мусульманина, работающего в госпитале, пришла вместе с матерью Алили перед самым началом похоронной церемонии. Древняя старуха пробиралась между присутствующими и продавала земляные орехи. Я хотела попросить,

чтобы ее увели, но Фейзи сказал, что это может причинить всем ненужное беспокойство и во всяком случае маленькая Базалинда не станет интересоваться, продавались земляные орехи на ее похоронах или нет.

— Она была хорошим ребенком,— сказал он.— Возможно, она была бы довольна, если бы узнала, что кто-то получал удовольствие, лакомясь земляными орехами.

Пока мы разговаривали, несколько пигмеев устанавливали в голове могилы фетиш. Это было грубое сооружение вроде деревянной подставки, на которую сверху подружили разбитый глиняный горшок. Внутри горшка что-то положили. Я не смогла разглядеть, что это было, и никто не хотел мне этого сказать. Существуют таинства, которыми — и это будет правильно и мудро — не стоит интересоваться. Я знала, что пигмеи во многом доверяли мне, так как я никогда не вмешивалась в их личную жизнь и не интересовалась их религиозными взглядами. Когда они сообщали мне что-либо, я была довольна. Если они этого не делали, я не обижалась.

Агеронга выполнял роль гробовщика. Когда с приготовлениями было покончено и фетиш был установлен на место, Агеронга поднял маленькое тело Базалинды и легко опустил его в могилу. Оно по-прежнему было завернуто в бумажную ткань с изображенной на ней антилопой, которая выбежала из-под английского ткацкого станка благодаря стараниям рабочих, возможно никогда не видевших пигмеев и ничего о них не слыжавших. Гроба не было, и ничто не отделяло маленькое шоколадного цвета тельце от несколько более темной земли, за исключением манчестерской хлопчатобумажной ткани. Все молчали. Мать Алили прекратила торговлю земляными орехами. Не было ни особых церемоний, ни молитв. Каждый из присутствовавших подошел к краю могилы и бросил щепотку земли вниз, на тело Базалинды. Все это совершалось молча, слышались лишь безудержные рыдания Томасы и других пигмейских женщин. Я подняла ком свежерытой земли и осторожно бросила в могилу, стараясь не попасть в тело, такое спокойное и неподвижное. Софина, жена Фейзи, взяла меня за руку и увела прочь.

Теперь женщины должны идти к дому, где жила Базалинда, и плакать,— сказала она.— Томаса хотела бы, чтобы вы тоже плакали.

Некоторое время спустя пришли мужчины и уселись на веранде. Я вышла к ним и села под крышей недостроенной хижины. Солнце безжалостно пекло на поляне, но в тени было прохладно. Андре Пичи встал, откашлялся и начал речь на кибира, а пигмей, охотник Моке, переводил ее шепотом. Андре, видимо, считал, что смерть не была естественной.

— Кто убил этого ребенка, который за день до смерти был таким здоровым и сильным? — спрашивал он.— Кто навлек зло на Базалинду?

Это была длинная речь, в середине которой он стал говорить о вполне материальных вещах. Как выяснилось, его отец был хозяином Томасы. Так как Базалинда умерла и не будет принадлежать отцу Андре, Томаса должна компенсировать потерю и дать отцу Андре пять кур. Моке сказал, что Андре Пичи прав. Эти пять кур уплачиваются за Базалинду. Даже при смерти должна быть справедливость.

Затем вперед вышел Мукабаса, сын Сейла и брат умершей Базалинды. Он стоял запорошенный землей из могилы, которую помогал рыть, и клялся отомстить врагу своей сестры. Мукабаса говорил в основном на кингвана, и я могла понимать его без переводчика.

— Я не пожалею времени,— говорил он,— чтобы найти того, кто навлек зло на мою сестру. Я не буду отдыхать ни днем, ни ночью. Мечь — мой долг, и я выполню его.

Пока он говорил, я слушала, как Томаса причитала в своей хижине. Она не желала мести. Ничто не могло исцелить ее раны, кроме Базалинды, живой и здоровой, резвящейся возле деревни. Что такое мечь в сравнении со смертью Базалинды?

Когда Мукабаса кончил, выступило много других ораторов — высокорослых негров и пигмеев. При этом они иногда отвлекались от главной темы. Одна из бывших жен Херафу произнесла даже речь о том, что женщины слишком часто стали изменять своим мужьям. Если послушать ее и комментарии к ее словам, которые

давала Маласси, то единственными порядочными женщинами во всей деревне были Томаса, жена пигмея Агеронги и она сама.

Я не могла сообразить, какое отношение все это имеет к смерти Базалинды, но потом поняла, что в этих местах человек не так уж часто имеет возможность обращаться к такой большой аудитории и поэтому при случае стремится высказать все, что его волнует. Подобные явления я наблюдала и на собраниях людей в Америке.

Около четырех часов я отправилась в гостиницу, чтобы немного отдохнуть, и уже не возвращалась в деревню пигмеев.

Когда я день спустя провожала в деревню прокаженных Мейтейбо, женщину, которая обожгла ногу, то, проходя мимо могилы Базалинды, обратила внимание, что вся она покрыта свежими зелеными листьями. Рядом с могилой стояло блюдо с пищей, которую Базалинда уже никогда не съест.

На следующее утро пигмеи отправились охотиться с сетью. Агеронга был шокирован таким святотатством.

— Неужели вы поймаете что-нибудь сегодня? — спросил он у Фейзи.— Мы полагали, что вы подождете три дня.

— Базалинда была ребенком, а ее смерть — дело злого духа болози,— ответил пигмей.— Конечно, у нас будет мясо.

Действительно, после охоты они принесли мне и Пату прекрасную молодую антилопу.

— В наши сети попало четыре,— объяснил Фейзи.— Агеронга был неправ.

В тот же вечер Сейл, который в день смерти Базалинды держался лучше других членов семьи, пришел к гостинице и попросил сигарет.

— Ночью у нас танцы, Мадами,— сказал он.— Это поминальные танцы. Чтобы прогнать злых духов.

Я спросила, нельзя ли и мне присутствовать. Сейл не особенно уверенно ответил, что можно. Я отправилась в деревню после ужина. Придя туда, я увидела танцующих мужчин, но не заметила ни одной женщины. Пигмеи, видимо, были поражены, увидев меня. Некоторое время они продолжали танцевать, затем останови-

лись и предложили мне сесть. Один из них, нарушая правила гостеприимства и, видимо, не подумав, заявил, что меня не ждали, так как эти танцы — табу* для женщин.

— Меня пригласил Сейл, — сердито отвечала я.

Вмешался Фейзи и сказал, что мне разрешается присутствовать, но я заметила, как он начал шептаться о чем-то с Моке. Все казались смущенными, поэтому, одарив присутствующих сигаретами, я собралась домой к большому и очевидному облегчению остающихся. Мне не хотелось уходить. Некоторые действия пигмеев говорили о том, что, позволяя им выпроводить меня домой, я лишаясь возможности познакомиться с интересными религиозными церемониями. Однако я вряд ли могла поступить иначе. Даже их собственным женщинам запрещалось присутствовать, и они либо были заперты в своих хижинах, либо ушли из деревни.

Нехотя отправилась я домой. Войдя в лес, остановилась, чтобы прислушаться. Луна только что взошла, и слабый свет ее не мог рассеять мрака на лесной тропе. Немного погодя я услышала, что вновь загремели барабаны, которым вторил глухой звук деревянного инструмента. Раньше я никогда не слышала такой музыки в деревне пигмеев. Она была ужасной и гнетущей. Внезапно среди боя барабанов я услышала новый звук. Он напоминал отчасти мычание коровы, ожидающей дойки, отчасти звук рога, но с более низким тоном. Это был Эсамба**. Все обрывки разговоров местных жителей, все фантастические слухи об Эсамбе внезапно всплыли в моей памяти. Где бродит Эсамба, там — смерть. Этот жуткий, низкий звук был голосом несчастья. Я съежилась от страха, прижавшись к стволу дерева. Дома я, конечно, стала бы рассуждать об этом трезво и, безусловно, нашла бы успокаивающие объяснения. Но здесь, в джунглях, все было иначе. Страх

* Табу — полинезийское слово, обозначающее запрет, нарушение которого, по суеверным представлениям, карается сверхъестественными силами.

** Речь идет о так называемом тайном обществе (см. подробнее предисловие).

держал меня, как в тисках. Я была одна среди незнакомого мне мира — женщина в ночных джунглях, не имеющая даже перочинного ножа или булавки от шляпы, которыми можно было бы обороняться от неожиданного прага. Я прижалась спиной к стволу огромного акажу, сердце мое стучало, словно камнедробилка. Я не решалась искать убежища в деревне пигмеев, но в то же время боялась идти через темный лес к гостинице. Вновь раздалось мычание. На этот раз много правее деревни пигмеев. Как оно могло так быстро передвинуться далеко в сторону? В горле у меня пересохло. И вновь из темноты донеслось холодящее кровь мычание, но уже с другой стороны. «Бог мой,— думала я про себя,— он движется по кругу, чтобы отрезать мне путь домой». Теперь меня охватил ужас. Я побежала к нашему лагерю, прыгая через корни, цепляясь за свисавшие лозы лиан. Тени казались мне корнями, и я старалась не задевать их; корни выглядели, словно тени, и я спотыкалась о них. Ветви хватали меня, точно жадные руки. Теперь голос Эсамбы исходил только с одной стороны. Он был где-то сзади, недалеко. Я попыталась бежать быстрее, но, к сожалению, была очень плохой спортсменкой. Подсознательно я спрашивала себя, почему я спасаюсь бегством. Все, что я знала об Эсамбе, я почерпнула из нескольких разговоров возле костра и отдельных слов, произнесенных шепотом. Я слышала мычание все ближе и ближе и чувствовала, что не смогу добежать до гостиницы. Я надеялась лишь на то, что смогу добраться до негритянской деревни, расположенной на пути к дому. В стороне от тропинки послышался другой — шелестящий звук. Казалось, там, в темноте, движется какое-то животное или человек. Последние остатки храбрости покинули меня, и я, громко крича, влетела по тропинке в деревню, а затем в дом Абазинги, смотрителя за животными нашего лагеря. Он протянул руку за копьем и прыгнул к двери, но я позвала его назад.

— Нет, нет, не ходи! — закричала я. — Там Эсамба! Он повернулся ко мне, на его черном лице и в глазах застыл страх.

— Мадами видела Эсамбу? — спросил он.

— Я слышала его, но ничего не видела,— ответила я, тяжело дыша.

— Ваше счастье, Мадами,— сказал он.— Всякий, кто увидит Эсамбу, умирает в течение ближайших двух дней.

Я сидела у очага Абазинги, пока не отдохнула, а он рассказывал мне об Эсамбе. Когда Эсамба появляется, умирают деревья, а маленькие ручьи высыхают, клялся Абазинга. Когда бродит Эсамба, даже мужчины прячут свои лица в постели, чтобы не видеть его и не умереть. В ту ночь я больше не слышала голоса Эсамбы.

Семь ночей подряд пигмеи танцевали и оплакивали Базалинду. На седьмую ночь они устроили торжественную церемонию с угощением, что должно было, по их понятиям, принести спокойствие маленькому телу в могиле и душе Базалинды.

Глава шестая

Мое первое Рождество в Конго праздновалось в прекрасный день при температуре около тридцати градусов по Цельсию. По небу одно за другим плыли огромные кучевые облака, временами преграждая путь потоку ярких солнечных лучей. Сидя на веранде, я наблюдала за аистами, из-за которых дальний берег Эпулу был похож на светлую с черными крапинками ленту, сливавшуюся с другой белой полосой — бурунами стремнины у порогов. Над моей головой, в цветах кустарника, искали нектар маленькие серебряноголовые птички и большие желтые пчелы. Я была бы бесконечно счастлива, если бы не тоска по дому, порождавшая чувство одиночества и грусти.

Паг сделал все возможное, разве только не нарядился в костюм деда-мороза, чтобы это воскресенье было веселым. Мы получили подарки и консервированный плум-пудинг из Англии. Местным жителям, большим и маленьким, также были розданы подарки — пальмовое масло, рис и немного денег. С моей стороны было чрезвычайно глупо скучать по дому, и я знала это, однако сидела, еле сдерживая слезы и страстно желая, чтобы раскинувшийся надо мною куст внезапно превратился в рождественскую елку, а аисты — в северных оленей. Я думала о 57-й улице, где жили мать и отец, и о соседних улицах, представляя их покрытыми снегом. Вспоминала, как бывает хорош Центральный парк, если смотреть на него из окна верхнего этажа, когда множество людей спешит домой из церкви. Мне чудились голоса ребятишек, катающихся на санках, веселые приветствия привратников из Центрального парка и звон стаканов в студиях городка Гринвич, где со своей семьей

жила моя сестра Дороти. Несмотря на жужжание ленивых пчел, было легко представить Пятую авеню с ее магазинами, сверкающими огнями витрин, с веселой толкотней людей, несущих подарки. Я слышала громкие голоса, распевавшие гимны, и рев автобусов, с трудом преодолевающих сыпучий снег, видела шикарно оформленные витрины.

Я не могла более выносить этого. Сбежав с веранды, я быстрым шагом направилась по тропинке в деревню пигмеев и зашла к Херафу. Несколько дней назад я подарила ему голубую записную книжечку и огрызок карандаша. Я знала, что он не умеет ни читать, ни писать, но была уверена, что мой подарок заинтересует его. Не было никакого смысла говорить ему, что я скучаю по дому. Он не понял бы меня, если бы я стала рассказывать ему о снеге. Сведения Херафу об окружающем мире простирались не более чем на тридцать-сорок километров за пределы его деревни. На этот раз мы говорили не о недавней охоте, а беседовали о Томасе и ее горе, а также об ожидавшемся визите группы пигмеев из Валеси, с другого берега Эпулу. Разговаривая с ним, я вспомнила, что первое время просто не выносила его. Однажды кто-то из слуг гостиницы попросил его перенести один из моих вещевых мешков в хижину, которую построили для меня в пигмейской деревне. Херафу эта просьба пришлась не по душе.

— Выдумал просить меня таскать женские узлы,— сказал он и пошел прочь.

Однако за прошедшие месяцы мы очень полюбили друг друга. Он делал для меня стулья из прутьев и лоз, сметал листья с того места, где я собиралась сесть, и помогал мне изучать кингвана.

Во время беседы со мной пигмей вытащил из колчана записную книжку и попросил:

— Мадами, напишите что-нибудь в моей книжке.

Эскизным карандашом я написала следующее: «Херафу — хороший пигмей и один из лучших охотников в лесу Итури». Затем я объяснила значение этих слов. Это так польстило Херафу, что он в течение нескольких дней ходил в приподнятом настроении.

Когда я следующий раз посетила деревню пигмеев,

Херафу преподнес мне в подарок новый стул. Усадив меня на этот стул, он стал прохаживаться около. Думаю, ему больше нравилось, когда я сижу, так как он не казался тогда таким маленьким. Он как бы надевал обувь на высоком каблуке. Смущенно помолчав и помявшись, он пошарил в колчане, вытащил записную книжечку и протянул ее мне.

— Мадами была бы очень добра, если бы снова написала что-нибудь в мою книжку,— попросил он.

— Что же я должна написать теперь? — спросила я.

— Напишите, пожалуйста, что всякий раз, когда белый человек будет фотографировать меня, он должен дать мне один франк,— сказал он.

Я отрицательно покачала головой:

— Этого не стоит делать. Сейчас, когда наш гость фотографирует тебя, он дает тебе по меньшей мере пять франков. Это гораздо выгоднее.

Так как он, казалось, был удовлетворен лишь наполовину, я взяла книжечку и написала в ней: «Херафу — старейшина деревни и заслуживает особого уважения со стороны всех белых гостей». Когда я перевела написанное, он был так рад, что громко рассмеялся. Затем унес записную книжку домой, чтобы рассказать об этом жене.

В тот вечер пигмеи устроили танцы, чтобы отметить удачную охоту. Пат послал им бутылку пальмового вина, и они совсем развеселились. Херафу исполнил даже сольный номер — сплясал довольно приятный танец. Около десяти часов Фейзи остановил танцующих.

— Завтра мы продолжим большую охоту,— сказал он.— Моке видел буйвола в двенадцати часах ходьбы на север.

Семейные мужчины разошлись по хижинам. Фейзи собрал холостяков и стал что-то говорить им на кибира. Холостяки, очевидно, были слишком утомлены, и им были не по душе обращенные к ним слова. Некоторое время шел ожесточенный спор. Сулейман, у которого был самый низкий голос в деревне, начал кричать на холостяков. Он убеждал их в течение десяти минут, а затем, видимо ради меня, перешел на кингвана. Он почти плакал.

— Вы готовы пить вино Мадами, братъ у нее сигареты, соль и пальмовое масло, однако вы не желаете охранять ее ночью! — кричал он. — Вы — дурные пигмеи!..

Так я впервые поняла, что ночная стража выставляется исключительно для того, чтобы охранять меня, и что обычно в деревне это не делается.

— Никто не должен охранять меня, — сказала я небрежно Сулейману.

Моя показная храбрость, должно быть, произвела впечатление на холостяков. Они согласились бодрствовать, но как бы в виде протеста начали танцевать. Барабаны и деревянные трещотки гремели всю ночь. Это был дикий, бешеный танец. Несколько девушек и молодых женщин оставили свои хижины и собрались вокруг большого костра, чтобы посмотреть на танцующих, но сами не принимали участия в танцах. Возбуждаемые присутствием зрителей, молодые мужчины стремительно кружились и монотонно воспевали свою охотничью доблесть, смелость и мужество. Лежа в постели, я долго не могла заснуть от этого потока звуков там-тамов. Танцы все еще продолжались, когда наконец я заснула. На следующее утро все чувствовали себя разбитыми. Не слышно было шуток. Смертельно уставшие мужчины отправились на охоту. Холостяки утомились от танцев, а женатые — от бессонной ночи. В этот вечер сразу же после еды все отправились отдыхать, за исключением одного пигмея. Он сидел где-то в стороне от костра, наигрывая на маленьком музыкальном инструменте. Быть может, в своей музыке он стремился передать одиночество экваториальных джунглей. Возможно также, что мелодия предназначалась для одной из маленьких высокогрудых и целомудренных девушек. Мне хотелось знать, действительно ли она бодрствует в своей хижине, слушая и мечтая о своем возлюбленном.

* * *

Задолго до того, как я встретила Пата, я считала, что в Конго все пропитано влагой и каждый живущий там должен быть сморщен от сырости, как это случается

с пальцами после мытья посуды. В действительности дело обстояло совсем не так. В районах по течению Итури произрастают тропические леса. Здесь никогда не бывает засухи, однако и дожди не идут в этих местах круглые сутки. Дожди выпадают в этих районах обычно через день. Дождь начинается в первой половине дня и длится около часа, затем он может пойти еще часов в пять-шесть вечера. В дождливые сезоны дожди идут гораздо чаще. Апрель и ноябрь — сырые месяцы. Вещи в это время настолько пропитываются влагой, что это угнетающе действует на психику. Положение осложняется тем, что вся жизнь в Конго протекает под открытым небом. Едите вы на свежем воздухе, вечером сидите около дома, а окна держите открытыми большую часть времени.

Всякий раз, когда кончается дождливый сезон и на небе появляется солнце, люди собирают белье и вещи, которые к этому времени могут покрыться плесенью, и выносят их сушить. Кожаные вещи, особенно обувь, наиболее сильно портятся от влаги, и приходится пользоваться малейшей возможностью, чтобы просушить их. Даже при тщательном уходе за обувью она портится здесь гораздо быстрее, чем в умеренном климате, вне зависимости от того, носится она или нет.

Однажды после более продолжительного, чем обычно, периода дождливой погоды Пат обнаружил, что большая часть его обуви годится лишь в утиль. Он собрался в Стэнливилль, и так как я давно не была там, то и мне захотелось поехать с ним. Пат заправил машину горючим, положил на заднее сиденье запасные шины.

Итак, все было готово к дороге. Выехали мы рано и за день преодолели большое расстояние, лишь один раз проколов шину. Ночь провели в маленькой гостинице на 229-м километре. На следующий день примерно ко второму завтраку прибыли в Стэнливилль. В городе мы встретили много друзей, приехавших сюда по тем же делам.

Конечно, магазины в Стэнливилле не идут ни в какое сравнение с шикарными магазинами на верхней Пятой авеню в Нью-Йорке, однако они настолько богаче маленькой индийской лавочки, расположенной неподалеку

от лагеря Патнем или магазина в Мамбасе, что у меня разбежались глаза. Купив самое необходимое, я приобрела также несколько вещей, которые были мне совсем не нужны,— от этого не может удержаться ни одна женщина, отправляющаяся в город за покупками.

Тем временем Пат купил камеры, провизию, лекарства, дверные петли, винты, гвозди и несколько пар парусиновых туфель на резиновой подошве. Мы уложили покупки в машину, а что не поместилось внутри, привязали сверху. В Вайоминге я видела мулов, навьюченных таким образом, что, даже если бы они стали брыкаться или кататься по земле, им не удалось бы сбросить поклажу. Ковбои применяют особый вид узлов, известных под названием «алмазная петля», и пока вы не научитесь их вязать, вас будут считать там зеленым новичком. Пат храбро принялся привязывать вещи на этот манер, но боюсь, что «алмазная петля» у него не получилась.

Покончив с укладкой вещей, мы отправились в обратный путь. Сначала все шло хорошо. Ночь провели в гостинице и с рассветом двинулись дальше. Когда до дому оставалось около восьмидесяти километров, мы выехали на развилку и стали совещаться, по какой дороге ехать дальше. Наш спор был не хуже дебатов в Организации Объединенных Наций, но в конце концов Пат одержал верх. Была избрана более короткая, но скверная дорога.

Следует сказать, что в Конго машины изнашиваются, уже пройдя сорок тысяч километров. Наша же покрыла по меньшей мере вдвое больше. Кроме того, мы проделали на ней долгий путь по ужаснейшим дорогам континента, следуя через Нигерию и Камерун. В довершение всего, пока Пат находился в Штатах, плавая у Мартас-Вайньярда, убеждая меня выйти за него замуж и жить в Африке, автомобиль наш целый год стоял под открытым небом в Стэнливиле. В Конго автомобиль, находившийся долго в таких условиях, очень сильно ржавеет и быстро разрушается.

Первые несколько миль ехать было не так уж плохо, но затем появились огромные ухабы и дорога стала напоминать стиральную доску. Впадины эти образова-

лись после ливня, затем высохли и стали твердыми, как цемент. Пат постоянно должен был останавливать машину и выходить из кабины, чтобы сообразить, как лучше преодолеть особенно плохой участок дороги, чтобы ничего не сломать. Несколько раз я слышала какой-то грохот. Казалось, на машину сверху рушатся, а затем скатываются по ней назад ветви деревьев. Я не придавала этому шуму особого значения, полагая, что от безжалостной тряски ослабла какая-либо деталь в машине. Затем я услышала этот грохот снова, уже более отчетливо, и поняла, что случилось.

— Стоп, Пат! — завопила я. — У нас вываливается груз.

Мы вылезли и увидели, что позади нас на дороге валяются новые ботинки Пата. Я собиралась положить их в мешок с обувью, но с ужасом обнаружила, что он пуст. От тряски ослабли веревки, и вся обувь вывалилась. Мы развернули машину и поехали назад, не спуская с дороги глаз в расчете найти остальную обувь.

Единственным утешением после этой маленькой неприятности было то, что Пат поехал домой по другой дороге, более длинной, но находившейся в лучшем состоянии.

Глава седьмая

Когда жизнь течет монотонно и размеренно, как в Конго, вы не нуждаетесь в календаре. Не нужны даже часы. Мы, конечно, имели и то и другое — все это находилось в кабинете Пата в госпитале.

Меня будило солнце. Зачем мне хриплый будильник? Воздушная почта прибывает из Соединенных Штатов через несколько дней, обычная — через несколько месяцев. Поэтому разве важно, когда я отвечу — в понедельник или во вторник? Проходит день за днем, один дождливый сезон сменяется другим. И совершенно уверенная в том, что за днем последует ночь, я ни о чем не беспокоюсь.

Однажды утром я спокойно сидела на веранде, наблюдая за возней крокодилов в реке. Затем я заметила, что один из помощников Пата по госпиталю, одетый в поношенные цвета хаки трусы и рубашку, медленно шел ко мне со стороны госпиталя. В руке он держал записку, передавая которую сказал:

— Ее послал бвана.

Пат знал, что лучший способ исказить известие — это передать его устно через одного из слуг. Поэтому он всегда писал короткие записки, когда хотел что-либо сообщить мне. В течение дня, пока он был занят приемом пациентов, я получала множество таких посланий. Эта записка гласила: «Энн, постарайся найти бутылочку под молоко и соску и продезинфицируй их. Сделай это побыстрее». В этой просьбе не было ничего необычного. Пат постоянно приобретал новых животных для своего зверинца. Многие из них были так малы, что их приходилось кормить из бутылочки. Вместе с Абазингой мы перерыли все сверху донизу, разыскивая необходи-

мые вещи. Нашлись две соски, но нигде не было бутылок. Наконец я наткнулась на бутылку из-под пива с узким горлышком, которое позволяло надеть соску. Все это я положила в кастрюлю, чтобы прокипятить. Поскольку делать больше было нечего, я тотчас забыла о записке и занялась уборкой гостиной. Здесь валялись кипы американских и французских журналов, причем все они были такие старые и потрепанные, словно побывали в приемной у зубного врача.

Пат и я были ревностными читателями, но, так как известия в периодических изданиях успевали состариться на несколько месяцев, прежде чем доходили до нас, мы никогда не интересовались порядком номеров при чтении. Часто мы узнавали о новых французских премьерах раньше, чем успевали прочитать о том, что сняты с репертуара шедшие до этого вещи. А однажды мы обнаружили, что известный преступник уже отправлен на электрический стул, прежде чем узнали о совершенном им преступлении. Во время уборки, которая надоела мне до слез, я внезапно услышала голоса множества людей, говоривших на кибира — языке, распространенном в районе Эпулу, которого я, однако, не знала. Выглянув, я увидела около дюжины пигмеев, которые шли к веранде вслед за высокорослым, довольно хорошо одетым негром. По его вежливому приветствию я тотчас узнала в нем бвангвана, или арабизированного негра, вероятно, из деревни, находящейся по ту сторону главной дороги на Ируму.

За много лет до того, как Стэнли* отправился искать Ливингстона**, арабские торговцы переплыли

* Стэнли, Генри Мортон (1841—1904) — исследователь Африки, ярый поборник империалистической колонизации. В качестве корреспондента американской газеты «Нью-Йорк геральд» отправился в 1871 г. на поиски Ливингстона в глубь африканского материка. Совершил несколько трансафриканских путешествий. Во время своего четвертого путешествия, в 1887 г., Стэнли прошел через леса Итури и побывал в районе, где позднее обосновались супруги Патнем. В своей книге «В джунглях Африки» (М., 1948) Стэнли дал одно из первых описаний пигмеев.

** Ливингстон, Давид (1813—1873) — известный английский исследователь Африки и миссионер. В 1840—1873 гг. совершил ряд путешествий по Южной и Центральной Африке. В 1869 г.

Красное море и проникли в Конго в поисках слоновой кости. Многие из них поселились в Занзибаре и других пунктах вдоль восточного побережья. Эти арабы сумели, действуя то силой, то убеждением, обратить в ислам многих африканцев. Маленькие городишки Мамбаса и Дар-эс-Салам, расположенные всего лишь в нескольких километрах от лагеря Патнем, имели те же названия, что и крупные города на побережье. Мой посетитель представился, назвав себя Капапелой, и сказал, что он является хозяином пришедших с ним пигмеев. Сильный испуг последних говорил о том, что они жили глубоко в лесу, далеко от главной дороги и редко встречались с белыми людьми. Желая успокоить пигмеев, я попросила Капапелу сказать им, чтобы они сели. Он что-то произнес на кибира, и все они одновременно сели. Казалось, одно слово хозяина перерезало проволоку, поддерживавшую их в стоячем положении. Просто удивительно, как много их уместилось на диване! Когда я подсчитала, то оказалось, что там смогли усесться семь человек, не стеснив друг друга. Только одной женщине, казалось, было неудобно. Это была беззубая дряхлая старуха с седыми волосами, одетая в маленький передник из тапы. Вокруг шеи у нее была повязана грязная спускавшаяся петлей на грудь голубая тряпка, в которой лежал крохотный ребенок-пигмей. Капапела не сел. Очевидно, стоя ему было легче говорить. Он начал на кингвана (Пат называл этот язык «кухонным суахили»):

— Эта старая женщина держит на руках ребенка своей дочери, которая родила его в деревушке на расстоянии одного дневного перехода отсюда. Неожиданно, без видимых причин, она умерла. У ребенка нет других родственников, кроме старой бабушки, отца, который сидит здесь, и другого ребенка.

Говоря это, он указал на пигмея лет двадцати,

сведения о Ливингстоне перестали поступать в Европу и Америку, и на поиски его была снаряжена экспедиция во главе со Стэнли. Осенью 1871 г. Стэнли нашел Ливингстона на западном берегу оз. Танганьика. Несмотря на уговоры Стэнли, отправившегося весной 1872 г. к океану, Ливингстон остался и продолжал свои исследования в районе оз. Бангвеоло.

Весной 1873 г. он скончался на восточном берегу этого озера.

сидевшего не поднимая глаз, и на трехлетнего совершенно голого мальчугана, вокруг талии которого был повязан своеобразный пояс из ракушек каури. Ухватившись за колено отца, он дрожал как осиновый лист.

— В течение двух дней они кормили маленького банановым соком,— продолжал Капапела.— Мы шли все утро под палящим солнцем, чтобы просить помощи у хозяина. Он послал нас к вам, Мадами.

Я сказала членам осиротевшей пигмейской семьи что-то вежливое — одну из тех пустых фраз, которые мы произносим, желая соблюсти приличия, когда узнаем о смерти незнакомого нам человека. Затем взглянула на ребенка, которому было два дня от роду. Он был очарователен: светло-шоколадного цвета, толстенький, несмотря на голодную диету, с безупречными маленькими ручонками и ножками. Он спал. Во всяком случае, подумала я, ничто его не беспокоит. Отец сидел на краю бамбукового дивана, ухватившись за него руками, словно он плыл в каноэ по бурному морю. Я взяла ребенка на руки, чтобы полюбоваться его миниатюрными совершенными формами. Трехлетний мальчуган следил за моими движениями с таким выражением, словно думал, что я собираюсь съесть его брата. Остальные пигмеи рассматривали внутреннее убранство дома, с любопытством изучая танцевальные маски, отравленные стрелы, статуэтки и другие вещи, которые я купила по пути в Конго. Я отдала ребенка бабушке, но она, с мольбой взглянув на Капапелу, снова положила ребенка мне на руки. Сердце мое совершило несколько огромных прыжков и по меньшей мере один иммельман*. «Что такое,— подумала я,— неужели сверх всего прочего я должна еще заботиться о ребенке-пигмее?» Страх мой, должно быть, ясно выразился на моем лице, так как Капапела быстро отчеканил:

— Бвана сказал, чтобы мы отдали его вам.

Я хотела ответить: «Тогда пусть он сам и заботится о ребенке!», однако промолчала.

Все, чего я не знала о грудных детях, можно было бы изложить по меньшей мере в двадцати восьми томах.

* Иммельман — фигура высшего пилотажа.

Помню, когда родилась моя племянница, я смотрела на нее в нью-йоркской больнице через стеклянную перегородку, откуда медицинская сестра в безупречно белом халате показывала мне ее, снисходительно улыбаясь.

Две недели спустя я снова увидела племянницу, когда ее привезла из больницы другая няня. Моя сестра накопила огромную коллекцию ванночек для купания, грелок, стерилизаторов, весов, одежды, инструментов и бог знает чего еще. Мне все это казалось безупречным и отвечающим современным требованиям, однако медицинская сестра не разделяла этого мнения.

— Ужасно, ужасно, ужасно,— твердила она,— но, возможно, я как-нибудь справлюсь.

Как бы я хотела, чтобы эта медицинская сестра была теперь рядом со мной. Я бы показала ей очаг, в котором полыхали огромные поленья, пару сосок, обычно применяемых для кормления детенышей обезьян и генетт, и несколько старых пивных бутылок. Затем я бы сказала ей:

— Ужасно, ужасно, ужасно, но принимайтесь за дело и перестаньте хныкать!

Мысли о медицинской сестре, о том, как бы она разволновалась при виде всего этого, заставили меня действовать и удержали от причитаний.

Я взяла ребенка, жестом попросила пигмеев следовать за мной и направилась к госпиталю.

— Скажи мне ради бога, что я должна делать с этим ребенком? — набросилась я на Пата.

За свое двадцатилетнее пребывание в Конго Пат привык ко всяким неожиданностям и теперь сохранял полнейшее спокойствие.

— Видишь ли, Энн,— сказал он,— если мы не позаботимся о нем, он умрет. Мы не можем допустить, чтобы это случилось.

Я молча кивнула в знак согласия.

— Мы должны почитать медицинские книги и узнать, что нам следует делать,— продолжал он.— Наверное, это не так уж трудно.

Он был просто неподражаем! Конечно, все это не должно было казаться ему слишком трудным, потому что именно мне следовало стать нянькой, а не ему.

Изучая энциклопедию 1911 года издания, я нашла множество сведений о грудных детях, однако там отсутствовали такие элементарные вещи, как рецепты. Затем я вспомнила, что у нас есть сухое и сгущенное консервированное молоко. Я достала коробку сухого молока, но на ней не оказалось никаких указаний. Зато на этикетке банки сгущенного молока (о радость!) указывалось несколько способов приготовления.

— Кипячение воды и приготовление смеси потребует некоторого времени,— сказала я Капапеле (малыш уже проснулся и сердито хныкал, когда мы возвращались в гостиницу).— Неплохо, если бы бабушка дала ему немного бананового сока.

Старуха отошла к дереву, росшему на краю лагеря, сорвала большой лист и ловко свернула из него воронку. Вставив ее в рот ребенка, она стала маленькими порциями лить в нее банановый сок, и мальчик вскоре перестал кричать.

Так как на все наши стеклянные бутылки были нанесены отметки с обозначением объема в метрических единицах измерения, мне пришлось обратиться к Пату с просьбой перевести единицы измерения на банке также в метрические.

Пока мы с Патом читали этикетку, энциклопедию и медицинские книги, пигмеи глядели на нас так, словно мы приготавливали колдовское зелье. Они были слишком напуганы, чтобы что-либо сказать нам, но я слышала, как они шептались между собой. Через некоторое время смесь из сгущенного молока, кипяченой воды и сока зрелых бананов была готова. Я налила смесь в одну из стерилизованных пивных бутылок, надела на нее соску и опустила бутылку в ведро с холодной водой охладить. Когда температура жидкости показалась мне подходящей, я дала бутылку ребенку. Пигмеи столпились вокруг, словно фермеры, соблазненные криками аукциониста. У них глаза вылезли на лоб, когда мальчик как ни в чем не бывало взял в рот соску. Очевидно, они никогда не видели ребенка, который сосал бы что-нибудь иное, кроме груди матери, и я тотчас превратилась в их глазах в волшебницу. Мой подопечный уснул, не успев осушить всю бутылку. Он был похож на игрушечного

пупса, с которого его маленькая хозяйка сняла все одежды, оставив лишь в пеленке. Я положила его на середину нашей огромной двуспальной кровати, где он напоминал черного котенка, лежащего на заснеженном поле. Когда я стала давать ему еду второй раз, пигмеи опять с любопытством столпились вокруг меня. Они, по-видимому, постепенно убеждались, что все идет хорошо, даже трехлетний братишка моего подопечного решил улыбнуться. Бабушка боком подошла к кровати, похлопала малыша, а затем положила свою костлявую руку мне на плечо. Ее морщинистое, обвислое лицо напоминало коричневое яблоко, пролежавшее всю зиму на дне бочонка. Она сказала что-то на кибира, я не смогла разобрать что именно, но мне не нужен был переводчик. Я видела слезы, текущие из ее глаз и сбегавшие вниз по маленьким каналам-морщинкам. И я поняла смысл произнесенных ею слов.

Капапела и его пигмеи отправились домой. Я перерыла ящик и нашла там какие-то старые занавески, из которых можно было сделать пеленки.

Теплое, большое чувство наполняло мое сердце, когда я глядела на маленького шоколадного цвета ребенка, лежавшего на большой белой кровати. Он нуждался в помощи, и я могла оказать ему ее. Уже одно это вызывало радость. Но вместе с тем я испытывала беспокойство.

Стэнливилль, ближайший город, где можно было приобрести принадлежности для новорожденных, находился в четырехстах пятидесяти шести километрах от лагеря Патнем. Нравилось мне это или нет, трудности были неизбежны. Вопрос о судьбе ребенка занял центральное место в нашей жизни, и я должна была разрешить его.

Пат был выходцем из старинной семьи, родом из Новой Англии *. С тех пор как я узнала его, он обходился американскими выражениями, которые так восхищали Кальвина Кулиджа **, вроде: «используй это», «приспособь это», «обойдись без этого». Живя в глуши на

* Новая Англия — северо-восточная часть США.

** Кальвин Кулидж (1872—1933) — реакционный политический деятель, вице-президент США с 1913 г. и президент в 1923—1929 гг.

Эпулу, мы годами должны были следовать такому принципу. Но взрослым гораздо легче приспособиться, чем беспомощным детям. В такое трудное положение мы еще не попадали. Решив не сдаваться, я энергично принялась за самое важное. Разрезав старые занавески, я сделала из них три дюжины пеленок. Разорвав несколько простыней, я села за швейную машину и сшила детские простынки. Диванная подушка была использована в качестве матраца, а прочная картонная коробка, вмещавшая когда-то четыре дюжины банок мясных консервов, превратилась в отличную детскую кроватку. Я понимала, что кроватка должна иметь полог, однако сомневалась, можно ли его найти даже в Стэнливиле. Но и эта проблема была разрешена: я вспомнила, что в Конго есть деревья, листья которых водонепроницаемы и вполне могут служить в качестве полога, и послала за ними одного из слуг. Листья были подвергнуты испытанию и успешно выдержали его. Затем я прикрепила их над колыбелью. Найти москитную сетку, чтобы прикрыть импровизированную кроватку, было нетрудно. У нас их было много, так же как у всех европейцев, живущих в Конго. Но солнце уже заходило, и я понимала, что требуется что-то более теплое, чем простынки. В первую ночь я использовала мохнатое полотенце вместо одеяла, но, как ни искала, нигде не могла найти каких-либо голубых лент. «Но как же без голубых лент! — думала я. — Ведь без них не узнают, что он — мальчик?»

В ту ночь наше жилище напоминало сумасшедший дом. Располагая лишь двумя сосками и несколькими бутылками с подходящими горлышками, я непрерывно что-то стерилизовала.

В полночь, занимаясь кормлением малыша, я почувствовала сильную усталость. Пат был не в лучшем состоянии. Мы легли спать, но заснуть не смогли. Каждые несколько минут я вскакивала, чтобы заглянуть в картонную коробку и узнать, как чувствует себя малыш. Он спал крепким сном, но мне чудилось столько возможных напастей, что я не могла оставить его одного больше чем на несколько минут. В конце концов Пат взбунтовался:

— Ради бога, положи его с нами вместе.

Мне все время хотелось так сделать, но я не знала, как будет на это реагировать Пат. Подняв мальчика, я завернула его в полотенце и вместе с ним снова залезла в постель. Однако это не улучшило положение. Я лежала и с ужасом думала, что, заснув и повернувшись во сне, могу задавить его насмерть.

Примерно часа в два ночи я снова положила его в картонную коробку и поставила ее на низенький столик у кровати. После этого я заснула крепким сном.

Всю жизнь я не любила вставать рано. В Нью-Йорке я работала до поздней ночи, а на другой день долго не просыпалась. С появлением ребенка весь прежний распорядок был нарушен. Пат страшно радовался, когда я поднималась с петухами, так как он вставал всегда рано и в это время был полон энергии. На следующее утро около шести часов утра мальчик поднял крик, и мы оба пулей выскочили из постели. Пат должен был держать его, пока я носилась вокруг, доставая уже приготовленную для него утреннюю порцию еды. С очевидным удовольствием он выпил ее, дважды за это время намочив пеленки. Не ожидая, пока мы изучим дальнейшие инструкции, я искупала мальчика, после чего мы с Патом смогли позавтракать. Купание доставило мне много неприятных минут. От мыла ребенок сделался скользким, и я испытала легкий испуг, выпустив его случайно из рук. Кое-как закончив купание, я отдала его Пату на первый серьезный осмотр. Он обнаружил, что пигмеи неправильно перевязали пуповину, видимо, полагая, что в дальнейшем мать сделает это более аккуратно. В результате у ребенка образовалась грыжа. Пат вправил пуповину на место, залепив ее кусочком липкого пластыря. В это время я молила бога лишь о том, чтобы ребенку не было слишком больно, когда мы будем отдирать пластырь.

— Нужно взвесить его, — сказал Пат. — Ведь иначе трудно будет выяснить, нравится ему наше питание или нет.

Он взял корзину, положил на дно полотенце и взвесил на старинных весах, перешедших к нему по наследству от его американских предков. Затем положил в корзину ребенка и снова взвесил ее.

— Точно четыре фунта! — воскликнул Пат, возвращая мне ребенка.— У нас на родине его сочли бы недопоском, если бы не знали о его происхождении.

— Знаешь,— сказала я Пату,—мы не можем далее называть его «он» или «это». Мы должны дать ему имя.

— Тебе известны какие-нибудь хорошие пигмейские имена? — спросил Пат.

— Он, вероятно, уже имеет одно из них. Когда бабушка оправится от испуга, она придет и скажет нам, как его зовут. Но раз уж я собираюсь заменить ему мать, то мне хотелось бы подобрать для него хорошее и легкое американское имя.

— Только не называй его Пат,— рассмеялся муж.

— Вот что. Давай назовем его по отцу. Он далеко, в Нью-Йорке, и не может возражать. К тому времени, когда он узнает об этом, он уже ничего не в состоянии будет сделать.

Я заглянула в картонную кроватку.

— Эй, Уильям Д.,— спросила я,— как вам нравится ваше новое имя?

Ребенок заворочался и отрыгнул немного молока. Но при этом даже не проснулся.

Глава восьмая

На второй день наступило относительное спокойствие, и мы с Патом даже ухитрились в свое удовольствие выкурить на веранде по сигарете. Через день вместе с Капапелой пришла бабушка Уильяма Д. и сообщила нам, что пигмейское имя ребенка Кокойю. Я затрудняюсь дать точный перевод этого слова, примерно это означает следующее: «Тот, кто одинок». Повидимому, это имя было выбрано потому, что после смерти матери ребенок остался один, совершенно беспомощный. Тот факт, что обязанности матери выполняла я, для пигмеев не имел никакого значения. Уильям Д. был по-прежнему одинок. Пока царила эта кутерьма, у нас, как обычно, в гостинице были постояльцы. Некоторые из них оказались очень кстати. Несколько американских миссионеров обещали прислать мальчику одежду сразу же по возвращении в миссию и слово свое сдержали. Затем у нас долго жил с супругой инженер Евгений Вельман, инспектировавший дорожное строительство. Миссис Вельман знала о детях буквально все. Я уверена, что, не будь ее указаний, Уильям Д. вряд ли выглядел бы так хорошо.

Однажды, когда я собиралась разрезать старый пиджак, чтобы сделать детское одеяло, ко мне обратился остановившийся у нас служащий небольшой торговой конторы.

— Мадами,— сказал он,— отдайте пиджак мне. Я дам вам за него великолепное шерстяное одеяло.

На следующий день с оказией прибыло отличное теплое одеяло, а какой-то шофер привез от четы Вельманов детскую коляску. Не прошло и недели, как малыш-пигмей оказался обладателем множества различ-

ных вещей: одежды, новых покрывал для постели, сосок, бутылок и оборудования для стерилизации. Уильям Д. сразу превратился в самого нарядного ребенка-пигмея во всем лесу Итури. Молва о его богатстве распространилась, словно пожар в саваннах. Отовсюду приходили пигмеи, чтобы посмотреть на мальчика. Повар Эмиль, который гордился малышом, словно он был его собственным сыном, обычно раскрывал настежь дверцы чулана и показывал свитеры, детские вязаные башмачки, одеяла и пеленки. Неважно, что большей частью они были, так сказать, с чужого плеча и основательно поношенными. Такая щедрость была совершенно непонятна пигмеям. Казалось, все это должно было наполнить меня чувством гордости и счастья. Но этого не происходило. Я знала, что матери-пигмейки не имеют представления о детском приданом и бывают счастливы, если им удастся раздобыть несколько кусков ткани для пеленок.

Я поделилась своими мыслями с Патом:

— Это такая несправедливость. Мне хочется плакать, когда я гляжу на пигмея, восхищающегося гардеробом Уильяма.

Пат поглядел на меня так, словно я потеряла рассудок.

— Я не собираюсь оставлять ему все эти вещи,— сказала я.— Мне хочется, чтобы он рос так же, как любой другой пигмейский мальчик. Если он будет иметь больше, чем другие, пигмеи не будут любить его.

Поэтому после полудня я стала раздавать всю лишнюю одежду пигмейским и негритянским мальчикам моложе шести лет. Через пару часов у Уильяма осталось только то, что было надето на нем. Я сохранила лишь розовые вязаные башмачки, которые не в силах была отдать. Каждый раз, когда я по просьбе кого-нибудь из пигмеев показывала ему ребенка, я чувствовала, что розовые вышитые башмачки просто лишают посетителя дара речи. Может быть, это было эгоистично, но я не могла заставить себя снять башмачки с усыновленного мною ребенка.

Пигмеи часто приходили и стояли вокруг кровати весь день, наблюдая, как мальчик спит, ест и кричит.

Поскольку кормление из бутылочки удивляло их, я решила, что в тех редких случаях, когда у матери-пигмейки после родов пропадает молоко, ребенка вскармливает другая женщина.

Но главным предметом внимания была все-таки не бутылочка для кормления, а большая банка гигиенической пудры. Я купила ее в Париже, возвращаясь в Конго после первой поездки в Штаты задолго до того, как появился Уильям Д. Я подумала, что она может пригодиться, но совершенно забыла о ней, вернувшись в джунгли. Когда же на мое попечение передали ребенка, я вспомнила об ароматной пудре и разыскала ее в кладовой. Искупав Уильяма, я обычно дожидалась, пока все пигмеи собирались вокруг, и после этого «пудрила» маленького шоколадного мальчика детской присыпкой. «Охи» и «ахи» пигмеев сделали бы честь восторгам, возникающим при первом знакомстве с вечерним Бродвеем.

Однажды Софина, жена Фейзи, смотрела, как я купаю Уильяма. Во время всей этой процедуры она стояла с разинутым от удивления ртом, но не сказала ни слова, пока купание не закончилось и ребенок вновь не заснул в корзине.

— Мадами,— спросила она,— это ваш ребенок?

— И да и нет,— отвечала я.— В действительности это не мой мальчик, но я согласилась вырастить его, так как он лишился собственной матери.

Софина покачала головой.

— Какой позор,— промолвила она.— Кокойю станет таким же большим, как господин Патнеми и высокорослые негры. Он не будет пигмеем.

Чтобы понять друг друга, Софина и я говорили на кингвана. Но ее родным языком был кибира, а моим — английский, точнее нью-йоркский диалект. Я пыталась объяснить ей основы генетики при помощи кингвана, жестов, мычания и криков. Все было напрасно. Софина ушла домой, убежденная, что Уильям Д., вскормленный сгущенным молоком из рук белой женщины, обязательно станет таким же рослым, как мы с Патом. Не знаю, почему она не подумала, что при этом и цвет кожи у него должен измениться.

Я часто со смехом вспоминаю, как однажды Херафу

пытался проникнуть в тайну одного явления, которое он наблюдал в Конго. Поскольку основная религия в Бельгии — католицизм, бельгийцы организовали в Конго множество католических миссий. Большинство священников, работающих при миссиях, говорят по-французски и известны под именем «отцы». Некоторые из них останавливаются у нас, в лагере Патнем. Однажды здесь жили в течение нескольких дней десять или двенадцать священников. Я думаю, они направлялись на новые места или совершали инспекционную поездку. Так или иначе, их видели то в здании гостиницы, то около нее; кроме того, несколько раз они ходили в деревню пигмеев.

День или два спустя с визитом к нам, очевидно в целях «самообразования», прибыл Херафу.

— Мадами,— спросил он,— откуда приходят отцы?

— Большинство их приезжает из-за моря,— объяснила я, используя выражение, которое пигмеям дает некоторое представление об огромном расстоянии.

— А где их женщины? — продолжал маленький философ.

— У них есть матери,— ответила я после серьезного раздумья,— но нет жен. Их религия, их колдовство запрещает им иметь жен. Они дали клятву посвятить свою жизнь церкви и не иметь семьи. Они считают, что так смогут больше помогать другим людям.

Херафу подергал свою остроконечную бородку. Я видела, что объяснение показалось ему малоубедительным. Большим пальцем ноги он смущенно чертил по земле, словно мальчик перед началом танцев.

— У них совсем нет женщин? — спросил он после раздумья.

— Совсем,— ответила я.— Они живут всегда одни.

Херафу посмотрел на меня с жалостью. Он искренне любил меня (так же, как и я его) и с уважением относился к большинству моих высказываний, но на сей раз было ясно, что он мне не верит.

— Совсем нет жен? — произнес он таким тоном, словно хотел сказать: «Вот тут-то я и поймал вас». — Но тогда откуда берутся новые отцы? — задал он последний вопрос.

Глава девятая

Как бы много постояльцев ни жило в гостинице и как бы Пат ни был занят в госпитале, он никогда не терял интереса к устроенному им зверинцу. Там имелось уже много животных, пойманных пигмеями и высокорослыми неграми. Когда Пату хотелось приобрести какой-либо особый вид, он снаряжал для этого специальные партии охотников. Более всего Пат мечтал заполучить окапи, редчайшего обитателя леса Итури. Он созвал слуг и старейшин из близлежащих пигмейских деревень и сообщил о своем желании, обещая награду в двадцать долларов за пойманное животное.

Однажды утром, вскоре после этого, четыре пигмея принесли из леса окапи. Животное было ранено, но еще живо, и Пат взялся за дело, стараясь спасти его жизнь. Он сделал уколы пенициллина, наложил швы и перевязал раны животного. Он прил окапи теплым молоком, приготовленным из порошка,—обычный вид молока, которое мы употребляли в лагере. На третий день, несмотря на все его усилия, животное умерло. Пат был удручен.

Спустя несколько месяцев повторилась та же история. Мне казалось, что Пат сойдет с ума от беспокойства за раненое животное. Когда оно умерло, я отправилась в деревню пигмеев, чтобы переговорить с Фейзи. По-видимому, он узнал о предстоящем визите, так как соответствующим образом принарядился к моему приходу. Под поясной шнурок он засунул большие блестящие листья—верный признак элегантности. «Изящным» дополнением к этой одежде служила сплющенная мужская шляпа, выброшенная одним из наших постояльцев несколько месяцев назад. Едва удерживаясь от

смеха, я вежливо осведомилась о здоровье членов его семьи и положении дел в деревне.

— Фейзи,— спросила я затем,— почему все окапи, которых нам доставляют, ранены? Вы ведь знаете, как сильно желает господин Патнем достать для зверинца здоровое животное?

Маленький человек замялся и стал в смущении водить большим пальцем ноги по земле.

— Мадами,— заговорил он наконец,— это поистине печальная история. Пигмей, если он хочет жить, должен постоянно охотиться. Чтобы добыть пищу, мы ходим в лес со времен деда моего деда и даже с более раннего времени. Когда сети бывают пусты, мы голодаем. Мы специально ходили на охоту, чтобы поймать окапи для господина Патнем. Но когда нам это удавалось сделать, мы забывали о цели нашей охоты и метали копья и стрелы прежде, чем успевали сообразить, что мы делаем.

Иметь двадцать долларов было для пигмеев пределом мечтаний. Представляю, как бы они радовались, обменяв их на франки и делая покупки в лавке индуса возле шоссе. Но, оказывается, привычка, выработанная веками, была настолько сильной, что ее не мог преодолеть даже соблазн награды.

Чтобы поймать окапи, несколько пигмеев вырыли ямы, однако это оказалось безуспешной затеей.

Как-то, отправившись вместе с ними в лес, мы встретили Моке, который нес на плечах мертвого окапи. Вид у него был сердитый.

— Мы знаем, господин хочет живого,— сказал он,— но этот окапи испугался и сам наткнулся на копье.

Однако животное выглядело так, словно наткнулось по меньшей мере на десять-двенадцать копий или на частокол. Пат не желал сдаваться.

— Если они не могут поймать живого окапи сетями,— сказал он Агеронге,— может быть, это удастся сделать при помощи западни?

Пигмеи и высокорослые негры принялись усиленно рыть ямы по всему лесу, чтобы удовлетворить страстное желание Пата. Они выкапывали их на звериных тропах, ведущих к водопою или к скоплениям соли на поверхности земли. Они нарыли их так много, что один за дру-

гим в них стали попадать люди, и Пату пришлось мазать йодом ободранные голени и локти. Он успел израсходовать на людей довольно большое количество бинтов, прежде чем был пойман окапи. Вот как это произошло. Несколько недель спустя, когда первоначальный ажиотаж охоты уже стал спадать, как-то утром нам сообщили, что животное поймано. Окапи попала в яму, вырытую неграми километрах в двадцати от гостиницы. Все мы решили отправиться туда. Пату с его эмфиземой и другими осложнениями после мальтийской лихорадки следовало бы остаться дома. Но он не хотел и думать об этом. Он приказал подать носилки, и мы отправились. Я шла впереди, под охраной пигмеев и «Мадемуазели». По мере удаления от реки тропа постепенно поднималась в гору и, обогнув стороной деревню Банадигби, углублялась в тропический лес. Собака бежала по тропинке, видимо, боясь рыскать по сторонам вдали от дома. Только что она бежала передо мной, как вдруг исчезла, провалившись в прикрытую листьями и ветвями яму, вырытую посреди тропинки. Я услышала испуганный лай собаки: падение было для нее полной неожиданностью. Мне хотелось от всего сердца обнять собаку — я понимала, что, если б не она, в ловушку провалилась бы я сама.

Пигмей Онеги — единственный из обитателей нашей части леса Итури — бегло говорил на пиджин-инглиш — упрощенном английском языке. Он некоторое время жил в Костерманвиле, расположенном на границе с соседними странами Восточной Африки, и там у кикуйю или сомалийцев научился говорить по-английски.

— И-и-и-я-а-а! — закричал Онеги, — Бамбути *, достаньте из ловушки собаку Мадами!

Он употребил это название пигмеев, обращаясь к нашим местным неграм, очевидно желая поддразнить их, чтобы они побыстрее достали бедную собаку из ямы, которая для него была слишком глубока.

— И-и-и-я-а-а! — завопили негры, спеша на помощь. — Мадами в яме, Мадами в яме.

* Б а м б у т и — наименование описываемой в настоящей книге группы пигмеев.

Негры были явно разочарованы, обнаружив на дне ямы не меня, а «Мадемуазель», однако снизились до того, чтобы вытащить ее наверх. «Мадемуазель» теперь была более внимательна. Наконец, после нескольких часов утомительного пути мы добрались до ямы, где находилось животное. Это была очень красивая самка. Окапи принадлежат к семейству жирафовых, но у них не такая длинная шея. Это редкое животное было впервые поймано европейцами в Конго в начале XX века. Наша окапи была гнедая, с желтовато-белыми щеками. Верхняя часть передних и почти обе задние ноги были покрыты яркими темно-пурпурными и кремовыми полосами.

Животное возбужденно металось на дне ямы — три шага вперед и три назад. Его кроткие коричневые глаза были широко раскрыты от страха.

Негры принялись делать изгородь из небольших деревьев, связывая их лианами. Подоспевший Пат взял руководство на себя и действовал так, словно ему подарили филадельфийский монетный двор.

— Разве она не красавица? — кричал он. — Двадцать долларов тем, кто рыл яму, а остальным — сигареты и банановое вино, после того как мы доставим животное в лагерь.

Охотники поставили вокруг ямы изгородь, соорудив нечто вроде загона, и стали сбрасывать в яму землю. Наконец окапи смогла подняться на поверхность и очутилась в маленьком загоне. Все были возбуждены и работали, как троянцы*. Затем был сделан второй загон, который соединили проходом с первым. Над первым загонем соорудили крышу из листьев. Окапи нервно семенила взад и вперед по загону, выпила из ведра немного воды, но отказалась есть листья, которые нарвали для нее туземцы. Пигмеи, возбужденно крича, разглядывали окапи, словно она была редчайшим животным на земле. Удивительно, как она уцелела в эти первые часы.

* В древнегреческом эпосе «Илиада» троянцы, жители Трои, оттеснили нападавших на них врагов — ахейцев в лагерь последних. Возведя осадные сооружения у лагерных стен, троянцы в конце концов захватили ахейцев.

— Предпочитаю остаться здесь на ночь с двумя слугами,— сказал Пат,— чем беспокоиться все это время о том, как бы кто-нибудь из этих возбужденных людей не метнул в нее копье.

Под вечер мы отправили пигмеев и почти всех негров домой, а сами разожгли костер и соорудили настил для сна.

После еды мы стали обдумывать, как лучше всего доставить домой нашу добычу. Пат предложил добратся с окапи до шоссе, а затем перевезти животное на грузовике. Этот способ показался мне ненадежным, и я высказалась за спокойный переход через лес к лагерю. Как бы то ни было, на все это должно было уйти много времени, учитывая то обстоятельство, что окапи не была домашним животным. На следующий день я отправилась в гостиницу за некоторыми необходимыми для доставки окапи вещами и задержалась там: пришлось сходить на рынок, что являлось одной из многих моих хозяйственных обязанностей. У меня едва хватило терпения дождаться, пока туземцы закупят пизанги, маниоковые корни, корзины и другие необходимые в обиходе вещи, вроде тканей, горшков и кастрюль. Наконец, этот нудный день закончился, и я легла спать, решив отправиться рано утром к загону с окапи.

Проснувшись, я торопливо оделась и по тропинке отправилась в лес. Пройдя километра полтора, я услышала приближавшиеся мужские голоса. Скоро впереди показался Пат, сидевший на носилках, а за ним — растянувшиеся цепочкой мужчины. Все имели крайне удрученный вид. Пат был мрачнее тучи.

— Где окапи? — спросила я.

— Убежала,— отвечал он с таким видом, точно потерял лучшего друга.— Мы уже были готовы отправиться в путь, когда подошло несколько африканцев, чтобы отпраздновать удачу. У одного из них был охотничий рожок. Увидев окапи, он приложил его к губам и сильно затрубил. Этот звук так испугал окапи, что животное, собрав все свои силы, огромным прыжком перескочило через ограду загона.

— И-и-и-я-а-а-а! — воскликнул Онеги,— окапи теперь находится в трех днях ходу отсюда.

Это был несчастливый день. И у нас на Эпулу бывали такие дни, точно так же как это случается в Нью-Йорке или Сингапуре.

Следующий день был не лучше. Я находилась в огороде, как вдруг заметила жуков, подбирающихся к побегам бобов, за которыми я так любовно ухаживала.

Бобы были выращены из семян, присланных родителями авиапочтой из Нью-Йорка. Жуки имели твердые панцири, красные головки и коричневые тела. У нас имелась специальная жидкость против них, и я послала за ней в госпиталь одного из слуг. Затем я тщательно sprysкала бобы. Появились обезьяны, которые с любопытством наблюдали, как я, вместо того чтобы сидеть где-нибудь в зеленой прохладе леса, работаю под палящими лучами солнца. Вечером, разговаривая с Патом об огороде, я сообщила ему, что в скором времени у нас к обеду будет вкусное блюдо из свежих бобов.

— Но знаешь,— сказала я ему,— странное дело: эта жидкость имеет такой сильный запах, точно я опрокинула у себя под носом фонарь.

— О, бог мой,— простонал в ответ Пат,— я послал тебе не ту жидкость. Это была двадцатипроцентная смесь ДДТ и керосина. Она сожжет твои бобы.

На следующее утро, набравшись храбрости, я отправилась на огород. Там на земле лежали поникшие побеги бобов. Право, в некоторые дни не стоит вставать с постели!

Вскоре после этого маленького несчастья, когда я рисовала на берегу реки, к нашему лагерю подъехала машина. Из нее вышел высокий красивый мужчина со смуглым лицом и волевым подбородком и направился ко мне.

— Нет ли здесь мистера Патнема? — спросил он, пожимая мне руку.— Я старый приятель одного из его друзей в Штатах. Мое имя Лоуренс Рокфеллер.

Наверное, Ливингстон не был так удивлен, встретившись в Конго со Стэнли, как я, когда мне довелось увидеть в лагере Патнем представителя семейства Рокфеллеров. Он сказал, что узнал в Стэнливиле о моей коллекции туземных масок и хотел бы приобрести ее.

— У меня хорошая коллекция, которую я собирала проездом через Нигерию и Камерун в Конго,— ответила я,— но она в течение долгого времени находилась в дороге и некоторые ящики все еще не распакованы. Если вы хотите посмотреть маски, то пожалуйста.

Он буквально ворвался в хранилище, на ходу заверяя меня, что умеет отличать хорошие маски от обычных. Выбирая те, которые ему нравились и которые я соглашалась ему продать, он относил их в машину и выписывал чек. Я не сомневалась в подлинности его личной чековой книжки, так как хорошо знала его лицо по фотографиям в американских газетах.

— Я остался бы подольше,— сказал он напоследок,— но должен присоединиться к своим спутникам, направившимся в Ируму.

Он умчался как метеор, а я, точно дура, продолжала стоять, глядя на чек и думая о том, как забавно оплатить некоторые мои расходы частью, пусть даже совсем незначительной, рокфеллеровских миллионов.

Глава десятая

Однажды вечером, спустя несколько недель после того как в лагере Патнем появился Уильям Д., я услышала доносящиеся из леса звуки сигнальных барабанов. У них нет ничего общего с маленькими барабанами и там-тамами, которыми пользуются пигмеи-танцоры. Бой сигнальных барабанов напоминает отдаленные удары грома, отразившиеся в холмах, где-то за домом. Когда раздались первые удары, Сейл и Андокала находились возле гостиницы и были заняты переноской мяса. Они остановились как вкопанные во дворе лагеря, повернувшись туда, откуда неслись звуки, и напряженно прислушиваясь к ним. Я вспомнила про радиолокационную установку и подумала, что сигнальные барабаны — более ранний и примитивный вариант ее. Здесь, в Конго, техника связи очень древняя.

В течение пятнадцати-двадцати минут можно было слышать ритмические удары, сила звука которых то ослабевала, то усиливалась под влиянием ветра и шума листвы.

Оба пигмея тряслись как в лихорадке. Вдруг они начали скакать и прыгать, крича что-то на кибира.

— Ради бога, объясните, что все это значит! — закричала я.

Андокала бросился в пигмейскую деревню, но Сейл, отец восьми детей, умудренный жизненным опытом и более воспитанный, поспешил на крыльцо.

— Фейзи убил слона, — сообщил он, — и возвращается, чтобы отвести нас к туше.

— Каким образом? Без ружья? — спросила я.

— Своей храбростью, Мадами. Фейзи не нуждается в ружье.

Я представила себе, как маленький бородатый пигмей, вес которого составлял всего тридцать пять-сорок килограммов, подкрадывается к слону, весящему несколько тонн. При этой мысли я содрогнулась.

Накормив ребенка, я поела сама и занялась другими делами, стараясь не думать слишком много о маленьком Фейзи. Но, когда приблизилось время сна, мне безумно захотелось узнать подробности охоты. Не желая откладывать удовольствие до следующего дня, я решила пока не ложиться спать. Вскоре послышались крики, затем шаги на крыльце. Ввалился Фейзи, окруженный толпой пигмеев, которые быстро и невнятно говорили что-то на своем языке. Смертельно уставший, спотыкающийся Фейзи прошел к большому стулу. Он напоминал маленького уставшего мальчика с лицом старика, сморщенным и бородатым, и вовсе не походил на героя. Одна его нога была окровавлена. Видимо, он напоролся на корень или споткнулся о лозу лианы. Лук и стрелы он отдал своему старшему сыну, а копье оставил у себя и держал его, как маршальский жезл. Ручной поковки железный наконечник копья почернел от крови, ниже, на шероховатом древке, виднелось красное пятно.

Сейл вышел вперед и, как заправский церемониймейстер, произнес:

— Это величайшее событие в нашей жизни. Со времени отцов наших отцов в нашей деревне не было никого, кто убил бы слона с клыками. Расскажи нам, Фейзи, о своем подвиге — наши сыновья должны знать об этом.

Фейзи поднялся. Глаза его сверкали, как агатовые пуговицы на черной шелковой блузе.

— В этом нет ничего особенного, — начал он, — всякий мог бы...

— И-и-и-я-а-а! — закричали, перебивая его, другие пигмеи. — Для великого охотника Фейзи сделать это ничего не стоит!

Герой стоял, чувствуя себя неловко, но гордый от похвал. Если бы я не видела этого сама, я бы никогда не подумала, что он может так смущаться. Громадное расстояние разделяло нас: я была дитя XX века, он — бронзового.

— Фейзи,— попросила я,— расскажи нам о твоей схватке со слоном. Во всем Конго не найдется человека, который гордился бы тобой более, чем я.

Он бросил в мою сторону быстрый взгляд, исполненный благодарности, и начал рассказ:

— Я уже дед, у меня три сына и внук. Мне хотелось, чтобы они гордились мной. Если я умру, они позаботятся о моей вдове.

«Так значит, это было проявлением смелости, проверкой собственного мужества»,— подумала я.

— В тот день, когда я пошел на эту охоту,— продолжал Фейзи,— в деревне не было голодных. Наши сети были полны антилоп и диких птиц. Не было ни одного пустого желудка. Просто я хотел убить огромного слона. Вот и все.

Фейзи начал быстро рассказывать о своей охоте. Никого не предупредив, он на заре вышел из деревни, захватив лук, стрелы и копье.

— Я шел от реки два дня. В лесу видел антилоп, генетт и много обезьян. Дважды слышал, как рычал над своей добычей леопард. Питался цесарками и другими птицами, которых удавалось убить. Река все время была у меня за спиной. На третий день лес расступился. Выйдя на поляну, я обнаружил помет стада слонов. Отойдя в сторону по ветру, я забрался на дерево, чтобы немного отдохнуть.

Я взглянула на пигмеев. Смущение, которое они всякий раз испытывали, находясь в нашем доме, исчезло. Семеро из них сидели на диване. Другие разместились на стульях или просто на полу. Не отрываясь, они глядели на Фейзи. Слушали молча. Когда же его рассказ касался наиболее волнующих моментов охоты, они издавали негромкие крики или шептали «и-и-и-я-а-а». Невольно перед моим мысленным взором возникла сценка из жизни детского сада, когда воспитательница, собрав вокруг себя детей, читает им книгу. Вслед за этим я вспомнила о менестрелях, которых знала из книг. О том, как они шли от замка к замку, рассказывая свои истории. Пока Фейзи говорил, я думала о том, как мило он выглядел бы в колпаке с колокольчиками или в кожаном костюме, аккомпанирующий себе на лютне.

Ноздри приплюснутого носа Фейзи трепетали — он заново переживал возбуждение охоты.

— Утром я увидел стадо,— продолжал он.— Я насчитал одиннадцать слонов. Среди них было два молодых самца, четыре самки, остальные — детеныши. По ту сторону стада кружились птицы, и я догадался, что там, наверное, пасется самец, слишком старый, чтобы бороться за право быть возле самок.

— Отодрав немного сухой коры от дерева, на котором сидел, я растер ее руками и бросил вниз, чтобы узнать направление ветра. Ветра не было, я слез с дерева и стал подбираться к стаду. Пригнувшись к земле и поэтому оставаясь невидимым для слонов, я шел, выпрямляясь лишь на мгновение, чтобы не потерять правильного направления. В течение часа я прошел большую часть расстояния.

При этом маленький пигмей показывал, как он бесшумно крался через не заросшее деревьями пространство, скрываясь в высокой траве.

— Между мной и ближайшим слоном,— продолжал он,— находился небольшой овраг, в котором поток воды после весенних дождей промыл канаву. Это было счастьем для меня, так как без этой канавы я не смог бы одержать победу.

Фейзи засел в овраге, чтобы выждать удобный момент для нападения. Он понимал, что со своими стрелами не сможет проколоть шкуру слона толщиной в два с половиной сантиметра.

— Мы, пигмеи, знаем, что есть лишь один способ одолеть слона без ружья,— продолжал Фейзи.— Надо подобраться как можно ближе и со всей силой воткнуть копье в его мочевой пузырь.

— И-и-и-я-а-а! — зашумели пигмеи, вспоминая бесчисленные рассказы, которые в течение многих лет устно передавались возле деревенских костров.— Это единственный путь.

Фейзи описал, как он спрятал лук и колчан со стрелами в овраге. Чтобы заметить место, он осторожно сложил груды камней, стараясь не производить шума, который мог спугнуть пасущееся стадо. Теперь он находился так близко к нему, что слышал, как слоны отла-

мыпали небольшие ветки деревьев, росших по краю поляны. Вот слониха шлепнула детеныша своим мощным, похожим на ремень хоботом. Фейзи знал, что такой удар переломал бы ему все кости, но слоненок, казалось, даже не заметил его.

— Через каждые несколько минут,— рассказывал охотник,— я подбрасывал в воздух щепотки пыли, проверяя направление ветра, так как боялся оказаться с наветренной стороны. Опасность быть обнаруженным отсутствовала: я надежно спрятался в овраге, а увидеть маленькие столбики пыли слоны своими слабыми глазами не могли.

— Более всего мне хотелось убить молодого самца. Бивни их особенно ценятся. Я решил, что лучше погибну в борьбе с самцом, чем со слонихой, имеющей детеныша. Причем приблизиться к слонихам было бы гораздо легче, так как все их внимание поглощали детеныши, которых они учили срывать нежные молодые листья с веток или, стоя терпеливо на одном месте, кормили.

Пигмей казался смущенным, когда рассказывал слушателям о том, что взрослые слоники имеют вымя, вмещающее несколько галлонов* молока. Сделав вид, что не слышу этих «статистических» данных, я начала воить с фонарем. После некоторой паузы он вернулся к рассказу о самой охоте.

— Один из молодых самцов находился в голове стада,— рассказывал Фейзи,— другой — с ближайшей ко мне стороны. Мне понравились клыки того, что стоял ближе, и я решил попытать счастья в борьбе с ним. Осторожно продвигаясь вперед, я приблизился метров на десять. Я видел, как он бродил под деревьями, по временам поднимая свой хобот и срывая пучки листьев. Это был исполин. Одно его ухо покрыло бы половину моей хижины.

Пигмеи беспокойно заерзали на своих местах. Они разом словно по команде вздохнули.

Утомленный дневной работой в госпитале, по лестнице на веранду поднялся Пат и вошел в комнату. Пиг-

* Г а л л о н = 3,785 литра.

мен явно не могли не заметить Пата, но они не обратили на него никакого внимания. В этот момент для них не существовало ничего, кроме Фейзи и слонов.

— Немного спустя, — вспоминал пигмей, — ближайший слон перестал есть. Он, казалось, был чем-то обеспокоен, и я стал опасаться, что он почуял опасность. Несколько позже я понял, что беспокоило слона. Дело в том, что самец, находившийся на противоположной стороне поляны, оставил свой пост и приблизился к одной из слоних, а мой приревновал его. Он оттопырил уши и стал помахивать хоботом над землей. Это было мне на руку — слон, занятый слонихой, не обращает на все остальное никакого внимания. Я, пригнувшись, стал продвигаться вперед, пока расстояние между мной и ближайшим слоном не сократилось менее чем до двенадцати шагов. Я потел от страха, чувствуя, что теперь ничто уже не заставит меня отказаться от своего замысла.

Маленький охотник, стоявший в моей комнате, вдали от всех опасностей, обливался потом. Его небольшие глаза были сужены, дышал он неровно и с трудом. Глядя на него, я поняла, какое мужество удерживало его там, возле слона, на расстоянии многих дней пути от широкой Эпулу. Но дело было не в одном мужестве. Это был извечный конфликт джунглей. Глубоко укоренившийся инстинкт охотника толкнул Фейзи на эту борьбу. Безотчетно ведомый этой силой, он, не колеблясь, пошел бы даже на смерть.

— Слоны по-прежнему не подозревали о моем присутствии, — рассказывал пигмей. — Я находился так близко, что слышал, как урчало у них в животах. Все они перестали есть, привлеченные ухаживанием слона за слонихой. Он бил ее своим хоботом по голове и спине, игриво толкал головой. У нее, видимо, не было детеныша. Отделившись от стада, она двинулась прочь, словно отыскивая более уединенное место. Самец не отставал. Его шутки стали более грубыми, теперь он был уже совершенно поглощен своей страстью. Я не мог внимательно наблюдать за этим слоном, так как боялся потревожить его соперника, стоявшего около меня. Глядя на ближайшего ко мне слона, я понимал — любовь

ная игра в любую минуту может быть прервана. Находившийся около меня слон стоял как вкопанный; хобот его был мягко опущен вниз, уши прижаты к голове. Он весь дрожал под жесткой броней кожи. Я понял, что настало время нанести удар. Держа копье острием вверх, я стал осторожно красться вперед, пока, наконец, не оказался прямо под взбешенным от ревности животным. Мгновенно распрямившись, я всадил ему глубоко в брюхо свое копье. Оттуда через рану вырвалась сильная струя газа. От его тошнотворного запаха я чуть было не потерял сознания. Мне показалось, что слон почувствовал меня еще до того, как копье попало в цель. Однако он, не поворачиваясь, бросился к стаду, производя страшный шум и трубя от боли. Мадами никогда не видела бегущих слонов, поэтому она не может представить, как быстро они передвигаются. Только что они находились на месте. Но уже в следующий момент можно было видеть лишь полосу пыли, теряющуюся среди деревьев.

Фейзи устало опустился в кресло. Я гордилась тем, что так хорошо его понимала. Я изучала язык кингпана уже несколько лет, но все еще удивлялась тому, что легко понимаю его.

Затем маленький охотник заговорил вновь.

— Я шел по следу слона два дня, пока он не стал слабеть. В первый день я нашел свое копье, которое он вытащил из раны и забросил в кустарник. На второй день, после полудня, когда я его нагнал, он уже умер от потери крови.

В полночь, едва отдохнув, Фейзи повел за мясом счастливую и возбужденную толпу пигмеев. Мне тоже хотелось пойти вместе с ними, но об этом не стоило заводить и речь, ибо из-за меня они должны бы были идти медленнее, а они спешили добраться до животного, прежде чем гиены и шакалы растащат все, за исключением бивней. Я могла некоторое время идти по лесу так же быстро, как пигмеи. Но пройдя таким темпом около часа, я уставала, и мне становилось трудно уклоняться от ветвей лиан. Пигмей же, даже с ребенком или корзиной, может идти быстрым шагом весь день. Столь же выносливы и негры.

Пока пигмеи ходили за мясом убитого слона, ко мне в гости приехал известный фотограф журнала «Лайф» Элиот Элисофен. Мы познакомились летом на полуострове Кейп-Код. За время, прошедшее после нашего знакомства, Элиот исколесил весь мир. Он сильно изменился.

Во время своего пребывания у нас Элиот большей частью находился в пигмейской деревне, фотографируя сцены из жизни пигмеев маленьким фотоаппаратом, линза которого стоила, вероятно, тысячи долларов. От старика-пигмея, оставшегося дома, я узнала, что после возвращения пигмеев из леса состоится что-то вроде праздника с танцами и песнями. Элиот собирался заснять все это на пленку. Однако из Нью-Йорка к нам пришло какое-то срочное сообщение на его имя, и он сразу же отправился на побережье. Мне показалось, что Элиот получил распоряжение проинтервьюировать знаменитого альпиниста Кэнона Дитри. Уезжая, Элиот успел только сказать, что любит свою профессию газетчика за то, что она не оставляет ему времени для скуки. Мне пришлось запечатлеть возвращение пигмеев и их праздник лишь в своей памяти, поскольку фотоаппарат мой был сломан, а пленка пришла в негодность от влажного воздуха джунглей. Момент возвращения пигмеев трудно было бы не заметить. Они напоминали вваливающихся в пивную лесорубов, которые всю зиму провели за пилкой строевого леса. Хотя я знала, что пигмеи совершенно трезвы, но вели они себя так, словно выпили вина или находились под действием наркотиков.

Пока в джунглях разделывалась туша слона и отделялись бивни, пигмеи успели по горло наесться мяса. Фейзи настоял, чтобы в деревне его хозяина негра Нгомы была сделана остановка, где Нгоме вручили его долю. Нгома остался так доволен, что пустился в пляску, которая длилась более четырех часов. Распевая и танцуя в течение всего пути и, по-видимому, совершенно не устав, пигмеи зашли в лагерь Патнем. Они воспевали охотничью доблесть Фейзи, и при этом каждый словно воспринял частичку его храбрости.

Великолепные бивни Фейзи отдал Пату. Это огорчило Нгому, однако пигмей считал, что хозяин его получил достаточно бесплатного мяса, хотя абсолютно ничем не помогал в охоте на слона. Ночь была посвящена победным танцам. Пигмеи приготовили краску, смешав волю с водой, и разрисовали себя так, что стали похожими на чудовищ. За свои поясные шнурки они заткнули огромнейшие пучки листьев. Барабаны звучали на этот раз громче обычного. Сначала танцевали только мужчины. В пантомиме они изобразили, как Фейзи искал огромное животное, а затем показали сотню различных вариантов самой охоты. Фейзи, обычно такой скромный и непритязательный, на сей раз отбросил сдержанность и танцевал как одержимый, в которого вселилась сверхъестественная сила, при этом он размахивал копьем, словно балетный танцор.

Фейзи упорно не хотел чистить оружие, на котором при свете больших костров можно было легко разглядеть темно-красное пятно — запекшуюся кровь слона. Около полуночи к танцующим присоединились женщины. Дети спали в маленьких хижинах под присмотром старух. Софине, как первой жене героя Фейзи, также воздавались почести. Ей была оказана особая честь возглавить первый танец мужчин и женщин, который был поразительно похож на босоногий вариант шоттиш *. Потом эта привилегия выпала на долю всех остальных женщин, и никто не мог упрекнуть Софину в эгоизме. Когда замолкли барабаны, Анифа, сводная сестра Мукабасы, принялась воспевать великие деяния Фейзи. Другие хором поддерживали ее, и, должно быть, на много километров вокруг дрожали в своих норах звери, напуганные этими странными звуками. В празднествах участвовали жена Сейла Томаса и Базалинда, старая жена Донейта, которая вернулась в лагерь несколько недель назад после своего исчезновения с женщиной из соседней деревни. Присутствовало также много других женщин. Если не считать маленьких передников из тапы, все они были обнажены. Некоторые пигмеи, нарвав ярко-красных цветов, вплели их себе в волосы.

* Шоттиш — шотландский танец.

Когда танцоры уставали, они отходили в сторону, чтобы отхлебнуть глоток пальмового вина. Постепенно танцы их принимали все более первобытный характер. Мне стало ясно, что пальмовое вино оказывает свое действие. Женщины собрались на одной стороне поляны, глядя на мужчин, которые выстроились в линию. Ритм танца стал медленнее. Женщины запели на кибира, но я не нуждаюсь в переводчике. Они пели что-то о своих лицах и раскачивающихся телах. Все говорило мне, что это песнь древней первобытной страсти. Язык слишком беден, чтобы точно воспроизвести всю эту картину.

В то время как мужчины, притопывая, двигались то вперед, то назад, женщины шаг за шагом уменьшали расстояние, пока между ними и мужчинами не остался узкий коридор. Барабаны продолжали грохотать, не останавливаясь, покачивались темные груди и блестящие бедра.

Ночь была теплой, кроны росших вокруг деревни деревьев отражали жар костров. Тела танцоров покрылись бисеринками пота. Все учащеннее становился ритм, все быстрее и быстрее раскачивались гибкие фигуры пигмеев. В этот момент они забыли обо мне, об охоте на слона, о своих детях, спящих в маленьких хижинах из листьев, которые при дрожащем свете костров казались огромными застывшими каплями камеди*.

Это был древний танец. Его танцевали задолго до появления работорговцев и правления Клеопатры, которой на Ниле прислуживали кастрированные рабы-пигмеи. Оттуда, где я сидела в тени, видны были выстроившиеся в линию женщины. Необычно молчаливая шеренга мужчин казалась загипнотизированной. Пение прекратилось. Даже там-тамы звучали в приглушенном ритме.

Чья-то рука легла на мое плечо. Это был Херафу, маленький философ. Вид у него был серьезнее и озабоченнее, чем обычно.

— Мадами,— сказал он,— вам надо немного отдохнуть. Я провожу вас до дому.

* Камедь — густой сок, выделяющийся из надрезов коры многих деревьев.

Мы молча и — что касается меня — неохотно покинули деревню. Идя по тропе, вьющейся по берегу Эпулу, я слышала низкие ритмичные звуки там-тамов. На ступеньках крыльца Херафу торжественно поклонился и отправился назад в деревню.

Я стояла на веранде, вглядываясь в бархатистую темноту ночи и прислушиваясь к звучанию барабанов, а перед моими глазами плыли раскачивающиеся тела обнаженных пигмеек и шеренга непривычно молчаливых мужчин, поджидавших их.

Глава одиннадцатая

Пальмовое вино широко распространено в Конго. Оно не похоже ни на одно вино мира ни по виду, ни по вкусу. Цвет у него темно-коричневый, европейцу оно кажется горьким. Не многие приезжие привыкают к пальмовому вину, но местные жители любят его. Банановое вино, несмотря на то что стоит дешевле и проще изготавливается, не так широко распространено. Крепость его значительно ниже. Больше же всего любят араку, беловатый спиртной напиток, приготовляемый путем перегонки бананового вина. Когда ее наливают в стаканы, она пенится. Арака — очень крепкое вино, оно известно среди местных жителей под названием «молоко леопарда».

Однажды несколько наших слуг напились араки, и пять или шесть из них вышли шеренгой на дорогу с намерением силой останавливать все проезжавшие мимо машины. Было разбито несколько голов, но ни один из их владельцев не отважился обратиться в госпиталь. Они предпочли отлежаться в джунглях без медицинской помощи, страдая от полученных ушибов и похмелья.

Алкогольные напитки — не единственное зло в лагере Патнем. Как-то раз, охваченная рабочим азартом, я приказала нескольким слугам навести порядок в лагере. Во всех закоулках и за некоторыми постройками разрослись сорняки, это придавало участку неприглядный вид. Кроме того, я боялась, что их заросли будут способствовать размножению вредителей. Местные жители занялись расчисткой, однако я заметила, что они не трогают некоторые кусты. Я спросила, почему они это делают.

— Будет плохо, если мы их срежем,— отвечали они.

— Но что особенного именно в этих кустах? — удивилась я.

— Это банги, Мадами, банги.

Вот все, что я могла добиться от них.

Когда к нам заехал сельскохозяйственный агент, я провела его во двор и показала эти кусты.

— Это банги, мадам Патнем,— сказал он.

— Очень хорошо,— фыркнула я.— Пусть это банги. Но скажите, ради бога, что это такое.

— Культурное название этого растения — марихуана,— объяснил агент,— но не очень культурно употреблять его.

Позднее я поняла, в чем дело. Маленькие глиняные трубки курильщиков с чашечкой, насаженной на конец длинного бананового черенка, в некоторых случаях набиваются вовсе не табаком. Пат рассказал мне, что пигмеи часто сушат листья марихуаны и курят их.

— Иногда они возбуждаются от курения настолько сильно, что во время плясок падают в костер и получают ожоги,— сказал он.— Мне пришлось лечить массу таких курильщиков.

На следующий день кусты банги были срезаны. Я не пуританка, однако мне не хотелось мучиться от угрызений совести, если какой-нибудь пигмей изжарится, накурившись моей марихуаны. Пусть ищут ее в лесу. Эти растения очень распространены. Кажется, что они растут всюду, где бы ни находилась пигмейская деревня. Вы можете почти точно определить границы заброшенной стоянки пигмеев по молодым всходам марихуаны, которые начинают подниматься после их ухода.

Спустя два дня Пат получил сообщение о том, что группа пигмеев, живших на другой стороне Эпулу, поймала молодого окапи.

— Отправляюсь туда немедленно,— заявил Пат, ожидая носилки.— Если мне повезет, то я успею добраться до него прежде, чем он умрет, наткнувшись на копье.

— Почему ты не пошлешь за ним Агеронгу или кого-нибудь еще? — спросила я, полагая, что опрометчиво

пускаться в путь в его болезненном состоянии и вновь испытывать большие волнения.

— Это слишком рискованно, — ответил он, выходя на тропинку, которая вела к дороге через мост и далее в лес.

На следующий день Пат вернулся с прелестнейшим теленком окапи. Задние ноги его, как у жирафы, были гораздо короче передних, и поэтому казалось, что окапи стоит передними ногами на земле, в то время как задние находятся в яме. Шея у этого животного — не такая длинная, как у обычной жирафы. Кремовые и темно-бордовые полосы на ногах делали его похожим на арлекина. Ночь он провел в загоне для коз, а Пат на всякий случай все время дежурил неподалеку.

На следующий день рабочие под руководством Агеронги соорудили высокий частокол из бревен, которые связали друг с другом прочными лианами. Пат приказал это сделать, боясь, что окапи выберется из загона или туда проникнет какой-нибудь хищник. В одном углу огороженного участка был сделан решетчатый, крытый листьями навес, дающий тень. Там же была поставлена поилка из выдолбленной колоды, которую можно было наполнять водой, не заходя в загон.

Существует около двенадцати видов деревьев, листья которых ест окапи. Большинство их росло поблизости от нашего лагеря. Пат велел Абазинге и другим рабочим нарвать листьев этих деревьев для нового жильца зверинца. Они вернулись после полудня с огромной охапкой зелени, которую свалили в угол загона. Окапи понюхал ее, презрительно фыркнул, но есть не стал. К вечеру Пат не находил себе места от беспокойства. У него было одно из редчайших животных джунглей, здоровое и невредимое, но оно отказывалось есть листья, которые были его излюбленной пищей. Пат сильно мучился над разрешением этой проблемы, не помогали ему в этом случае ни его высшее образование, ни длительный опыт работы в Конго. Негры (в том числе и Абазинга), умеющие хорошо ухаживать за домашними животными, точно так же были в затруднении. Сама я совершенно ничем не могла помочь.

— Может быть, у окапи что-нибудь повреждено внутри? — высказала я предположение.

— Эта женщина просто невыносима, — зарычал Пат. — Мне и без твоих прогнозов тошно.

Мы беспорядочно толпились вокруг загона и ломали головы, ища выход из создавшегося положения. В это время к нам пришел Сейл. Абазинга рассказал ему о нашем затруднении. Сейл выслушал его внимательно и немного застенчиво, с таким выражением, точно считал по меньшей мере странным недоумение всех этих «настоящих» людей по поводу столь ясного для него самого вопроса.

— Ты ведь не ставишь свою чашку на землю, когда ешь? — спросил он Абазингу.

— Нет, — пробормотал тот, не догадываясь, к чему клонит Сейл, — я ставлю ее на стол или держу в руках.

Сейл глубокомысленно кивнул. Он подошел к костру, вытащил пылающую головню и направился в лес. Через некоторое время он вернулся, держа свернутую лиану длиной с бельевую веревку. Он вскарабкался на ограду, привязал наверху один конец лианы, а другой перебросил на противоположную сторону загона. Забравшись на забор с другой стороны загона, он туго натянул лиану и закрепил второй конец ее. Затем он вошел в загон, взял несколько листьев и повесил их, как выстиранное белье, на лиану.

Когда Сейл вышел за ворота, Пат начал улыбаться, а Абазинга удивленно покачал головой. Окапи осторожно выбрался из дальнего угла, понюхал висящие над головой листья, обернул свой длинный язык вокруг одного из них, стянул его с лианы и проглотил. Он двигался вдоль лианы, ловко и с удовольствием собирая свою пищу, как будто он ошипывал молодые побеги в джунглях. С тех пор Ауса, помощник Абазинги, всегда развешивал таким образом листья, и окапи поедал их. Пат в награду за то, что Сейл разрешил эту проблему, дал ему десять франков и большую порцию пальмового масла.

Через некоторое время Моке и Сейл нашли в лесу только что родившегося окапи и принесли его мне на воспитание. Его пуповина была еще мокрой, и он едва

мог ходить. Я отвела окапи угол в своей спальне и в течение первых двух недель ухаживала за ним, как за ребенком. Я готовила ему смесь из сахара и воды и даже вставала среди ночи, чтобы скормить ночную порцию.

Теленок окапи так привязался ко мне, что ходил за мной повсюду, а когда я была очень занята — свободно бродил, где хотел, но всегда возвращался, по крайней мере, к вечеру. Гости и туристы часто фотографировали меня, когда я кормила теленка из бутылки.

Когда окапи подрос и я уже не могла держать его в спальне, Агеронга построил для него небольшой домик. Но я думаю, что он не особенно нравился окапи. Однажды нам показалось, что окапи убежал совсем. Я созвала всех рабочих и пигмеев. Начали поиски в районе от берега реки до родника в лесу. После тщетных поисков в течение нескольких часов я совсем упала духом. Но все же решила напоследок заглянуть в его домик. Там на груде соломы, в темном углу, словно понимая, что он является виновником суматохи, лежал окапи. Вскоре после этого он ушел в джунгли, и больше мы никогда его не видели.

Туристы без конца восхищались тем окапи, которого мы держали в загоне, особенно они любили смотреть, как он ест. Со своего излюбленного стула на крыльце я могла наблюдать за окапи. Вряд ли во всем мире в неволе содержится более дюжины этих животных. Сомневаюсь также, что есть другая женщина на земле, которая удобряет свой огород навозом окапи.

Наш зверинец стал довольно значительным по размерам. В нем были две редкие лесные антилопы, два ручных шимпанзе и две другие обезьяны, дикая рыжая свинья, ручной аист и две мангусты, которые уничтожают змей.

Очень хорошо, что Пат увлекался своим зверинцем. Не думаю, чтобы он смог выдержать напряженную и однообразную работу в госпитале, если бы не развлекался возней с животными. Казалось, он никогда не уставал ухаживать за ними, и постоянно просил пигмеев доставлять ему все новые редкие экземпляры. Однажды Пат приобрел годовалого шимпанзе и отдал его мне на воспитание. Обезьяну называли Каталиной. Я измучи-

лась, приучая ее к порядку. Зато когда она запомнила, где находится ее ящик с песком, и поняла, для чего он существует, она стала чудесным зверьком. Как все представительницы женского пола, Каталина была равнодушна к вещам с ароматным запахом. Если я куда-нибудь надолго отлучалась, то, возвращаясь, находила свою пудру рассыпанной по всей спальне, а зубную пасту выдавленной и размазанной по туалетному столику, зеркалу и кровати. Иногда обезьяна спала в клетке, но чаще — на балке над кроватью. Очевидно, место это привлекало ее тем, что здесь, под лиственным покровом, скапливался теплый воздух от очага. Она немилосердно дразнила «Мадемуазель» до тех пор, пока однажды собака, притворившись спящей, не поймала обезьяну и не изгрызла ей ухо. С тех пор Каталина оставила собаку в покое. Каталина любила ткани, особенно яркой окраски. Любым куском материи, старым или новым, она могла играть часами. Она подолгу сидела, поглаживая какое-нибудь поношенное, выброшенное мной платье или обертывая вокруг головы и шеи кусок старого материала, словно клиент у фотографа перед зеркалом. Когда что-нибудь исчезало, я прежде всего шла к ее клетке и в девяти случаях из десяти находила вещь на дне клетки под спящей обезьяной.

Когда Уильяму Д. было около трех месяцев, Пат занялся осуществлением проекта постройки плотины на речке, которая впадала в Эпулу выше лагеря. В это лето ему помогали двое молодых мужчин — Колин Тэрнбал, шотландец, и Ньютон Бил, американец, которые путешествовали по Африке на мотоциклах. Их, как и Пата двадцать лет назад, очаровала местность, где был расположен лагерь, и они задержались у нас. Колин умел чинить различные механизмы. Когда зашла речь о строительстве дамбы, он вызвался выполнить большую часть работы по установке механизмов.

Как-то утром, покормив мальчика и уложив его спать, я попросила двух слуг из гостиницы присмотреть за ним, а сама решила пойти на строительство. Когда я выходила из дому, ко мне обратились две негритянские девочки с просьбой дать им возможность заработать один-два франка. Я поручила им навозить и отполиро-

вать мебель на веранде, где мы обедали. Затем я отправилась к дамбе. Примерно час спустя прибежали эти две девочки и шепотом сообщили мне:

— Каталина схватила ребенка.

У меня душа ушла в пятки, а сердце чуть не выпрыгнуло из груди. Опрометью бросилась я к дому. Вбежав в спальню, я увидела, что шимпанзе держит обеими лапами маленького Уильяма, крепко прижимая его к себе. Ребенок весь посинел и едва дышал, но тем не менее не плакал. Личико его было в крови. Я выхватила Уильяма из крепких объятий обезьяны и помчалась к госпиталю. К этому времени туда подоспел с дамбы Пат, который из-за болезни не мог быстро ходить. Он очень внимательно осмотрел Уильяма, но, кроме глубоких царапин на лице, не обнаружил никаких других внешних повреждений. Он смазал царапины йодом, но даже после этого ребенок не заплакал.

— Не знаю, есть ли у него какие-нибудь внутренние повреждения,— сказал Пат.— Все, что ты можешь сделать, это отнести его домой и попробовать напоить теплым молоком.

Как только бутылка согрелась, я дала Уильяму соску, и он выпил немного молока. Затем заснул крепким сном. Весь день и всю ночь я провела возле детской кровати, моля провидение, чтобы у ребенка не оказалось никаких повреждений. Уильям проспал большую часть ночи, ни разу не проявив никаких признаков беспокойства.

Выяснить подробности случившегося я смогла лишь утром. Работники рассказали мне, что Каталина, сорвавшись с цепи, принялась исследовать дом. Увидев одеяла и простынки, в которые я обычно заворачивала ребенка, она схватила их, а вместе с ними и ребенка. Как раз в этот момент одна из девочек, работавших на крыльце, увидела ребенка в руках у шимпанзе и пронзительно закричала. Это либо вывело из себя, либо напугало обезьяну, и она оцарапала мальчика. Сбежались слуги, но они не решались что-либо предпринять, опасаясь еще более ухудшить положение ребенка. Как раз в это время прибежала я.

У маленького Уильяма все еще были на лице два следа от царапин, когда он и Каталина стали лучшими друзьями. Обезьяна полюбила маленького мальчика. Она вертелась около Уильяма, готовая в любой момент защитить его, и с любопытством наблюдала, как я кормлю его и купаю. При всей своей преданности она не смогла, однако, защитить ребенка от врага, который подстерег его, когда ему было около года,— от полиомиелита.

Как обычно, болезнь пришла неожиданно. Два месяца назад, как раз в то время, когда мальчик научился ползать, мы отправили его погостить к бабушке. Она, должно быть, заснула, и маленький Уильям, оставшись без присмотра, упал спиной в костер и обжегся. Однако ожог был небольшой и быстро прошел. Я не вспомнила бы об этом несчастном случае, если бы Уильям не заболел полиомиелитом. Однажды утром Уильям, едва проснувшись, начал капризничать. Обычно с утра до вечера он был полон радости и веселья. В этот день, без сомнения, ребенок был нездоров. К концу дня мне показалось, что у него отнялась левая нога. «Неужели ожог повредил мускул?» — удивилась я. К ночи стало ясно, что у мальчика полиомиелит. Установил это Пат. Диагноз подтвердил его помощник по госпиталю, который работал во время вспышки этой болезни в Браззавилле несколько лет назад. Он рекомендовал нам давать Уильяму атабрин.

— От него не станет лучше,— сказал он при этом.— Он никогда не помогает.

— Тогда зачем же давать его ребенку? — воскликнула я.

— Мадами,— ответил ассистент,— должны же вы хоть что-нибудь давать ему.

На следующее утро я заявила, что намерена отправиться с попутной машиной в Ируму. Там был хороший врач, и я хотела сделать все возможное, чтобы спасти ребенка. Пат возразил, назвав это напрасной тратой сил. Он предупредил также о том, что поездка может неблагоприятно сказаться на течении болезни. Он был уверен, что паралич далее не распространится и едва ли будут другие осложнения.

— Его мать умерла,— горячилась я,— и никто не может позаботиться о нем, кроме меня. Я хочу отправиться с ним в Ируму на попутной машине.

Наш старый «шеви» был как раз «не в настроении», и иного выхода я не видела. Я решила взять с собой также бабушку Уильяма и одного пигмея, который вместе с ней пришел навестить мальчика и вызвался сопровождать нас. Мы вышли к дороге и стали ждать попутную машину. Мимо проезжали легковые машины, но все они следовали в Стэнливилль. Вдруг мимо быстро пролетел большой щеголеватый автомобиль, такой блестящий и новый, что я замешкалась и плохо просигналила, однако все-таки успела что-то крикнуть. Водитель заметил мою жестикуляцию, нажал на тормоз и остановился. Чудо из чудес — он оказался врачом из Костерманвиля. Тут же, на дороге, он осмотрел маленького Уильяма, которого я держала на коленях.

— Совершенно уверен, что это полиомиелит,— сказал доктор.— Требуется одно: уложить его в постель и соблюдать полный покой. Когда ему станет лучше, можете массировать мускулы ноги. Не думаю, чтобы были дальнейшие осложнения.

Я отнесла ребенка домой и уложила в постель. Малыш, казалось, не испытывал никакой боли, и у него был хороший аппетит. Доктор Ле Гранд из Ируму остановился у нас спустя неделю после начала болезни. Он внимательно осмотрел мальчика.

— Ему повезло,— сказал Ле Гранд,— он может двигать пальцами. Это говорит о том, что мускулы повреждены незначительно. Думаю, что это пройдет и в ближайшее время он будет ходить, как ни в чем не бывало.

Как только доктор Ле Гранд уехал, из пигмейской деревни пришел Херафу и принес свою трехлетнюю внучку. Ее настоящее имя произносилось трудно, и мы звали девочку просто Элизабет. Она тоже заболела полиомиелитом. У нее были поражены обе ножки и уже имелись явные признаки отмирания мышц. Выяснилось, что она заболела на несколько недель раньше нашего Уильяма, однако об этом никто не сообщил ни Пату, ни мне. Мы лечили обоих детей горячими ваннами и массажем. Уильям поправлялся очень быстро, но с Эли-

и бьет дело обстояло хуже. Одна нога ее была сильно парализована, и девочка почти не могла ею двигать.

Эмиль, старший слуга из гостиницы, убеждал нас испытать старое народное средство против полиомиелита. Он рассказал, что у людей племени мубуду (одного из племен, у которых существовал обычай бинтовать головы своих детей, отчего череп их деформировался и принимал цилиндрическую форму) применяется успешный метод лечения этой болезни. Он состоит в том, что больного по пояс опускают в специально вырытую яму. Затем яму засыпают и утрамбовывают землю вокруг больного. Несмотря на сильнейшую усталость, человек, являющийся жертвой этого метода, должен простоять в таком положении четыре часа. По истечении этого времени его отрывают и купают в такой горячей воде, какую он только сможет вытерпеть. Эта процедура повторяется несколько раз в день в течение целой недели. По словам Эмиля, как бы долго ни болел человек, он обычно после таких процедур начинал ходить. Как раз в это время с огорода пришел Агеронга. Он был из племени мубуду и считался порядочнейшим человеком в наших краях. Я спросила его об этом народном методе лечения.

— Многие люди моего народа говорят, что такое лечение творит чудеса,— сказал Агеронга.— Сам я ничего не знаю именно об этой болезни. Но, когда я был подростком, еще до того, как прошел обряд обрезания, и упал с дерева и ушиб спину и руку. В нашей деревне жил знахарь по имени Нуденда. Он вырыл длинную плоскую яму, положил меня в нее и завалил землей, смешанной с листьями. На поверхности у меня остались лишь шея и голова. Затем на земле, насыпанной на мое тело, он разжег небольшой костер из прутьев и сухих листьев и поддерживал его в течение четырех часов. Затем меня отрыли и стали прикладывать к телу горячие листья и лить горячую воду. Так продолжалось несколько дней. Наконец на пятый день острым наконечником от стрелы мне сделали обрезание, а раненое место протерли настоем из трав. Меня еще пять дней лечили прикладыванием горячих листьев, затем Нуденда

приказал мне встать и идти, я пошел. С тех пор меня ничто не беспокоит.

С тем же вопросом я обратилась и к сыну Андре-первого — Андре-второму, происходившему из племени бабира.

— Лишь около половины людей выздоравливает после такого лечения,— сказал он мне.— Если богу будет угодно, человек выздоровеет.

Андре-второй был воспитан миссионерами и поэтому не был уверен, выздоравливают ли больные от лечения в яме или по божьей воле.

Херафу тихо сидел на табуретке, в то время как негры обменивались мнениями насчет болезни, которой страдала его внучка, и старых знахарских средств лечения.

— Ты хочешь испытать это средство на Элизабет? — спросила я его.

Он немного помолчал.

— Я живу на другой стороне реки,— ответил он наконец.— Вы должны спросить об этом бабушку, а не меня.

Так я впервые узнала, что Херафу и его жена перестали жить вместе.

— Прoshлый раз на рынке я видела тебя с другой женщиной,— сказала я.

— В реке, Мадами, всегда есть другая рыба,— ответил Херафу,— надо только знать, какую приманку насадить на крючок.

Элизабет не стали лечить старым методом. Возможно, ее бабушка была против. Если бы маленький Уильям не стал так быстро поправляться, я бы непременно прибегла к народному средству. Представляю, как были бы шокированы этим некоторые из моих нью-йоркских друзей.

Когда Уильям начал ходить, я срезала палочку, чтобы ему было легче вставать, опираясь на нее. Через несколько недель он выбросил ее за ненадобностью. За исключением едва заметной хромоты левой ноги, ничто не говорило о перенесенной им ужасной болезни. Со временем выздоровела и Элизабет, однако одна нога у бедняжки страшно высохла.

Глава двенадцатая

Вскоре моя голова пошла кругом от наплыва к нам ученых. Все, что происходило в течение недели в гостинице, напоминало сессию академии наук. Первым приехал Отис Бартон, который опускался в глубины океана вместе с Уильямом Бибом, а затем один совершил свое первое одиночное погружение. К счастью, на этот раз он не захватил с собой батисферы*. Он хотел заняться у нас фотографированием маленьких, живущих на деревьях животных в естественных условиях. Для этого Бартон придумал хитроумное приспособление, состоящее из небольшого крючка, который он забрасывал на высокое дерево, шкива и веревок, при помощи которых поднимал туда фотоаппарат. Ему невероятно повезло в первый же день. На огромном дереве, которое росло на берегу реки против гостиницы, один негр выследил лемура. Это любопытнейшее животное. Лемур относится к семейству полуобезьян, но имеет все привычки ленивца. Когда он движется со скоростью не более сантиметра в минуту, то и это является уже нарушением всех его правил. Иногда он не шевелится часами. Глаза у него, как у сильно напуганного котенка; лазая по деревьям, он ползет с нижней стороны ветвей. Лемур может сильно сжиматься, при этом позвонки проступают у него на спине, словно зубья круглой пилы.

Бартон забросил крюк на сук, где дремал лемур, и поднял аппарат, чтобы сфотографировать это забавное существо. Когда щелкнул затвор аппарата, лемур проснулся и стал пятиться по ветке, нависшей над рекой. Создавая свое приспособление, Бартон не учел возмож-

* Б а т и с ф е р а — прибор для глубоководных исследований морей.

ность подобного маневра. Шкивы, прикрепленные к аппарату, запутались за ветви, и ученый полез на дерево, чтобы распутать их.

— К черту их! — крикнул он, сбрасывая шкивы и проволоку на землю. — Я сам полез за животным.

— Эта ветка слишком мала для вас обоих! — закричала я.

Бартон махнул рукой и полез вслед за лемуром, держа в одной руке аппарат. Вначале все шло хорошо, но затем ветка стала сильно гнуться.

— Слезайте! — закричала я. — Ветка сейчас обломится.

Бартон снова махнул рукой и пополз далее за маленьким лемуром, который был, вероятно, ужасно напуган. Ученый проявлял большое самообладание. Крепко уцепившись ногами за ветку, он освободил руки для фотографирования. Лемур оказался в безвыходном положении: он должен был висеть без движения на самом конце ветки, так как иначе мог свалиться вниз. Мы слышали, как щелкнул затвор аппарата. Вдруг Бартон потерял равновесие, судорожно ухватился за ветку и повис, однако сумел подтянуться и занять более безопасное положение. Эти резкие движения раскачали ветку, и лемур свалился вниз. Рыча и кувыркаясь, как кот, он с шумом шлепнулся в реку. Бартон спустился с дерева, всклокоченный и раздосадованный.

— Надо же было этому произойти как раз тогда, когда я заставил его забраться в нужное мне место, — жаловался он.

В то время как Бартон, словно Тарзан, лазил по деревьям, приехал другой ученый и энтузиаст кинокамеры — Пьер Вергер, который хотел снять фильм о работе Пата в госпитале. Вслед за ним прибыл Борис Аде, швейцарский антрополог, намеревавшийся изучать различные племена пигмеев.

Я чувствовала себя, словно рыба, вытащенная из воды. В обществе этих высокообразованных людей мои познания казались мне ничего не стоящими. Но я была единственной женщиной, и они были счастливы, что таковая имелась. Этих замечательных ученых иногда ставили в тупик небольшие препятствия, которые женщина

преодолевают не замечая. Прежде всего я дала распоряжение повару Андре-первому приготовить отличный обед из мяса антилопы, клубней маниоки, ямса, бельгийского салата и папайи*. Пока мужчины ели, я послала пигмеев в лес с заданием разыскать другого лемура и собрать несколько пигмеев, мужчин и женщин, для антропологических исследований доктора Аде. Херафу нашел лемура, поймал его, завернул в сетку и пришел с ним на веранду, словно молочник, доставляющий молоко. Глаза Бартона расширились от удивления.

— Можете вы гарантировать доставку других животных? — спросил он.

— Пигмеи всемогущи, — ответила я смеясь, — но, пожалуйста, не требуйте буйвола или лесного леопарда.

До трех часов Аде был занят антропологическими измерениями пигмеев, заносая данные мелким почерком в таблицу. Вергер вызвал Пата на дискуссию об африканской фауне, что делать было небезопасно. Прежде чем Вергер убедился в последнем, Пат успел препарировать на столе в гостиной землеройку, а кинооператор, испытывая легкий приступ тошноты, был вынужден снимать все это на пленку. Херафу по просьбе Бартона вскарабкался на дерево и выпустил лемура на другую ветку. Она была гораздо толще и, к счастью, расположена значительно ниже. Ученый повесил камеру на шею и подтянулся на руках к тому месту, где находился лемур, сердито жмурившийся от солнечного света. Бартон быстро заснял два кадра, а затем маленькое животное стало пятиться по ветке точно так же, как это делал его сородич несколько часов назад. Возбужденный охотой, добряк Бартон последовал за ним, манипулируя различными светофильтрами и объективами, которые он вытаскивал из своих карманов, как дед-мороз подарки из мешка. Вдруг ученый остановился. Я видела, как он начал что-то смахивать рукой. Затем он стал крутиться и извиваться. Светофильтр выпал у него из рук и скользнул в стремительные воды Эпулу.

— Боже! — завопил Бартон. — Они съедят меня.

* Па п а й я — плодвое тропическое дерево, называемое также дынным.

Он, словно заводная обезьянка на палочке, колотил себя руками и старался добраться до ствола дерева. Вопли его привлекли внимание Вергера, который выскочил из дома и, «прицелившись» в несчастного ученого, начал вести съемку с головокружительной скоростью. Оставшиеся до земли два с половиной метра Бартон преодолел, ругаясь, как извозчик. Когда он спустился, мы увидели, что по нему ползали десятки черных муравьев, и он плясал, как сумасшедший, стараясь стряхнуть их.

К тому моменту, когда он извлек из своей одежды последнее насекомое, лемур, про которого забыли в этой суматохе, перебрался на другую ветку и исчез. Пигмеи катались по земле от смеха, Аде пытался сдерживаться, но Вергер хохотал, словно мальчишка.

Я кивнула Херафу, и мы отошли к берегу реки.

— Ведь ты знал, когда выпустил лемура на дерево, что наверху есть древесные муравьи? — спросила я.

— Конечно, Мадами, — ответил Херафу. — Меня самого они укусили несколько раз.

— Ты считаешь, что хорошо сделал, не сказав об этом доктору Бартону?

Мой вопрос совершенно не смутил пигмея.

— Приезжий пожелал снимать животное в его доме, на дереве, — отвечал он. — А где живут лемуры, там также есть и муравьи. Разве я могу изменить образ жизни лемура?

Я посмотрела вслед удалявшемуся маленькому бородатому философу, непоколебимому в своей уверенности. Все, что я могла сделать, это постараться удержаться от взрыва хохота.

Несколько часов между доктором Бартоном и Вергером сохранялись натянутые отношения. Бартон затемнил кухню гостиницы и занялся проявлением своей пленки. Негативы так понравились ему, что он забыл о своей неприязни к Вергеру. Часом позже в кухне закрылся Вергер и стал проявлять свои менее научные кадры. Когда он появлялся на несколько минут, то посмеивался и довольно потирал руки. Из этого я заключила, что он вознагражден не менее щедро.

Ближе к вечеру в гостиницу прибыли три немца,

которые путешествовали по Африке на джипе. Один из них, огромный и толстый, как баллон, был в белой рубашке, небесно-голубых коротких штанах и высоких шерстяных чулках. Второй напоминал ходячее пугало. Третий — красивый молодой белокурый «викинг» — говорил, как оксфордский студент. Они заявили, что путешествуют по Африке, оплачивая питание, ночлег и бензин показом фильмов. Полагаю, Пат был прав, считая меня простофилей. Я согласилась предоставить им ночлег и питание при условии, что они организуют сеанс для гостей. После обеда я пригласила посмотреть фильм обитателей гостиницы с женами, а также двадцать или тридцать пигмеев. Немцы наладили экран, установили проектор, протянули к генератору провода и включили рубильник. Однако аппаратура не работала. Герр «Баллон» начал возиться с проектором, а «Пугало» побежал проверять провода с видом гробовщика, который во время похорон положил покойника не туда, куда полагается. Белокурый «викинг» попробовал произнести шутливую речь, затем отказался от этого и стал заводить пластинки на батарейном проигрывателе. Здесь были и старые вальсы Штрауса и мрачные отрывки из опер Вагнера, однако публика сохраняла спокойствие до тех пор, пока герр «Баллон» не починил проектор.

Не знаю, где они откопали такие необычные фильмы. В одном из них рассказывалось о гребном спорте на Рейне, но герр «Баллон» крутил ручку кинопроектора так быстро, что весла на экране мелькали словно лопасти электрического вентилятора, а замки на заднем фоне пролетали со скоростью экспресса. В другом фильме фигурировали леди в длинных перчатках и вуалях, а также мужчины в защитных очках и полотняных пыльниках, ведущие старинные туристские автомобили по петляющим дорогам в Тирольских Альпах. Фильмы взбудоражили пигмеев. Они приплясывали и весело вскрикивали. Неграм, которые могут часами сидеть на обочине дороги, следя за проезжающими грузовиками, кадры эти также доставили явное удовольствие. Однако фильмы показались им слишком короткими. В качестве последнего номера программы немцы показали романтический фильм о любви молодого гусара и

девушки-служанки из лесной гостиницы. Кинокартина была немая, а титры — на немецком языке.

Негры и пигмеи забеспокоились. Надеясь поправить дело, герр «Баллон» быстренько укоротил фильм, поставив вслед за первой частью последнюю, что сделало фильм абсолютно непонятным. Краем глаза я заметила какое-то движение в затемненной комнате и решила, что «Пугало» проверяет свои провода. Но когда пышно разодетый кавалерист и хорошенькая служанка освободились из заключительных объятий и были зажжены фонари, в комнате не оказалось ни одного пигмея. Это не означало, что они были невежливы или проявили неблагодарность. Просто рассказ о такой любви страшно разочаровал их. Если кто-либо попытался бы заснять фильм о любви у пигмеев, то воспламенилась бы пленка, а камера расплавилась.

Перед тем как лечь спать, я спустилась к реке, чтобы привести в порядок свои мысли. В голове мелькали обрывки событий этого беспокойного дня. Услышав шаги, я обернулась и увидела подходящего Вергера.

— Мадам Патнем,— сказал он, и на его галльском лице появилась легкая улыбка,— место вашего пребывания бесподобно.

Я не могла не согласиться с его оценкой. Она слишком походила на мою собственную. Взошла луна, и широкая яркая полоса Эпулу засверкала, как расплавленный металл. Ниже по течению реки, со стороны порогов, доносились всплески и фыркание. Я повернулась, чтобы пожелать доброй ночи кинооператору.

— Недостает только крокодилов в палисаднике,— рассмеялась я.

Возвращаясь домой, я и не думала, как близко от нас находились крокодилы.

Абдул Азизи был добродушным трудолюбивым арабизированным негром огромного роста. Регулярно, пять раз в день он поворачивался лицом к Мекке и шептал молитвы. Он был страстным рыболовом и мог отправиться удить рыбу даже натошак. Жена понимала его. Абдул был хороший хозяин, с ним легко жилось. В праздничные дни Абдул дарил жене куски манчестерской ткани, новую кухонную посуду и множество запя-

стей. Она ничего не имела против его пристрастия и никогда не возражала, когда он срезал удилице, привязывал к нему леску с крючком и шел к реке ловить рыбу.

Однажды, закончив работу в гостинице, Абдул собрал свои снасти и отправился к реке поудить на отмели ниже стремнины. Он нашел дерево, толстые корни которого свисали над рекой. Насадив гусеницу на крючок, он закинул удочку и, пока приманка покачивалась на воде, спокойно развалился на корнях. Часам к пяти теплые солнечные лучи заглянули под кроны деревьев и шум воды на порогах стал убаюкивать. В кустах жужжали пчелы, а ниже по течению, на длинной песчаной отмели, перекликались аисты. Абдул не выдержал и крепко заснул. Сон его был прерван сильнейшей болью в левой ноге. Открыв глаза, он с ужасом увидел, что его схватил за ногу огромный крокодил. Абдул вцепился в торчащий над головой сук со всей силой, которую ему придало отчаяние. Он пронзительно кричал, моля о помощи. Зубы крокодила рвали мясо ноги. Чувствуя, что крокодил неумолимо тянет его в воду, Абдул взывал к Аллаху. Наконец пальцы у него ослабели, и он выпустил ветку. Не видя другого выхода из этого отчаянного положения, бедный парень нагнулся, нащупав голову крокодила и со всей силой надавил большими пальцами на огромные выпуклые глаза животного. Крокодил, извиваясь от боли, открыл пасть, чтобы зареветь, и Абдул освободил ногу. Обливаясь кровью, он с трудом выбрался на берег, подальше от барахтавшегося ослепленного крокодила, и пополз к лагерю. На стоны его выбежал Абазинга и отнес пострадавшего в госпиталь. Через несколько минут он был на операционном столе. Пат обильно посыпал его рану стрептоцидовым порошком, затем наложил тридцать семь швов, чтобы стянуть рваные края раны. Абдул обладал крепким здоровьем. Через несколько недель он поправился и ходил, как будто с ним ничего не случилось.

Я узнала об этом ужасном случае последняя, и мне сразу вспомнился разговор с Вергером и мои слова о крокодилах в палисаднике.

Глава тринадцатая

Пигмеи большей частью охотно встречали посещавших их европейцев. Они надеялись получить по нескольку франков за танцы или сооружение «типичной» хижины из листьев. Только в этом главным образом и состояло их знакомство с цивилизацией. Несколько лет назад пигмеев, возможно, удовлетворили бы несколько стеклянных бусинок, но теперь они уже хорошо знали силу денег.

Однажды в гостиницу приехала супружеская чета из Австралии. Я забыла их имена, помню только, что он нажил свое состояние разводя овец, а она, ранее старая дева, была его второй женой. Не успели они приехать в лагерь, как леди уже торопилась дальше.

— Мы приехали сюда, чтобы посмотреть на пигмеев,— объяснила она.— Говорят, что они живут недалеко отсюда.

— Да, в двух километрах от нас есть одна деревня,— отвечала я.

— О, так близко? — воскликнула она.

Я кивнула головой, подтверждая сказанное, а она, казалось, готова была расплакаться.

— Несколько лет назад я читала книгу, написанную Делией Экли,— сказала она,— и помню главу о пигмеех. Она пишет, что они живут глубоко в джунглях, где нет других людей.

Я была знакома с этой книгой. Первая жена знаменитого исследователя и фотографа Карла Экли писала об Африке начала двадцатых годов, когда над центральной частью континента еще не летали самолеты, а в Конго не было построено ни одной дороги.

— Двадцать два года я мечтала совершить путеше-

стие в джунгли, чтобы увидеть этих людей в естественных условиях,— сказала леди, приехавшая из Австралии.

Пат объяснил, что с тех пор, как миссис Экли написала свою книгу, множество других людей приезжало в Африку, чтобы узнать кое-что о пигмеях, но не многие смогли познакомиться с ними как следует. В настоящее время, говорил он, пигмеи даже в удаленных деревнях затронуты, правда слегка, влиянием современной цивилизации.

— Пигмей,— продолжал Пат,— все еще живет так, как жили его предки тысячу лет назад. Однако он видит время от времени пролетающие над головой самолеты, наблюдает на больших дорогах за автомобилями и знает о деньгах и современной медицине.

В тот вечер пришли пигмеи. Они показали свои танцы, соорудили несколько маленьких пигмейских хижин. Горю леди не было предела, это было для нее жесточайшим разочарованием. Я отметила, что танцы подлинны, а дома строятся так же, как их строили многие поколения.

— Я думала, что мне придется на много километров углубиться в джунгли, чтобы увидеть деревню пигмеев,— жаловалась гостья.

— Но вы уже сейчас находитесь в самой глубине джунглей,— отвечала я, испытывая легкую обиду.— Правда, там, где кончается дорога, ведущая к нам, было проложено шоссе, но это не изменило джунглей. В полукилометре в сторону от дороги лес по-прежнему такой же, каким он был, когда через него пробирался Стэнли. Вас может загрызть леопард, забодать буйвол, вы можете умереть от укуса ядовитой змеи. У нас — цивилизация, а в десяти минутах ходьбы отсюда — уже девственная Африка, полная опасностей и неожиданностей.

По-видимому, она не поверила мне. Всю неделю, сидя днем на веранде, а вечером — возле очага, она нанизывала на нитки маленькие цветные стеклянные шарики, которые хранила в различных бутылках.

— Надеюсь, пигмеи оценят мою заботу о них,— вздыхала она.— Миссис Экли писала, что они любят бусы более всего на свете.

Следующую неделю она посвятила тому же занятию. После этого у меня состоялся разговор с Патом. Чета из Австралии ушла спать, и мы сидели на крыльце одни.

— Почему бы нам не организовать для них экскурсию? — спросила я. — Ей хочется совершить длительное путешествие в глубь джунглей, ее не устраивает что-либо менее экзотическое. Хотя нам с тобой хорошо известно, что по приказу администрации большинство туземных поселений расположено ближе к дорогам и что вокруг нас живет больше пигмеев, чем за сотню километров отсюда.

Пат выделил несколько человек в качестве носильщиков, назначив Алили старшим. Леди и ее муж занялись своим снаряжением. Они свели его до минимума, упаковав в несколько тюков, которые должны были нести носильщики.

Утром, едва солнце пробилось сквозь тучи, отряд отправился в джунгли. Это было забавнейшее путешествие из всех, какие я только знала. Леди была счастливее, чем ребенок в рождественское утро. Она собиралась найти пигмеев, не затронутых цивилизацией.

Путешествие продолжалось неделю. Они вернулись поздно вечером во время сильного ливня. Муж и жена, как сказали бы англичане, получили то, чего желали. Они промокли насквозь. Едва ли можно было найти на их лицах и руках крохотный кусочек кожи, где бы не было ссадин или следов укусов насекомых. Все мышцы у них невыносимо болели. Но они были счастливы. Женщина просто сияла.

— Только подумайте, — радовалась она, — я проникла туда, где до меня была лишь Делия Экли. Я обнаружила пигмеев, не испорченных, не затронутых цивилизацией, живущих в глубине джунглей Африки.

Я не стала ей говорить, что они ни разу не отдалялись от гостиницы более чем на тридцать километров. Трудно было ее убедить в том, что если бы исполнилось ее желание и она углубилась километров на сто пятьдесят в лес, то там она не встретила бы, возможно, ни одного пигмея.

Леди была немного недовольна лишь тем, что пигмеи

охотятся и убивают животных и, должно быть, очень кровожадны. Подобное мнение просто взбесило меня. В Африке нет места вегетарианцам, во всяком случае ни в одной ее части я не видела их. Это страна для смелых и для людей с крепкими желудками. Жизнь здесь тяжела, опасна, а иногда просто ужасна. Пигмеи убивают, чтобы есть. Они делают это не ради забавы, не ради охотничьих трофеев, которые можно повесить дома над камином. Когда им удастся поймать какое-либо животное, они убивают добычу быстро и аккуратно. В этом нет ничего похожего на жестокость. Они охотятся потому, что желудки их пусты или будут пусты через несколько часов. В Конго нет благотворительных организаций. Я принимаю пигмеев такими, каковы они есть. Они — настоящие, искренние и добрые люди. Некоторые белые твердят о преимуществах цивилизации и хотят навязать ее пигмеям. Прожив среди пигмеев несколько лет, я убедилась, что они овладели искусством, секрет которого заключается в умении жить дружно и счастливо.

Спустя некоторое время после отъезда австралийской четы началась небольшая эпидемия гриппа, которую Пат старался ликвидировать. Африканцы очень восприимчивы к болезни. В Америке и Европе вспышки гриппа совпадают с ненастной, холодной погодой. На Итури, где температура не опускается ниже тридцати градусов по Цельсию, тоже случаются эпидемии. Я помогала Пату в лаборатории: выдавала прописанные лекарства, измеряла температуру и вела записи. К вечеру, смертельно уставшая, я отправилась домой без фонаря, рассчитывая дойти до дому засветло. Обычно во время ходьбы я гляжу себе под ноги. Это основное правило при движении в джунглях. Но на этот раз я шла по тропинке, не обращая внимания, куда ставлю ноги. Недалеко от гостиницы я наступила на какую-то палку. Конец ее подскочил и ударил меня в лодыжку. Уже подходя к дому, я вдруг подумала, почему эта палка, сломавшись, так сильно ударила меня выше ботинка. И тут внезапно осознала, что произошло. Это была не палка. Я вбежала в дом, схватила фонарь и бросилась назад по той же самой тропинке, внимательно осматри-

вая ее. Я добежала до того места, где ушибла ногу. Там лежала «сломанная палка» — отвратительная на вид гадюка, которая даже не потрудилась уползти. Я закричала от страха и, спотыкаясь, бросилась бегом к госпиталю. Пат услышал мои пронзительные крики и встретил меня возле двери.

— Сделай что-нибудь, — умоляла я, — меня ужалила гадюка.

Гадюки — чрезвычайно ядовитые змеи. Без быстрого медицинского вмешательства люди часто умирают от их яда через несколько часов после укуса. Все это тотчас же пришло мне в голову, так как моя лодыжка стала пухнуть и ныть. Боль была такая, словно я обварилась или меня ужалил рассерженный шершень. Пат и его помощник спешно искали сыворотку против змеиных укусов. Но она исчезла. Они перевернули всю лабораторию сверху донизу — все было напрасно.

— Боже праведный! — кричала я. — Имеется все для лечения редких болезней и ничем лечить обычные. Неужели мне суждено умереть от змеиного укуса, когда все знают, что Конго переполнено змеями, укус которых смертелен.

— Успокойся, — уговаривал меня Пат, — волноваться сейчас вредно. При усиленной работе сердца яд быстрее распространится по организму.

На икру, немного выше двух маленьких дырочек, которые остались на коже от ядовитых зубов гадюки, Пат наложил жгут. При помощи карандаша стал стягивать этот жгут. Он закручивал его до тех пор, пока не приостановил в этом месте движение крови. Затем он потянулся за скальпелем, и я отвернулась, чтобы не видеть, как он сделает надрез возле укусов. Но было почти совсем не больно. Кровообращение было приостановлено, и я ничего не чувствовала ниже жгута. Пат приложил губы к кровоточащей ранке и стал высасывать кровь и змеиный яд, через каждые несколько секунд сплевывая на землю. Через минуту он попросил одного из своих помощников сменить его. Они сменялись шесть или семь раз, чтобы никто не мог отравиться. Это продолжалось в течение двадцати минут. Затем Пат снял жгут, после чего резко возрос приток крови к ло-

дыжке. Боль была такая, точно я наступила на кактус, но она утихла, когда Пат наложил поверх раны влажную повязку. Меня отнесли домой и положили на кровать. Пат дал мне снотворное, и я заснула. Проснулась я с тупой головной болью.

Пат был уверен, что опасность миновала, однако вышел, чтобы подготовить «шеви» к поездке в Ируму, ближайший город, где находился большой госпиталь. В тот момент, когда заработал мотор «шеви», в лагерь въехала легковая машина. За рулем сидел молодой доктор, который работал на золотых рудниках близ Руанды. Он осмотрел мою ногу, смерил температуру и выслушал сердце.

— Нет никакой необходимости ехать в Ируму,— сказал он.— Через неделю вы будете чувствовать себя отлично. Ваш муж, не имея противозмеиной сыворотки, применил совершенно верный метод лечения.

После этого я могла терпеливо ждать конца недели.

Глава четырнадцатая

Когда я поправилась настолько, что могла передвигаться без посторонней помощи, я завершила свое лечение прогулкой в деревню пигмеев. Придя туда, я тотчас же заметила, что за период, прошедший со времени моего последнего визита, многие пигмеи приделали двери к своим хижинам. Они были сооружены всего из нескольких листьев, прикрепленных к палкам, однако не оставалось никакого сомнения относительно их назначения. Я заговорила о них с Сейлом. В глазах у него появились искорки, он широко заулыбался, сверкая зубами.

— Мадами сама ввела это новшество,— сказал он.— Ни один пигмейский дом не имел дверей, когда вы впервые приехали к нам, а теперь каждая женщина требует, чтобы у нее была точно такая же дверь, как у вас.

Сейл отметил, что без этого новшества было лучше. Когда какая-нибудь женщина встречалась не с мужем, а с другим мужчиной, то без двери было гораздо легче проникать в хижину. Сейл добавил, что в подобных случаях ни у кого не возникало никаких возражений до тех пор, пока оскорбленная жена или муж не узнавали об этом. Тогда разражалась «гроза».

Такое положение показалось мне столь странным, что в тот же вечер я завела разговор на эту тему с Софиной, женой Фейзи.

— У каждого народа свои обычаи,— объяснила она.— Так у пигмеев девственность не является мерилom при определении достоинства какой-либо женщины как будущей жены. Во всяком случае очень немногие женщины выходят замуж, будучи девственницами.

Ранее я уже слышала о церемонии дефлорации* — обряде, известном под названием алима, но большинство людей считало, что этот обычай прошлого исчез с приходом цивилизации и появлением городов и миссионеров. Пока я рассказывала ей это, Софина смотрела на меня так, словно я говорила ей что-то необычайно веселое.

— Через две недели мы отправляемся на берега реки Лейло за рыбой,— сказала она.— Постарайтесь быть там.

Для женщины подобное предложение, исходящее от другой женщины, звучит как военная команда. Я принялась наблюдать и, как только пигмеи начали готовиться к переселению в свой временный лагерь, собрала необходимые мне вещи и стала ждать. Однажды утром к гостинице подошел Фейзи и сообщил, что пигмеи собираются на некоторое время оставить свою деревню.

— Хорошо, я знаю,— ответила я ему.— Я тоже собираюсь пойти с вами в лагерь на берег Лейло.

На его лице появилось удивленное выражение, но только на мгновение. К тому времени он уже привык к моим неожиданным поступкам.

На следующее утро я отправилась во временный лагерь пигмеев. Эмиль и Ибрагим несли мои вещи, краски и холст. Когда мы добрались до вырубленного участка на берегу реки, пигмеи начали спешно строить свои маленькие хижины, рубить сухие деревья, которые могли быть повалены бурей, и расчищать территорию лагеря. Мои носильщики быстро соорудили мне хижину, аккуратно сложили вещи и ушли назад в гостиницу. Я осталась одна с пигмеями глубоко в лесу, далеко от дороги и влияния всего того, что мы называем цивилизацией.

В течение первого дня не произошло ничего необычного. Мужчины срезали гибкие ветки, снимали с них тонкую кору и привязывали к молодым лозам лиан. На свободные концы ветвей насаживались крючки. То ли пигмеи были искусными рыболовами, то ли рыбы было много и она была глупа, но через несколько часов каж-

* Дефлорация — один из обрядов, знаменующих переход девушек в группу взрослых женщин.

дая семья уже жарила рыбу. По всему лагерю распространился запах жареной рыбы, и я невольно вспомнила о том, как однажды тоже жарила рыбу на побережье в Южной Каролине.

В полдень я заметила, что несколько пигмеев строят дом гораздо больших размеров, чем обычно. Его соорудили в отдалении, на краю расчищенного участка. Я обратила внимание на то, что в доме проделано два дверных проема. Как я поняла позднее, это была обрядовая хижина. Когда она была готова, древняя старуха Акинадамена вошла туда с видом заведующей женским клубом. Вместе с ней в дом вошли Сатилуми — дочь Андре, Кумуйу — дочь Саламини, Ипени и Амени — две племянницы Фейзи, Боло и Соми — дочери Макалили и Майума и, наконец, Фатуна — дочь Андакала. В свои годы — всем им было лет по шестнадцать — они казались уже вполне развитыми. У них были миниатюрные, но чрезвычайно пропорциональные фигуры.

Девушки оставались в доме до следующего дня. Затем они разожгли большой костер и поддерживали его до тех пор, пока не образовался значительный слой золы. Часть золы старая Акинадамена собрала в блюдо из глины, добавила туда воды и, помешивая, приготовила белую пасту. Одна за другой девушки подходили и садились перед старухой-пигмейкой, которая рисовала таинственные узоры на их лицах, груди и бедрах. Эти белые узоры, резко выделяющиеся на темном фоне кожи, делали их похожими скорее на колдуний, чем на хорошеньких маленьких девушек, ожидавших обряда посвящения. Когда туалет был закончен, все женщины и девушки отправились в лес, чтобы вооружиться лозами лиан, гибкими прутьями и палками.

С заходом солнца девушки вернулись в большую хижину. В сумерках, когда в джунглях начался обычный концерт насекомых, женщины приготовили пизанги, поджарили рыбы и накормили мужей и детей. Затем они стали есть сами, болтая на кибира, смеясь и поддразнивая находящихся внутри здания девушек репликами, смысла которых я не понимала. После окончания трапезы матери и женщины — родственницы девушек, ожидавших посвятельной церемонии алима, размести-

лись полукругом у большой хижины. Я увидела здесь Масамбу — вторую жену Фейзи, Атию — жену Андре, Ангелини — жену Сифу, Маду — жену Капиты, Асфиниду, Томасу — жену Сейла и еще пять-шесть женщин.

Мужчины сидели вокруг большого костра в центре лагеря, курили листья в длинных трубках из банановых черенков и переговаривались своими странными басистыми голосами.

Внезапно наступила темнота. Замолк хор насекомых. Когда женщины на время прекратили болтовню, я слышала далеко в тропическом лесу крики шимпанзе, однако ни одно животное не подходило близко к лагерю, где горели большие яркие костры. Вдруг женщины запели. Они продолжали сидеть перед обрядовой хижинной, положив рядом свои прутья и палки. Пели они дружно и слаженно.

Я сидела возле своей хижины, не более чем в нескольких метрах от них, и мне хотелось, чтобы некоторые мои друзья в Штатах могли слышать невыразимо прекрасное хоровое пение. Казалось, женщины вкладывали в песню всю свою душу. Слушая их, я думала, не вспоминают ли они в этот момент о том, как сами проходили церемонию алима, и не похожи ли их мысли на наши, когда мы припоминаем нашу романтическую юность. Пение продолжалось более часа.

— Девушки еще не знают песен обряда алима, — сказал Фейзи, проходя мимо за хворостом для костра. — Их должны научить старшие женщины.

Потом подошел Саламини и сообщил мне, что пройдет еще две ночи, прежде чем начнется настоящая церемония. Я заснула, прислушиваясь к разговору пигмеев, которые все еще сидели вокруг своих костров.

Следующие два дня в точности напоминали первый. Мужчины пошли ловить рыбу, дети качались на импровизированных качелях, устроенных на деревьях близ лагеря, а девушки, ожидавшие обряда алима, присутствовали на уроках пения и вновь были разрисованы Акинадаменой, но уже новыми узорами. Мне показалось, что эти узоры менялись утром, затем днем часа в четыре и еще раз — перед вечерней едой. На второй день девушки срезали лозы, очистили их от коры и хле-

стали ими по колодам до тех пор, пока они не стали гибкими, как шнуры. Затем каждая из них обернула две лозы вокруг шеи так, что одна, выходя из-под левого плеча, проходила под правой грудью, а другая — из-под правого плеча — под левой грудью. В этот вечер ни одна из девушек не ела мяса. Их старшие родственники дали им пизанги, тушеные овощи и напиток, похожий на чай. Замужние женщины и мужчины поджарили куски мяса антилопы болоки и диких рыжих свиней: они нанизали их на заостренные палочки, которые воткнули под углом в землю над маленькими кострами.

Охотник Моке и Саламини, отец одной из девушек, ожидавших обряда посвящения, приготовили мясо и, соперничая между собой в выборе лучшего куска, угостили меня.

Херафу, маленький философ, у которого не было в лагере детей и ни одного близкого родственника, ожидавшего обряда алима, сидел один и, как мне показалось, наблюдал всю эту суматоху с некоторым пренебрежением.

— Тебя, кажется, не радует обряд алима, — сказала я ему.

Он поднял глаза от дрожащего пламени костра.

— Мадами, никто не радуется приходящей старости, — сказал он. — Когда я был молодым, я прокладывал себе дорогу во многие хижины алима. Теперь у меня нет желаний. Это печалит меня.

Я отошла, оставив его одного. Поистине нет лекарства против наступающей старости!

Едва я успела добраться до своей хижины, как поднялся адский шум. Двенадцать молодых мужчин и юношей, которым дали понять, что среди девушек, находящихся в большой хижине, найдутся такие, которые не останутся равнодушными к их ласковым уговорам, оставили свои костры и направились к хижине. Женщины, стоявшие на страже, схватили прутья и лиановые лозы и преградили им путь.

Началось настоящее избиение. Я слышала вопли женщин и звонкие сильные удары хлыстов по обнаженным телам. Мужчины старались не кричать от боли, и я видела, что женщин не награждали ответными ударами.

Общая свалка распалась на ряд отдельных и ожесточенных схваток. Некоторые стражи, чувствуя, что мужчины намного сильнее их, выхватили из костров голопешки и, размахивая ими, заставили отступить нетерпеливых парней. В эту ночь ни один из них не прорвался через кордон женщин. В большой хижине происходило какое-то движение, девушки кричали и переговаривались, однако я не могла понять, рады они или разочарованы таким исходом сражения. Старшие мужчины сидели отдельно, сетуя на отсутствие храбрости у молодежи. Спать все легли рано, словно понимали, что это — предварительные действия. Главное было впереди.

Следующий день с утра был пасмурным и ничего хорошего не предвещал. Дождь лил как из ведра, мешая рыбакам ловить рыбу. Несколько женщин соорудили примитивный шатер, крытый листьями, и стряпали под крышей. Часам к трем всех охватило беспокойство. Над высокими деревьями сверкали молнии, а в отдалении непрерывно гремел гром. Наступление темноты ознаменовалось концертом, который, однако, устроили не насекомые. Легкий ветерок, еще днем покачивавший верхушки деревьев, к вечеру превратился в ураган. Он раскачивал кроны деревьев, срывал с них листья и кружил беспорядочной массой над содрогавшимися ветвями и трепетавшей на них листвой.

Внизу, на земле, буря вначале не очень давала о себе знать. Лагерь был окружен лесом, который защищал его от ветра. Но по мере того как молнии сверкали все ближе и ветер становился все стремительнее, я заметила, как под его напором начали трепетать листья, покрывавшие хижину. Дождь налетал косыми широкими полосами, которые волнами пробежали по поляне. Раскаты грома, отраженные зеленой стеной леса, проносились над маленькими хижинами пигмеев и замирали, сердито громыхая вдали. «Выдержат ли хижины усиливающийся напор ветра?» — думала я. Они качались, но было ясно, что именно эта гибкость, эта способность раскачиваться под напором ветра помогали им выдерживать его натиск. Забежал Фейзи, чтобы узнать, как я себя чувствую.

— Теперь Мадами понимает, почему мы в первый день свалили старые, ненадежные деревья,— сказал он.— Крепкие зеленые деревья устоят под напором ветра.

— Буря будет продолжаться всю ночь? — спросила я его.

— По-видимому, нет. Сила бури к ночи снижается. Через несколько часов она затихнет,— ответил он.

Мужчины сидели в своих хижинах. Даже наиболее горячие молодые парни были рады остаться под крышей. Но в действия старших женщин буря не внесла никаких изменений. Они по очереди дежурили у двери большой хижины, в то время как дождь хлестал по их обнаженным телам. Он больно и безжалостно бил их по лицам и груди, но они даже не пытались укрыться от его ярости. Мне очень хотелось знать, как оценивали эту доблесть девушки, которые находились внутри.

Фейзи был прав. Через некоторое время дождь ослабел и ветер тоже стал утихать. Буря медленно перемещалась на другую сторону Эпулу, однако это продолжалось довольно долго. Зигзаги молний все еще чертили небо, а сквозь джунгли слышались раскаты грома.

Мужчины и женщины выбрались из своих хижин. Они разожгли костры из сухих поленьев, спрятанных под крышей. Пигмеи толпились вокруг огня, согревая свои маленькие обнаженные тела его благодатным теплом.

Херафу, не обращая никакого внимания на своих компаньонов, заострил палку, воткнул ее в землю возле костра и насадил на конец ее куски мяса. Он поворачивал ее то так, то сяк, изредка слизывая с пальцев сок, капавший с кусков мяса. Какой-то пигмейский мальчик хотел собрать капли в самодельную посудину, однако, получив шлепок от старика, с плачем бросился к матери, ища у нее утешения.

Тем временем подходили все новые женщины, чтобы занять свое место возле входа в большую хижину. Двенадцать молодых мужчин, словно обеспокоенных этим, собрались в кучку, украдкой бросая застенчивые взгляды на запретную обитель молодых девственниц.

Я вынесла наружу свой стул, который мне соорудил из веток и лиан всегда внимательный Фейзи, и села пе-

ред своей хижинкой. Вновь ожили голоса, примолкнувшие во время бури. Я слышала хихиканье девушек в большой хижине и громкий говор одного из парней постарше, который, должно быть, похвалялся чем-то.

Анифа, женщина с отличным контральто, запела плавно и выразительно. Это была песнь любви и страсти. Кто-то аккомпанировал ей на барабане, тихонько ударяя по нему, чтобы не заглушить мелодию. Женщины тихо перешептывались, одна из них возбужденно смеялась.

Молодой пигмей, делая вид, что собирается подбросить дров в костер, отошел от своих приятелей, пересек небольшое пространство, отделявшее мужчин от женского кордона, и бросился к двери хижины. Томаса взмахнула прутом и зло хлестнула им по обнаженной спине парня. Сильные руки другой женщины описали широкий круг, ее лиановая лоза обвилась вокруг ног парня, и он тут же упал на землю. На помощь к нему поспешили два других парня, за ними смело двинулись другие, не выказывая никаких признаков страха перед наказанием, которое ожидало их. В один момент все смешалось, и началась свалка. Женщины пронзительно кричали и колотили парней. Я вздрагивала всякий раз, как наносился удар. Меня поражало то восторженное стремление к первой встрече с девушкой, которое могло устоять перед мучениями, выпадавшими на долю каждого из этих парней.

В разгаре шумной схватки я неожиданно услышала пение, доносившееся из большой хижины. Пели на кибира, однако надо было быть глухой, немой, слепой и очень бестолковой, чтобы не сообразить, что своим пением девушки стремились воодушевить молодых людей.

Вспышка молнии осветила поляну как раз в тот момент, когда один из юношей прорвался через заслон женщин. Он уклонился от последнего удара хлыста Томасы, пробежал мимо Анифы, все еще распевавшей страстную песнь любви, и ворвался в большую хижину. Удар грома разорвал воздух над лагерем, поглощая все человеческие голоса. Когда он стих, где-то в глубине

большого строения мне послышался слабеющий крик девушки. Вслед за тем раздался мягкий грудной голос Анифы, которая запела другой куплет.

Я взглянула на Херафу, который согнувшись сидел возле костра, держа кусок жареной антилопы. Вот он повернул палку, и, убедившись, что мясо готово, вонзил в него свои зубы, словно ненавидел его сильнее всего на свете. Другая молния озарила вырубленное пространство. При ее ярком свете лицо маленького старика было видно столь же отчетливо, как в солнечный полдень. Он отвернулся, но я успела заметить слезы, которые катились по его щекам и бороде.

Следующий день был теплым и ясным. Казалось, буря выстирала его и оставила сохнуть на солнце возле экватора. Несколько мужчин, взяв свои сети и копья, пошли в лес на охоту, словно маленькие гномы, направляющиеся в копи у Золотой реки. Женщины занялись приготовлением муки из клубней маниоки и поджариванием пизангов. После полудня из деревни пришла группа пигмеев, а с ними старая бабушка и маленький Уильям Д. Мальчик держал в руках крошечный лук, не более школьной линейки, и был очень доволен. У него имелся еще и колчан из шкуры антилопы, но он, видимо, растерял все свои стрелы. Я наблюдала за ним, пока он гулял с другими детьми. Никто не смог бы догадаться, что он болел полиомиелитом. Уильям был очень рад нашей встрече и на ужасной смеси кингвана и английского пытался рассказать мне о том, что случилось по дороге от гостиницы. Я была счастлива видеть, как он легко бежит вместе с другими детьми.

Сознавая, что единственная возможность быть счастливым для него — это вести обычную жизнь пигмея, я с сожалением вернула его бабушке. Вырастить его так, как я могла бы воспитать белого ребенка, было бы утонченным видом жестокости. Он никогда не был бы счастлив с пигмеями и, став взрослым, никогда не нашел бы счастья среди белых.

Андре остался в лагере, так как его жена была больна. Он скучал, сидя возле костра. Затем кто-то из ребятишек попросил его сделать приспособление для ловли кур. Он срезал длинную ветку, очистил ее от

листьев и к одному ее концу прикрепил лиану. На лиане он сделал петлю, которую можно было легко затянуть. Едва он соорудил эту снасть, как дети бросились с ней к краю леса, где стая кур охотилась за насекомыми. Ребятишки разместили шест и петлю неподалеку от укрытия, в котором притаились сами. Один из них бросил внутрь петли горсть толченой маниоки или риса и убежал прочь. Время от времени одна из кур заходила в петлю, чтобы склевать приманку. Дети с визгом дергали лиану, отчего петля затягивалась на куриной лапе. Андре следил лишь за тем, чтобы курам не наносилось повреждений. Удивляюсь, как могли при этом пигмеи ожидать хорошей яйценоскости от кур. В разгар веселья Софина пришла побеседовать со мной. Она знала, что я люблю пить после полудня чай и с удовольствием угощаю им проходящих ко мне женщин. Она принесла с собой собственную белую эмалированную чашку, которая была изрядно обита.

Потягивая чай, Софина громко чмокала губами. Таким образом она выражала свое удовлетворение его качеством. Поговорив с ней немного о выздоровлении Уильяма Д., шансах на успешную охоту и хорошей погоде после бури, я упомянула о церемонии алима.

— Уже все кончилось? — спросила я.

— О нет, — ответила Софина, — борьба будет продолжаться по меньшей мере неделю.

— Кто-нибудь пострадал при этом?

— Не очень сильно. До приезда господина Патнеми было по-другому.

— Расскажи, Софина, о старом времени, — попросила я.

Маленькая женщина осушила последнюю чашку чаю и уселась поудобнее в кресле из прутьев и лиан.

— Раньше, — начала она, — юноши применяли против женщин луки и стрелы. Всякий раз, когда одна из девушек становилась взрослой, следовали этому обычаю. Никто не хотел препятствовать мужчинам, но обычай племени требовал, чтобы женщины выступали против юношей и молодых мужчин. Однажды кто-то был убит во время схватки, настолько серьезной она была возле двери.

Иногда в схватке участвовали более взрослые, женатые мужчины. Если жена видела, что ее муж старается попасть в дом, где находятся девушки, она имела право получить с него за это десять стрел с железными наконечниками. На эти стрелы она могла купить много ценных вещей. Теперь все иначе. Власти не одобряют обряда алима. Не одобряют его и отцы. Вот почему эта церемония теперь стала условной.

Я взглянула на Софину. Она казалась такой спокойной и равнодушной, словно речь шла о жаренье пизангов.

— Софина, я видела, что случилось прошлой ночью,— произнесла я.— Один молодой человек прорвался в дом алима.

Женщина-пигмейка смотрела на меня, не мигая.

— О, конечно, Мадами,— согласилась она.— Но он тут же вышел через маленькую дверь на противоположной стороне дома.

Я налила ей еще чашку чаю, и мы заговорили о повседневных делах. Через некоторое время, сказав, что она должна приготовить детям ужин, Софина ушла, поблагодарив меня за гостеприимство. Я смотрела, как она пересекала поляну и как подпрыгивала ее эмалированная чашка, прикрепленная на пояском шнурке.

В эту ночь возле двери дома девушек вновь произошла схватка. Она не казалась такой энергичной, как предыдущая. Я подумала о том, что мне говорила Софина. Мне очень хотелось узнать, лицемерила женщина, разговаривая со мной, или нет. Однако в следующий раз побоище началось сразу же после ужина и продолжалось до глубокой ночи.

Я немного устала от всего этого и легла на кровать, чтобы почитать при свете штормового фонаря. Вероятно, было часа три ночи, когда я услышала доносившийся из глубины джунглей низкий звук, напоминающий мычание. Все звуки вокруг костров стихли. Снова раздалось мычание, похожее на доносившийся издалика звук горна, однако не такой мелодичный, как у настоящего инструмента. Отбросив книгу, я подбежала к двери как раз в тот момент, когда последние женщины спешили укрыться в своих хижинах. Мужчины сидели вокруг

костров, пристально глядя прямо перед собой на пламя; никто из них не решался поднять головы и посмотреть в ту сторону, откуда доносился звук. Фейзи, который убил слона-самца копьем, сидел не шелохнувшись. Моке, лучший из охотников, точно прилип к земле возле костра. Херафу, слишком старый, чтобы думать о жизни, но достаточно молодой, чтобы не хотеть смерти, глядел только на пляшущие языки пламени. Я вспомнила ночь после похорон Базалинды, когда я стремглав, как последний трус, влетела в хижину Абазинги.

— Тот, кто смотрит на Эсамбу,— сказал он тогда,— должен умереть.

За речкой Лейло, которая была не шире проселочной дороги, вновь раздалось мычание. Оно доносилось с разных сторон. Я была белой женщиной, обладающей знаниями, которые дало образование. Мне следовало вооружиться и выйти в темноту, чтобы найти ответы на все вопросы, которые мучали меня. Но ничего подобного я не сделала. Я повернулась и вошла в хижину. Мне не хотелось увидеть лицо Эсамбы. На заре прибежал один местный житель с известием, что в лагере Валеси, расположенном недалеко, за речкой Лейло, умер один из родственников Андокалы. Я обратилась к Фейзи, который находился возле костра, где готовился завтрак.

— Что, прошлой ночью ходил Эсамба? — спросила я.

— Да, Мадами,— ответил маленький человек.— Все мы слышали его и боялись.

Не знаю, почему я это сделала, но я положила свою руку ему на плечо, посмотрела в его угольно-черные глаза и сказала:

— Я тоже боюсь. Я не желаю смотреть на лицо Эсамбы.

Фейзи только кивнул в ответ. Весь день я размышляла об этом странном, безвестном несчастье, называемом Эсамбой. Чем больше я ломала голову, тем меньше могла оправдать страх пигмеев и свои опасения.

На другой день, взяв мольберт, я пошла рисовать Анифу. Она сидела перед своей хижинкой и скребла себя маленьким ножом. На ней был небольшой передник из тапы с узором в горошек, нанесенным краской коричневого цвета. На шее у нее висели бусы из шариков ко-

раллового цвета, а на запястьях было по два браслета из ярко-голубых шариков. Более не было ничего, что могло бы скрыть ее совершенную женственность. Она была идеальной моделью для художника: женщина с восхитительными линиями тела, Анифа напоминала только что распустившуюся прекрасную розу. Вся она так и просилась на холст.

Посидев немного молча, Анифа не очень громко запела своим звонким контральто. Она пела ту самую песню, которую исполняла у входа в обрядовую хижину, когда отважный юноша прорвался сквозь кордон женщин внутрь. Во время работы у меня возникло желание спросить ее о второй маленькой двери обрядовой хижины. Но я подавила свое любопытство. В конце концов я была в глубине лесов Итури. Кто я такая, чтобы раскрывать секреты алима? Почему я должна пытаться опровергнуть версию Софины? Какие у меня имелись основания для этого? Лишь несколько слез, скатившихся по щеке старого пигмея да слабый крик девушки, утонувший в грохоте грома.

Глава пятнадцатая

С берега реки Лейло мы перебрались на берег Макубы. Неподалеку отсюда находилось скопление большого количества соли на поверхности земли, часто посещаемое антилопами, окапи, буйволами и хищными животными, которые охотились на травоядных.

Бабуины и шимпанзе встречались здесь так часто, как кошки возле бойни. Обезьяны рассматривали нас, укрывшись в полумраке леса или забравшись на верхние ветви деревьев. Фейзи сказал, что неподалеку находятся слоны, но я не видела ни одного.

Мне казалось, что ввиду такого обилия дичи охота будет удачной каждый день. Но все получилось наоборот. Три дня подряд Моке, Саламини, Фейзи, Анголи, Ахеронга и другие охотники, полные надежд, уходили утром на охоту, а вечером возвращались с пустыми или почти пустыми руками. На третий день старики, вооружившись луками и стрелами, отправились к выходам соли. Там они соорудили из веток и листьев укрытия, в которых спряталось большинство их. Остальные, стараясь создать впечатление, что удаляется вся группа, с шумом вернулись в лагерь. Вскоре после их ухода на верхних ветвях появилась шумная ватага обманутых обезьян. Пигмеи стреляли по ним деревянными стрелами, сохраняя ценные стрелы с железными наконечниками для более крупной дичи. Стрелы летели беззвучно, и глупые обезьяны с любопытством наблюдали, как одна за другой падают вниз их подруги. Так было убито шесть обезьян. Спустя некоторое время они все же решили укрыться в более безопасное место.

Впервые за три дня в лагере появилось мясо. Женщины не стали ожидать возвращения охотников, ушед-

ших с сетями; они приготовили мясо, и все с удовольствием стали есть его.

Я также отведала обезьяньего мяса, но не смогла доесть свою порцию. Оно имело тошнотворный сладкий вкус, отличный от всего, что я когда-либо ела.

Томаса и Анифа посмеивались надо мной, с аппетитом уплетая свои куски. Пока остальные лакомились обезьяньим мясом, я уничтожала жареные пизанги с салатом и земляные орехи, которые были обернуты листьями и запечены на углях.

Ночью вернулись охотники с одной дикой свиньей и цесаркой. Я заметила, что остававшиеся дома пигмеи не претендовали на мясо, добытое охотниками, считая, очевидно, что последние вполне заслужили право распорядиться с ним сами.

Ходившие на охоту с сетями негодовали.

— Кто-то заколдовал наши сети,— сказал Моке после ужина.

Анголи и Саламини согласились с ним. Фейзи отрицательно покачал головой.

— Возможно, неудача преследует нас на охоте потому, что мы использовали в качестве загонщиков девушек, проходящих обряд алима,— сказал он.— Нам следовало послать женщин постарше.

Они начали бесполезный спор, обсуждая различные предположения. Перед тем как я отправилась спать, мужчины вынесли решение — добиться удачи, изменив запах охотничьих сетей.

На следующий день, ранним утром, пока женщины были заняты приготовлением маниоки, мужчины расстелили сети в центре поляны. Затем они послали нескольких мальчиков-подростков в лес за листьями. Принесенные листья они растерли и перемешали с водой. Моке поймал курицу, выдернул несколько перьев у нее из хвоста и сжег их. Затем полученный пепел был подсыпан в смесь из растертых листьев и воды. Приготовленная паста была еще раз разбавлена водой, и полученным раствором обрызгали сети точно таким же образом, как увлажняют белье перед глаженьем.

Как раз в тот момент, когда я решила, что процедура закончена, Моке сказал мне, что они собираются

использовать более сильное средство, чтобы снять колдовство с сетей.

— Каждый охотник должен надрезать свой язык и плюнуть на сети,— объяснил он.

Я наблюдала, как мужчины точили на камне стрелы с железными наконечниками. Моке взял одну из них, сделал небольшой надрез на языке и сплюнул на грудку сетей. Фейзи, Агеронга, Анголи и другие охотники, стоявшие вокруг, сделали то же самое.

— Вы знаете, Мадами,— сказал Моке,— теперь мы надрезем и ваш язык.

Я ужаснулась. Надрез делали одной и той же стрелой; при мысли об этом мне стало почти дурно. Я знала, что Пату и его помощникам приходилось лечить местных жителей больных фрамбезией*, туберкулезом и всеми другими распространенными в районе Эпулу болезнями. Мне было известно также, как легко приживаются и развиваются микробы в экваториальном климате. Но я не хотела, чтобы пигмеи догадались о моих опасениях.

А что если попросить их подождать, пока я продезинфицирую стрелу, или сразу после этой операции прополоскать рот? На маленьком лице Моке, наблюдавшего за мной, играла странная улыбка. Наконец я приняла решение и, собравшись с духом, посмотрела прямо в его угольно-черные глаза и кивнула.

— Хорошо,— сказала я, скрывая свои опасения,— я сделаю то же, что и другие охотники.

Моке наклонился, и могу поклясться, что я заметила усмешку на его лице. Затем он покачал головой.

— Мадами — женщина,— сказал он, словно эта мысль никогда прежде не приходила ему в голову.— Не следует делать ничего, что помешало бы ей разговаривать.

Душа моя, ушедшая было в пятки, снова заняла свое место. Я поняла, что все, чего они хотели,— это моей готовности участвовать в обряде заклинания. Мне казалось, что после этого случая пигмеи стали относиться ко мне еще более доброжелательно.

* Фрамбезия — тропический сифилис.

В тот день охотники ушли на охоту вместе с женами. Молодых девушек оставили дома, где они плели пояса и подстригали волосы в соответствии с модой.

Пока было светло, я сделала несколько набросков, а затем вернулась домой, чтобы просмотреть пачку старых номеров «Манчестер гардиан», которые нам прислал по возвращении на родину какой-то гостивший у нас англичанин. Вдруг послышались крики пигмеев. Бросившись к двери, я увидела, что охотники вернулись с семью антилопами болоки и двумя дикими свиньями.

Двух антилоп Моке послал Пату в госпиталь. Оставшееся мясо разделили поровну между всеми семьями. Впервые за много дней мяса было так много, что большинство женщин смогли закоптить впрок по несколько кусков. Маленькие люди были так рады своей удаче и доказательству силы их магии, что танцевали до полуночи.

В течение недели или более никто не мог пожаловаться на плохую охоту. Магическое средство оказалось таким «сильным», что охотники возвращались с хорошей добычей, даже когда брали в качестве загонщиков девушек алима.

В один из следующих дней я отправилась на охоту вместе с пигмеями скорее для того, чтобы понаблюдать за ними, чем принимать участие в поимке животных. Дорогой я заметила, что женщины по пути к месту охоты на ходу собирают в лесу все, что может пойти в пищу или пригодиться в хозяйстве. Они напоминали маленьких птичек, которые постоянно ищут на деревьях жуков и других насекомых. Я была поражена способностью пигмеек замечать и собирать полезные для них вещи во время быстрой ходьбы. Решив понаблюдать за одной из женщин, я выбрала в качестве объекта Томасу. У нее с собой было что-то вроде мешка или корзины, сплетенной из тростника и листьев. Корзина была прикреплена к ремешку, опоясывавшему голову женщины. Таким образом обе ее руки оказывались свободными. Мы шли мимо молодых деревьев. Не замедляя шага, Томаса сорвала несколько листьев и бросила на дно корзины. Минутой позже, когда она проходила возле

дерева кола*, горсть орехов с него без какой-либо задержки была отправлена туда же. То тут, то там женщина нагибалась, чтобы нарвать какой-нибудь травы. Не могу понять, как она замечала ее среди буйной растительности, покрывающей землю джунглей, однако Томаса все видела и всему знала цену. Вот она бросилась вправо, затем влево от дорожки, и за то время, которого большинству женщин хватило бы лишь на то, чтобы пересечь низину, она нашла и уложила в корзину пинту** желтых грибов. В течение следующих тридцати минут Томаса очистила по меньшей мере пинту орехов кола, нашла несколько больших серых грибов и сняла с листьев двадцать или тридцать гусениц. Последних, чтобы они не расползлись, пока она будет заниматься другими делами, Томаса быстро завернула в лист. И так все время. Лист для крыши, еще один пучок зеленой травы, орех или два — все это отправлялось в корзину Томасы.

После двухчасового перехода мужчины остановились и приготовились расставить свои сети и ждать, когда женщины загонят в них дичь. В это время Томаса что-то шепнула на ухо Моке. Охотник кивнул головой, и женщины гуськом углубились в лес. Я подумала, что они отправились загонять дичь. Женщины остановились неподалеку от тропинки. Там посреди небольшого участка голой земли возвышался ствол засохшего дерева, верхние ветви его давно отвалились. Около вершины, жужжа, кружились пчелы, но Томаса и другие женщины не обращали на них внимания. Через отверстие, которое, видимо, было сделано уже давно, они извлекли несколько сот. Отверстие находилось в нижней части засохшего дерева, на некотором расстоянии от улья, и пчелы не замечали, что их грабят. Одну или двух женщин пчелы все-таки ужалили, но они отмахнулись и продолжали добывать мед. Используя лишь листья и, вероятно, стебли травы или небольшие лианы, они своими маленькими проворными пальцами упаковали мед так же

* К о л а — дерево, в плодах которого имеются похожие на каштаны семена, обычно называемые орехами. Они содержат кофеин и теобромин и оказывают тонизирующее действие.

** П и н т а — английская единица измерения = 0,55 литра.

хорошо, как если бы у них были для этого бумажные стаканчики или стеклянные банки. Как только эта работа была закончена, маленькие женщины исчезли в джунглях, отправившись загонять дичь.

Во время этой охоты пигмеи убили четырех антилоп. Когда настало время возвращаться домой, туши убитых животных понесли женщины. Одна из антилоп попала в сеть Сейла, поэтому нести ее домой была обязана Томаса. Она взвалила антилопу себе на плечи и понесла, поддерживая за маленькие копытца тонких ног, которые свисали к ней на грудь. Она прошла с этой ношей, вероятно, около двадцати километров, все еще собирая что-то по пути, и, несмотря на это, не обнаруживала никаких признаков усталости. Я восхищалась ее выносливостью и силой. Она шла с антилопой на плечах, с корзиной, висевшей сбоку, и тем не менее сумела собрать по пути домой еще немного листьев для кровли и орехов дерева кола. Впереди шагал ее муж Сейл — доблестный охотник, тащивший лишь свое копье, весящее не более полутора килограммов.

Но и придя домой, Томаса не смогла отдохнуть. Она начала готовить пищу для семьи — жарила мясо, пекла пизанги и делала кушанье из зелени. Я вела с ней дружеский разговор, пока она занималась этими делами. Когда почти все было сделано, она нырнула в хижину, вынесла завернутых в листья гусениц, раскрыв сверток, положила их возле огня. Завернув каждую извивающуюся гусеницу в кусочек листа, она положила их около углей с таким расчетом, чтобы гусеницы запеклись, но не сгорели. Несколько минут спустя, развернув листья, она бросила гусениц в глиняную тарелку, где кипело пальмовое масло. Приготовленные таким образом, они немного напоминали креветок. Сейл, Томаса и другие ели их с большим удовольствием.

— Не хотите ли немного? — обратилась ко мне Томаса.

— Нет, благодарю, — отвечала я испуганно. — Длинная дорога утомила меня, и я потеряла аппетит.

— Не притворяйтесь, — сказала маленькая женщина. — Конечно, они не так вкусны, как термиты, но мы любим есть их после обильной пищи.

На следующий день Пат сообщил, что Альфред Е. Эмерсон с женой прибыли в гостиницу и утром отправятся в лагерь пигмеев. Мне было известно, что доктор Эмерсон изучал африканских термитов.

В Африке очень много разнообразных насекомых. Чтобы проверить это, надо только постоять некоторое время неподвижно. Тогда все имеющее крылья будет, жужжа, пролетать мимо, наткаться на вас или погружать свое жало в ваше тело. В то же время какие-нибудь бескрылые насекомые начнут кусать ваши ноги.

Я едва успела позавтракать, как прибыли супруги Эмерсон. Носильщики несли научное оборудование и спальные принадлежности. Доктор Эмерсон сообщил, что в районе радиусом километров тридцать от лагеря Патнем он обнаружил восемнадцать разновидностей маленьких насекомых. Гнезда термитов обычно находятся в лесу. Одни из них висят на кустах или ветвях деревьев. Другие строятся на земле и напоминают неровные конусы.

Термиты лепят свои жилища из кусочков листьев, палочек, своих экскрементов, скрепляя все слюной. Всякий раз, когда мы находили заброшенное гнездо, мы говорили об этом слугам. Они разрушали его и толкли, превращая в порошок, который использовали для удобрения огорода.

Ученый отправился исследовать термитов лишь в сопровождении нескольких носильщиков. Жена осталась со мной ожидать его возвращения. Вскоре пришел Херафу, который все еще носил в колчане свою записную книжку, и сообщил нам, что в нескольких километрах от нас разбили свой временный лагерь три других племени пигмеев и что по этому случаю состоятся большие танцы.

До обеда я делала эскизы, а миссис Эмерсон вязала. После обеда прибыли незнакомые пигмеи, прошедшие через лес так тихо, что никто не подозревал об их присутствии, пока они не вошли в освещенное кострами пространство. Среди них было несколько представителей племени валеси, которое обычно избегает общения с белыми людьми. Наши пигмеи показали себя безупреч-

ными хозяевами и радушно приняли всех. Тотчас же начались танцы.

Не тратилось времени на объявления, не надо было ждать, пока будет составлен и утвержден распорядок вечера. Всякий, кто не бил в барабан или не гремел деревянными трещотками, выходил в центр поляны и начинал танцевать. Я была так занята, знакомя миссис Эмерсон с отдельными наиболее интересными личностями, что вначале ничего необычного не заметила. Потом я увидела, что пришедшие пигмейские женщины носят необычно маленькие передники. На шее у них было несколько ниток бус, а на руках и ногах — один-два браслета. Однако на мужчинах были традиционные поясные шнурки, такие же, как у наших пигмеев. Смотря на одеяние этих женщин, я вспоминала, как мы с Патом в Камеруне наблюдали танец горных пигмеев. Там «одежда» женщин состояла только из нескольких бус на шее и запястьях. Меня заинтересовало, почему в смежных районах одной и той же области Конго племена носят различные по размерам набедренные повязки. Поймав взгляд Софины, я махнула ей рукой. Она прервала танец и уселась возле нас. Я рассказала ей об обнаженных пигмейских женщинах, которых видела в Камеруне, и спросила о гостях, которые носили укороченные передники.

— Мы, пигмеи леса Итури, никогда не ходим голыми, — отвечала Софина. — Но мы знаем, что в других местах племена пигмеев имеют иные обычаи. Кое-где, Мадами, как и у нас, передники носят и мужчины и женщины. В других местах, как нам говорили, мужчины носят их, а женщины нет. Есть племена, у которых женщины носят передники, а мужчины нет.

Миссис Эмерсон казалась шокированной. Софина, должно быть, заметила это.

— Но, — продолжала она, — вы никогда не найдете племени, где и мужчины и женщины не носят передника из тапы.

Она произнесла это так, словно данный факт объяснял все.

— Я полагаю, что в мире, где одежда размером с детский носовой платок гарантирует благопристой-

ность,— сказала я миссис Эмерсон,— отсутствие столь маленького предмета туалета едва ли будет катастрофичным.

Миссис Эмерсон рассмеялась.

— Думаю, что нет,— согласилась она.— Но не чувствуете ли вы себя неловко, постоянно находясь среди темнокожих обнаженных людей?

— Нет, совсем нет! — ответила я.— Вначале это казалось мне чем-то совершенно нарушающим правила хорошего тона. Теперь же, когда я прожила здесь несколько лет и хорошо знаю этот народ, я чувствую себя так, как если бы разговаривала с изысканно одетыми мужчинами и женщинами у себя на родине.

Это была правда. Пигмейская женщина в своем маленьком переднике кажется в Конго столь же прилично одетой, как и женщина в костюме, шляпе, туфлях и мехах в Нью-Йорке.

— Должна вам сказать,— подытожила я,— что привыкла к передникам из тапы.

Глава шестнадцатая

Вернувшись в лагерь, я обнаружила, что Пат занялся претворением в жизнь проекта строительства малой гостиницы, который мы часто обсуждали в последнее время. Гостиница предназначалась для шоферов грузовых машин и торговцев, останавливающихся обычно лишь на короткое время. Здание сооружалось из дерева и глины, крышу покрыли большими водонепроницаемыми листьями, все шесть комнат гостиницы имели общую веранду. Строительство было закончено перед самым наплывом посетителей. Название ей было дано — «Гостиница шоферов».

— Я готова открыть гостиницу, — сказала я Пату. — Но мне было бы гораздо легче вести дело, если бы у меня был хороший помощник, который содержал бы здание в чистоте и менял белье.

— Возьми Лукубу, — посоветовал Пат. — Он хороший парень, опрятный и абсолютно надежный.

Это был неплохой выбор. Пат вполне справился бы с должностью начальника кадров, так как безошибочно разбирался в людях. Однако у Лукубы был один недостаток: он думал только о том, чтобы гостиница для шоферов приносила прибыль.

Войдя однажды в столовую, чтобы посмотреть, все ли в порядке, я с удивлением обнаружила, что со всех столов сняты скатерти.

— Что ты сделал со скатертями? — обратилась я к Лукубе.

— Я снял их, — отвечал новый мажордом.

— Но зачем?

— Мадами, я заметил, что гости проливают на них

кофе и роняют пищу. Я снял их и свернул, и теперь они не будут пачкаться.

Я сказала ему, что люди, останавливающиеся в гостинице,—наши гости и нуждаются в хорошем обслуживании, которое включает, в частности, чистые скатерти на столах и чистое постельное белье. Как могла, я объяснила ему, что деньги, которые они платят за жилище, будут расходоваться на стирку белья и что, хотя выгода и желательна, мы не стремимся возместить наши затраты в течение первых же нескольких недель работы гостиницы.

Наконец Лукуба ответил, что он понял меня.

Два дня спустя, проходя по лагерю, Пат заметил, что с веранды новой гостиницы исчезли плетеные кресла.

Он позвал меня, и мы спросили о них Лукубу.

— Я поставил их в кладовую позади гаража,—ответил негр.— На них почти все время сидят. Если их будут все время использовать, то они долго не прослужат.

Я прочитала ему еще одну длинную лекцию о гостеприимстве и заведовании гостиницей, но думаю, что Лукуба и на сей раз не одобрил мои теории. Если бы он делал по-своему, наши постояльцы спали бы на полу, сами себе готовили и щедро платили нам за предоставленную им единственную привилегию — не быть съеденными дикими животными.

Вскоре нас посетили два шведа, которые путешествовали по Африке, стремясь истратить как можно меньше денег, а по возвращении в Стокгольм заработать побольше денег, продавая рассказы о своем странствии.

То ли потому, что мы разрешили им остановиться в новой гостинице, то ли оттого, что я действительно, как они сказали, была хорошим объектом, они занялись фотосъемкой. Свен фотографировал с сумасшедшей скоростью, а Гарольд делал на бумаге краткие заметки с такой тщательностью, точно от этой работы зависела вся его жизнь. Они фотографировали меня, когда я ухаживала за маленьким Уильямом, во время беседы с пигмеями у костра и при выполнении всех тех обязанностей, которыми занята женщина, работающая в гостинице. Они продолжали свои съемки и тогда, когда на-

ступила ночь. Наконец все это кончилось, и я с радостью отправилась спать. Я проспала, вероятно, часа два-три, когда услышала стук в дверь.

— У вас здесь есть скорпионы? — пронзительно кричал через дверь Свен.

— У нас здесь есть все, — ответила я, недовольная тем, что меня разбудили.

— Один из них меня укусил, — продолжал швед.

Я оделась и вышла. Под штормовым фонарем, который висел в соседней комнате, стоял фотограф и держал маленького крабообразного скорпиона. Другая его рука уже распухла и стала в два раза толще, чем обычно. Услышав шум, из кухни пришел Ибрагим.

— Что нам делать? — обратилась я к нему.

— Позвольте мне заняться этим, — ответил Ибрагим.

Он вышел и вернулся через несколько минут с большой белой свечкой. Зажег ее и, когда свечка разгорелась, капнул горячим, расплавленным воском на ранку. Его действия не очень-то напоминали первую помощь, оказываемую в подобных случаях, однако Ибрагим, казалось, был совершенно уверен в благоприятном исходе. Я успокаивала себя мыслью, что если бы здесь были особенно ядовитые скорпионы, я знала бы об этом. Рука Свена на следующий день почти зажила. Пат осмотрел ее и сказал, что опасность миновала.

— Некоторые средства местных жителей при несложных заболеваниях гораздо эффективнее, чем мы думаем, — сказал он шведским путешественникам. — Если бы это было не так, то многие из пострадавших умерли бы еще по дороге к врачу.

Врачу, даже с его современными чудодейственными средствами и достижениями хирургии, подчас остается сделать немного, чтобы спасти жизнь. Свен и Гарольд все еще гостили в лагере Патнем, когда произошло событие, подтвердившее это. Все началось с того, что Моке повел охотников с сетями на новое охотничье угодье.

В течение нескольких недель пигмеи ходили на охоту, однако день следовал за днем, а результаты были незначительными. Собравшись и обсудив положение, пигмеи решили отправиться в совершенно новый район. Моке был уверен, что там уже в течение многих месяцев не

охотились другие племена пигмеев, и надеялся найти испуганную дичь. Я думаю также, что в душе он лелеял надежду выследить там слона и убить его, как это сделал Фейзи, и таким образом также добиться особого уважения среди соплеменников. •

Охотники и их жены разбили лагерь на берегу широкой реки, недалеко от вырубki. Они построили свои маленькие хижины и свалили росшие неподалеку старые деревья. На следующий день пигмеи отправились на охоту и почти тотчас же вернулись с богатой добычей. Было поймано несколько антилоп, свиней и птиц. Удача сопутствовала им еще два дня. На третий день, ближе к ночи, Саламини напал на след окапи. Так как это животное славится своим нежным мясом, пигмеи решили прочесать заросли еще раз, надеясь поймать окапи, несмотря на наступление сумерек. Женщины углубились в лес, где уже было довольно темно, и по сигналу начали кричать и бить палками по деревьям, постепенно приближаясь к тому месту, где мужчины растянули сети. Женщины слышали, как впереди них бежали животные, напуганные внезапным шумом.

Среди загонщиц была Конота, женщина из племени валеси, которая за год до этого вышла замуж за одного из сыновей Моке. Это была здоровая, крепкая молодая женщина, на ее красивом маленьком теле еще не было заметно признаков увядания, которые появляются у пигмейской женщины вскоре после замужества. Конота находилась на дальнем конце линии загона. Это место в общей линии загонщиц, которое требует особого напряжения сил, она заняла потому, что была молодой и физически сильной. Именно на ее долю выпадала самая ответственная задача — замкнуть круг загонщиц и не дать животным вырваться из него. Ей было немного трудно ориентироваться в лесу, так как светло было только там, где деревья росли редко, и на полянах. В стороне, слева от себя, она слышала крики своих товарок. Справа находились густые мрачные джунгли. Когда Конота пересекла небольшую прогалину, поднялась и оказалась на остром гребне небольшой возвышенности, она услышала шум и поняла, что впереди нее бежит довольно крупное животное. Женщина находи-

лась теперь в густом лесу и не видела почти ничего. Полагая, что это окапи, и надеясь сыграть решающую роль в поимке животного, она ускорила шаг и громко закричала. Большое животное побежало в сторону сетей быстрее, а Конота следовала за ним, спотыкаясь в темноте. Ее голос слышали мужчины, стоявшие возле сетей. Она кричала, что гонит окапи, и слышала, как животное продиралось сквозь заросли. Было очень темно, Конота не видела, что это буйвол. Не знала она и того, что в последнюю минуту это опасное и осторожное животное почуяло впереди западню и повернуло назад. Буйвола от свободы отделяли лишь четыре шага и весящая тридцать шесть килограммов Конота, которая почти ничего не видела в темноте.

В Африке нет более отвратительного животного, чем буйвол. Другие звери, даже леопарды, избегают его. Иногда буйволы собираются в стада, чаще — в группы, состоящие из двух-трех животных. Этот был старым самцом, много повидавшим на своем веку, опытным и не раз вступавшим в схватки с врагами. Буйвол заметил Коноту, тогда как она его еще не видела. Он ринулся на женщину, пригнув свои ужасные черные рога и массивную шею к земле, и оказался перед ней раньше, чем она поняла, что преследуемый ею зверь сам превратился в охотника. В бешеном броске он опрокинул Коноту на землю и, пока она лежала без сознания, нанес ей несколько ударов своими страшными рогами. Если бы вокруг не было охотников, он до смерти бодал, топтал и терзал бы женщину. Таковы повадки африканских буйволов. Но он слышал крики, чуял опасность со стороны сетей и поэтому, оставив свою жертву, скрылся в темноте.

Пигмеи нашли Коноту. Ее тело было проткнуто в пяти местах, из рваных ран на утоптанную землю лилась кровь. Они перевязали ее раны листьями и тапой, после чего сильное, опасное для жизни кровотечение прекратилось. Затем они отправились в лагерь Патнем, который находился на расстоянии почти двух дней пути. Неся Коноту по очереди, они не ели и не спали и, преодолевая все опасности джунглей, спешили сквозь ночь за помощью к врачу с его волшебным искусством. На

Следующий день они отдыхали ровно столько, сколько потребовалось для того, чтобы сварить отвар для Коноты и самим съесть по небольшому куску мяса. После небольшого привала они поспешно направились дальше к Эпулу. Поздно вечером пигмеи добрались до лагеря.

При свете фонаря Пат осмотрел раны. Он обнаружил, что рога, к счастью, не повредили жизненно важных органов в брюшной полости и груди. Глубокие раны были на бедрах и ягодицах. Одна рука была сломана в трех местах. Перевязав раны своими примитивными бинтами, пигмеи остановили кровотечение, в значительной степени прекратившееся, несмотря на то что Коноту несли на носилках целые сутки со скоростью, на какую способны лишь эти маленькие люди.

Пат сделал ей вливание физиологического раствора и через трубку накормил бульоном. На ее страшные раны он наложил швы, посыпав их сначала стрептоцидовым порошком.

— У женщины шоковый обморок, она без сознания, — сказал Пат. — Я очень опасюсь того момента, когда она придет в себя.

Сознание вернулось к ней ранним утром, и ее пронзительные крики разбудили весь лагерь. Пат дал ей лошадиную порцию морфия, и она опять впала в забытие. На следующее утро ее стало лихорадить. Маленькое лицо и тело дышали жаром, и, по мере того как ослабевало действие морфия, усиливалась лихорадка.

— Нужно сбить температуру, пока она спит, — сказал Пат.

Весь день один из санитаров госпиталя и я по очереди меняли холодные мокрые полотенца на теле Коноты, стараясь уменьшить жар. В сумерках Пат сделал перевязку и с радостью заметил, что кровотечение прекратилось полностью. Он продолжал давать ей небольшие дозы морфия до тех пор, пока раненая женщина не окрепла настолько, что смогла без посторонней помощи пить всевозможные отвары из чашки. Беспокойные видения покидали ее медленно, и вначале я не могла выносить ее взгляда, полного ужаса. Но с тех пор, как она впервые узнала нас, ее страхи стали проходить. Она поняла наконец, что находится среди друзей

и что Пат сделает все возможное, чтобы спасти ее. В течение двух дней и ночей мы почти не оставляли ее одну. На вторую ночь жар стал спадать. Мы продолжали ставить влажные компрессы, пока температура окончательно не спала.

Магическая сила волшебных лекарств, хорошее сердце и крепкое здоровье маленькой пигмейской женщины подняли ее буквально из могилы. Три недели спустя Конота вернулась в деревню пигмеев. А через двенадцать месяцев после этого происшествия она родила своему мужу здорового и крепкого маленького сына, которому они дали имя Патарико.

Это имя было данью уважения Пату. Пат пользовался заслуженной любовью пигмеев. Сам же он не раз говорил мне о том, что в долгу у этого маленького народа. Однажды, в самом начале его деятельности в Конго, он шел по лесной тропинке вместе с оруженосцем-негром и двумя пигмеями. В низине, где пролегла тропинка, подлесок подступал к самому краю тропы сплошной, почти непроницаемой стеной. Здесь на Пата неожиданно напал слон. Он попытался укрыться в лесу, но не успел, и бивень животного разодрал ему спину. Слон исчез, а Пат упал без сознания, истекая кровью. Пигмеи перевязали его рану, а затем в течение трех недель лечили припарками из трав и листьев. Как и Конота, в конце третьей недели он самостоятельно отправился домой.

Глава семнадцатая

Тима, дочь Андонаты, была любимицей своего отца. Он сильно горевал, когда девушка вышла замуж за пигмея из племени валеси, который жил за рекой. Андоната поступил так же, как поступают в таких случаях отцы повсюду. Он пригласил своего зятя и в конце концов уговорил его жить среди наших пигмеев.

Не думаю, чтобы после Сейла и Томасы в Конго была более дружная пара, чем Ингола и Тима.

Они поженились более года назад. Я знала, что Тима ожидала ребенка. Но так как роды у местных женщин, как правило, проходят благополучно, я не беспокоилась.

Мы с Патом кончали обедать, когда вбежал Моке и сообщил, что Тима вот-вот должна родить и находится на пути в госпиталь.

— Должно быть, ее состояние неважное, — сказал Пат. — Обычно в таком положении они не подходят близко к госпиталю до тех пор, пока не поймут, что им грозит смерть.

Спустя несколько минут пигмеи принесли на носилках маленькую Тиму. Андоната и Ингола тяжело переживали происходящее. Отец сказал, что схватки у молодой женщины начались прошлым утром, но теперь прекратились.

— Ты хочешь сказать, что они продолжались почти целых два дня и, несмотря на это, вы не принесли ее сюда? — спросила я.

— Тима просила нас не беспокоить бвану, — отвечал пигмей.

Я посмотрела на маленькую женщину, которая в свои восемнадцать-девятнадцать лет все еще выглядела девочкой. Но с большим животом она казалась крупной,

даже слишком. Несмотря на все свое мужество, она не могла скрыть страданий и ужаса. Пигмеи внесли ее в госпиталь и положили на кровать. Пат осмотрел Тиму, но не нашел никаких повреждений. Однако схватки прекратились, и все понимали, что это плохо.

Андоната, Ингола и несколько женщин-родственниц приготовились провести ночь в госпитале, на полу, в кабинете Пата, чтобы быть под рукой. Пат некоторое время рылся в своих шкафах, но понял, что с небольшим выбором препаратов и ограниченным набором инструментов мы ничего не сможем сделать и остается лишь положиться на милость природы. Часов в одиннадцать мы отправились спать. Проснувшись, я услышала разговор Пата с Андонатой. По-видимому, было около трех часов ночи. Пигмей-отец почти потерял разум от горя.

— Старухи говорят, что надо сделать так, чтобы схватки начались снова,— говорил он.— Я сказал, чтобы они шли к ней. Но я знаю, Тима умрет.

Пат был уже одет. Я тоже быстро оделась и последовала за ним в госпиталь. Тимы там не оказалось. Мы нашли ее во дворе возле тропинки, ведущей к шоссе. Здесь ярко горел огромный костер, а вокруг бедной женщины толпилось полдюжины пигмеек. Тима сидела на бревне. Сзади стояла женщина и поддерживала ее, другая находилась перед ней и массировала ей живот. Тима испытывала сильную боль, но не кричала. Лишь раз у нее вырвался стон. По щекам ее катились слезы.

— Не можем ли мы чем-нибудь помочь? — спросила я Пата.

— Ее можно отправить к доктору Вудхэмсу, но боюсь, путешествие убьет ее и ребенка,— отвечал он.— Есть препарат, который вызывает родовые схватки, но не думаю, чтобы его можно было найти в наших краях.

Не в силах больше смотреть на страдания маленькой женщины, я бросилась к машине и нажала на стартер. Мотор зафыркал, бешено взревел, но через одну-две минуты зачихал и заглох. Ни я, ни Агеронга так и не смогли его завести вновь.

— Не можем же мы просто стоять и ждать, когда она умрет,— обратилась я к Пату.

— Я думаю вынести ее на шоссе и попытаться отвезти с попутной машиной в Мамбасу.

Ингола и его друзья принесли носилки, уложили на них Тиму, и мы отправились по тропинке к шоссе.

— Мадами,— шептал Андоната,— не дайте умереть моему первому ребенку. Тима так дорога мне.

— Андоната, я делаю все, что могу,— ответила я.— Но против этой опасности мы бессильны.

При свете факелов я видела, как всхлипывал маленький отец-пигмей, но глаза его были сухими. Плечи его тряслись, как при приступе малярии.

Я вспомнила о том, что однажды сказали мне в родильном доме на родине: каждая женщина во время родов должна одна спускаться в долину смерти. Действительно, никто не в состоянии разделить с ней до конца эту опасность. Затем я взглянула на Андонату: казалось, этот маленький бородатый мужчина испытывал те же страдания, что и его дочь. Каждый новый приступ боли, который потрясал хрупкое тело Тимы, был пыткой для ее отца. Каждая слеза, которую она роняла, словно колючка терзала его натянутые до предела нервы.

Мы вышли на шоссе, и несколько пигмеев разожгли огромный костер. Факелы горели слабо, а ночью в джунглях костер необходим для того, чтобы отпугивать диких животных. Где-то глубоко в лесу рыдала сова, жалуясь на несправедливости джунглей. Летучие мыши, привлеченные светом костров, прямо над головой резко взмывали вверх с криками «гонк-гонк-гонк». Они ловили мотыльков и других ночных насекомых, слетевшихся на роковой блеск огня. Свет костров освещал метров на двенадцать дорогу и край джунглей, блестящая зелень которых окружала нас с трех сторон. Далее начиналась таинственная темнота конголезской ночи.

Ингола и женщины сняли Тиму с носилок и усадили на кучу банановых листьев. Одна из женщин, стоя сзади, поддерживала ей голову, а другие по очереди пытались вызвать родовые схватки. Они заткнули ей нос и уши листьями. Затем, вытащив из колчанов своих мужей по стреле, стали делать надрезы на животе и бедрах женщины. В эти легкие надрезы они втирали другие листья. Кто-то принес из госпиталя воду в большой оплетенной

бутыли, и одна из женщин, смочив ею живот беременной, стала массировать его.

Но ничего не помогало. Неоднократно у меня появлялось желание броситься к ним и расшвырять старух, как кегли. Но я знала, что ничем не могу помочь Тиме, и сдерживалась. Я никогда не принимала ребенка и никогда не находилась в непосредственной близости от рожениц у нас в госпитале. Я была так же беспомощна, как Андоната и Ингола.

Мне по-детски хотелось избить и исхлестать Инголу за то, что он был виновником мук Тимы. Боюсь только, что это принесло бы мало пользы. Бедный парень и без того сильно страдал. Пока у него хватало сил, он находился возле жены, затем, не выдержав, ушел собирать дрова для костра. Он таскал сухостой и сваливал его возле костра. Уходил и вновь возвращался с новыми охапками дров, которых он натаскал столько, что их хватило бы на неделю. Но он по-прежнему носил их, уходя все дальше в лес с горящей головней. Внезапно два пучка света прорезали темноту, и в освещенное костром пространство с ревом въехал грузовик. Качнувшись, он остановился. В нем находилось много людей из племени баванди, они ехали в рабочий лагерь.

Узнав, в чем дело, они крикнули что-то на диалекте кизанди и поехали дальше, вниз по шоссе. Тима корчилась от боли. Листья, которые женщины совали ей в ноздри, и порезы от острых наконечников стрел лишь увеличивали ее и без того тяжкие страдания.

На запах крови к краю леса сбежались генетты. Хотя кровотечение у маленькой женщины было не сильнее, чем при незначительном порезе пальца, эти неприятные животные уловили запах крови глубоко в джунглях. Вытащив из костра несколько головешек, Андоната швырнул их в темноту. Трусливые генетты, увильнув от них, скрылись, но затем вновь подкрались, нудно воя в темноте.

Других машин на дороге не появлялось. Агеронга сообщил из лагеря, что пытается завести шевроле, но едва ли сможет это сделать. Наш автомобиль был очень стар и не попадал в руки к хорошему механику уже по меньшей мере года три.

Убедившись, что их старинные акушерские приемы не помогают, старухи-пигмейки уселись вокруг огня и стали вспоминать свои собственные роды, рассказывая о них со всеми, иногда страшными подробностями.

Андоната не выдержал этого.

— Прекратите ваши разговоры! — закричал он. — Вы убьете ее своей болтовней, если она не умрет раньше.

Он шагнул к тому месту, где они беспорядочно сидели вокруг Тимы, и потряс в воздухе кулаком. Затем, схватив горящую головню и крича изо всех сил, направился к генеттам. Те с воем бросились прочь, словно за ними гнался сам дьявол. Более они уже не возвращались. То ли под воздействием этой выходки отца, то ли в результате каких-то невидимых процессов после сорока трех часов мучений у Тимы вновь начались схватки. Она упала навзничь со своего сиденья из листьев и лежала обессиленная, мучаясь от боли и всхлипывая. У меня не было часов. Они испортились несколько месяцев назад, заржавев от влаги. Но я считала, стараясь припомнить, как быстро отсчитывает секунды маленькая стрелка. Мне показалось, что схватки у Тимы стали повторяться через каждые две минуты.

По приказанию одной из старух Ингола срезал лиановую лозу и привязал один ее конец к небольшому деревцу. Другой конец дали Тиме. Всякий раз, когда боль усиливалась, она с такой силой тянула за лиану, что суставы ее маленьких рук белели от напряжения. В костер подбросили дров. Лицо и тело женщины, покрытые обильной испариной, при свете костра ярко блестели.

Прошло томительных тридцать минут. Далеко на востоке, над Лунными горами, первые проблески зари приподняли ночное покрывало. На дереве проснулась какая-то птица, нарушив тишину своим криком.

Боли у Тимы усиливались. Паузы между жестокими приступами становились все короче и короче. Теперь она всхлипывала с трудом.

Андоната позвал Инголу и других пигмеев. Они отошли с ним к дороге, где на границе света и темноты, словно овцы возле ворот загона, стали ожидать исхода.

Я принесла из госпиталя чистую простыню и расстелила ее поверх листьев рядом с Тимой. Затем налила из

бутыли в чайник воды и поставила его на горящие угольки. Позади меня от сильной боли пронзительно вскрикнула Тима. Я бросила бутылку с водой, которую до того судорожно сжимала, и выпрямилась, чтобы лучше слышать удивительный первый крик ребенка.

Женщина, массирующая живот Тимы, встала. В руках она держала что-то маленькое, состоящее из крохотных рук и ног, каких я никогда не видела, и очень широкого, большого рта. Именно из него и исходил крик. При свете угасающего костра и занимавшегося нового дня я поближе рассмотрела ребенка. Это была девочка. Я подумала, что наступит день, когда она подрастет и узнает радость. Но она познает также и великую боль, страдая так, как страдала Тима. Я не смогла сдержаться и, стоя в сером утреннем тумане, разрыдалась, как маленькая.

Глава восемнадцатая

Тима и Ингола называли девочку Энн. Это наполнило радостью все мое существо. Если бы она была моим ребенком, я выбрала бы для ее имени, вероятно, какое-нибудь слово из кибира, означающее одно из прекрасных живых существ, что живут в лесу, или цветок. Однако с уверенностью могу сказать — это никогда не было бы названием бабочки. Бабочки, которые появились в апреле, доставили мне самую большую неприятность, какую я когда-либо пережила в Конго. Они мучили нас в течение двух недель. Я думала, что окончательно сойду с ума, прежде чем все это прекратится.

В лесу Итури всегда имелись бабочки. Здесь нет зимы и морозов, поэтому бабочки размножаются круглый год. Естественно, так же обстоит дело и с мотыльками. Некоторые бабочки и мотыльки чрезвычайно красивы. Наши «монархи» и «луны» рядом с редкими конголезскими экземплярами выглядят, как «капустницы». Хрупкие крылья некоторых конголезских бабочек окрашены всеми цветами радуги. Но не эти красивые бабочки делают жизнь ужасной. Ее отравляют черные или беловато-кремовые бабочки меньших размеров, которые появляются в апреле или мае. В солнечные теплые дни эти маленькие насекомые покидают свои укромные места, сушат крылышки и взлетают, образуя огромные рои.

Эти бабочки на целых две недели превратили нашу жизнь в настоящий ад. Они были всюду: тучами летали в воздухе, попадали в пищу и воду, каким-то образом залетали под москитную сетку, как бы тщательно я ни натягивала ее на ночь. Они совершенно извели больных в госпитале.

Стряхивая их с одежды, я обнаружила, что маленькие чешуйки, покрывающие их крылья, вызывают на коже сыпь и зуд. В такие времена я страстно желала стать обладательницей одного из тех головных уборов с сеткой, которые я так часто видела в штате Нью-Йорк у пасечников. Во время этого нашествия бабочек у меня заболел зуб. В течение двух дней я пыталась не обращать внимания на боль, жевала стебель корицы или изредка прополаскивала рот глотком шотландского виски, чтобы притупить чувствительность нерва. На третий день я поняла, что проиграла сражение. Надо было что-то делать с зубом.

Я сказала Пату, что намерена съездить в Мамбасу к доктору Вудхэмсу. К тому времени Агеронга в конце концов починил шевроле, и я решила отправиться в нем в пятидесятикилометровую поездку одна. Это было кошмарное путешествие. На протяжении всего пути в воздухе висело сплошное облако бабочек. Они налипали на переднее стекло, и, чтобы видеть дорогу, мне приходилось по временам включать «дворник» для очистки стекла. Не проехав и восьми километров, я заметила, что вода в радиаторе кипит. Полагая, что порвался ремень вентилятора или засорился радиатор, я вышла из машины. Решетка радиатора была так густо забита мертвыми бабочками, что воздух не охлаждал воду. Очистив радиатор, я поехала дальше, но через семь-восемь километров вновь должна была сделать то же самое. Прежде чем я приехала в Мамбасу, мне пришлось останавливать машину и чистить радиатор шесть раз.

Бабочки буквально заволокли город. Двери магазинов оказались закрыты: это был единственный способ избежать сплошного загрязнения лекарств, пищи и других товаров.

Доктор Вудхэмс находился в госпитале миссии, где он укрылся за двумя затянутыми сеткой дверьми. Производить какие-либо операции, не вызываемые крайней необходимостью, он отказывался. Это меня не беспокоило, так как я знала, что мне не придется особенно убеждать его. К тому времени на моей щеке была уже опухоль размером с небольшую дыню. Периодически меня пронизывала боль, напоминающая удары электрического

тока. Мы вошли в зубо врачебный кабинет, и я со сжимающимся от страха сердцем опустилась в кресло. Я не люблю зубных врачей. Доктор Вудхэмс — мой ближайший «белый» сосед, не считая Уэлмана, дорожного строителя. Но когда он включает бормашину, я ненавижу его всеми фибрами своей души. Бабочек в кабинете было почти столько же, сколько и на дороге. Всякий раз, когда я открывала рот, в него влетала одна или даже несколько бабочек. Ежеминутно смахивая насекомых со своих глаз и моего лица, доктор Вудхэмс сверлил и скоблил зуб.

Через несколько минут он закончил работу.

— Энн, — произнес он, — я поставил временную пломбу. Боль не будет тревожить вас месяц или более, если вы будете жевать другой стороной рта. Когда окончится это нашествие бабочек, приезжайте снова, и тогда я поставлю постоянную пломбу.

Я радуюсь всякой возможности выбраться из кресла дантиста, поэтому и на сей раз с удовольствием покинула его, хотя знала, что мне придется набраться мужества и приехать сюда вновь.

Всякий раз, посещая Мамбасу, я произвожу какие-нибудь необходимые закупки. Мое настоящее посещение также не представляло собой исключения в этом смысле. Я приобрела длинную москитную сетку, которую можно было сложить пополам и прикрепить спереди на радиатор машины. На обратном пути двойная сетка задерживала большинство бабочек, но даже и в этом случае некоторое количество их проникало под капот через сетку или из-под машины, и я была вынуждена дважды останавливаться.

В конце второй недели я с радостью заметила, что последние маленькие дьяволята падают и умирают или уничтожаются птицами, которые заметно откормились на этих насекомых. Еще одна такая неделя — и я попала бы в палату для душевнобольных.

Вскоре после этого ужасного нашествия бабочек на Эпулу приехали сестры Долли, которым хотелось увидеть пигмеев. Долли — не настоящая их фамилия, но я столь часто так называла сестер мысленно, что теперь совершенно забыла фамилию, под которой они зарегистрировались в нашей гостинице. Они были школьными учи-

тельницами и жили в маленьком городке на Среднем Юге — то ли в Кентукки, то ли в Теннесси.

Работая зимой в школе, они копили деньги и строили планы различных путешествий в летние каникулы. В предыдущее лето они путешествовали по Северной Канаде.

За обедом в первый же вечер они рассказали нам целую историю.

— Фили фотографирует, — сообщила Мэрибел, — а я изучаю образ жизни местных жителей, их песни и танцы. Так как я прекрасный имитатор, мне совсем нетрудно научиться изображать обычаи и танцы чужого народа.

Фили выразительно кивнула головой.

— Вот, например, в прошлом году мы купили эскимосский костюм и привезли его домой, — продолжала Мэрибел. — А затем выступали с эскимосскими танцами и песнями. Все нас восторженно приветствовали.

Мэрибел пояснила, что в свободные вечера и по воскресным дням они выступали как профессиональные артисты. Она сама употребила слово «профессиональные», и у меня не было особых причин придирааться к этому.

— Мы играли и танцевали в школах, общественных залах, женских клубах, в некоторых частных домах и перед солдатами-ветеранами, — разглагольствовала Филли во весь голос так, словно она читала публичную лекцию.

— В Руанде мы купили пару одежды ватусси, — сказала Мэрибел. — Этой зимой, когда мы вернемся домой, я буду исполнять ватусский танец.

Пат чуть не подавился салатом из папайи. Стараясь не смотреть в его сторону, я также едва удерживалась от смеха. Я представила себе, как Мэрибел, у которой была полная фигура женщины, обожающей картофельное пюре, двойные порции десертных блюд и сбитые сливки, будет исполнять танец ватусси.

Ватусси — воинственное африканское племя. Рост большинства ватусси — сто восемьдесят сантиметров и более. Те из них, которых я видела, были поджары, как арканзасские гончие. Но это еще не самое худшее. Ватусси, как и пигмеи, полагают, что одежда — ненужная затея и должна быть сведена к минимуму. Хорошо одетый человек из этого племени носит лишь полоску из шкуры

генетты и несколько перьев. Именно это обстоятельство, я думаю, пришло в голову Пату и заставило его поперхнуться.

Мэрибел и Фили отправились пешком в деревню к пигмеям, чтобы посмотреть на них в естественной обстановке. Вечером Фили доверительно сообщила, что имитация образа жизни пигмеев не под силу даже Мэрибел с ее великолепной способностью к перевоплощению.

— Нет,— сказала она в заключение,— нам придется вычеркнуть пигмеев из нашего репертуара и остаться с одними ватусси.

Через четыре дня счастливые, как блохи на собачьих ушах, они уехали.

Еще долго после их отъезда то Пат, то я хохотали, думая о том, что происходит в одном маленьком городке на нашей родине. Я отдала бы год жизни, чтобы увидеть Мэрибел, исполняющую танец ватусси в костюме, состоящем из полоски шкуры генетты и нескольких перьев*.

* Автор сообщает ошибочные сведения. Большинство ватусси носит одежду. Как правило, они обертывают полотнище ткани вокруг бедер или закрепляют его на плече наподобие тоги.

Глава девятнадцатая

Однажды после полудня я сидела на веранде. На берегу реки женщины стирали белье, рассказывая друг другу страшные истории, от которых волосы становились дыбом. Внезапно я вспомнила о том, что случилось в самый разгар эпидемии паратифозной лихорадки и гриппа, ликвидацией которой мы были так заняты весь ноябрь. Кто-то тогда (убейте меня, я не могла вспомнить, кто именно) сказал о появлении леопарда-людоеда. Я спросила Пата, но он ничего не знал. Не слышал об этом и Агеронга. Однако я не сдавалась. Это была своего рода проверка моей памяти. Поэтому я опросила всех в гостинице и каждого пигмея. Но никто ничего не мог мне сказать. Два дня спустя я зашла в лавочку индийца, расположенную на шоссе, чтобы купить керосина и мыла, а также попытаться найти ответ на свой вопрос. В лавочке был Мусафили, староста деревни Дар-эс-Салам, а также несколько его односельчан. Они говорили между собой, и я услышала, как во время беседы они несколько раз произнесли слово «чуи». На суахили это слово означает «леопард».

— Вы говорите о леопарде? — спросила я.

Мусафили удивился.

— Но ведь я, Мадами, говорил вам об этом, когда наши люди приходили в госпиталь за шариками против болезней, — ответил он.

Мне пришлось сознаться, что я совершенно забыла о его предупреждении, всецело поглощенная борьбой с гриппом и паратифозной лихорадкой.

— Плохой леопард с дурным глазом напал на ребенка в деревне около Мамбасы, — сказал Мусафили. —

Отец малыша, однако, отогнал леопарда, прежде чем он загрыз мальчика.

Мусафили сообщил, что вожди из соседних деревень вырыли ямы и поставили ловушки, а также приказали своим людям выходить в поле только группами. Животное с тех пор видели дважды, но оба раза на значительном расстоянии от Эпулу.

Я призадумалась. Несомненно, достаточно было и одного примера, чтобы убедиться в том, что это был леопард-людоед. Сделав закупки, я пошла в лагерь Патнем. Я была одна. Мне не хотелось показывать свою трусость, и поэтому я никого не стала просить проводить меня. В конце концов надо было пройти не более двух с половиной километров через лес, в котором находилось много негров и пигмеев; они собирали дрова, работали в огородах или искали деревья с пчелиными сотами. На обочине дороги я подобрала палку и решительно направилась домой, приободренная прежде всего тем, что вокруг лавки слонялось довольно много людей. Но отойдя на порядочное расстояние и оглянувшись, я уже не увидела никого, и сердце мое заколотилось сильнее. Каждая группа деревьев, любое место, заросшее высокой травой, казались мне прибежищем леопарда. Я старалась идти как можно быстрее, но не бежала, то и дело останавливаясь и прислушиваясь. Как я была глупа! Точно я могла услышать движение леопарда. Как и любая кошка, он передвигается бесшумно. Во время ходьбы он прячет свои острые, как бритва, когти в маленькие подушечки на пальцах лап, поэтому они не могут ни притупиться, ни сломаться. Местные жители говорят, что леопард носит поверх лап перчатки, в которых бесшумно движется по мягкому лесному настилу.

Я пересекла небольшой ручеек, который впадал в Эпулу примерно метрах в восьмистах выше моста. Высокие деревья здесь были вырублены, и вместо них поднялась поросль колючего кустарника. До дому оставалось около половины пути. Я была уже около той части леса, которая примыкает к огородам нашего лагеря, и в этот момент услышала звук. Кто-то фыркнул и отрывисто рявкнул. Раньше по ночам я слышала фыркание леопарда, но находилась при этом у себя в комнате в относитель-

ной безопасности. Сейчас же, в лесу, я вся похолодела. Из леса выпрыгнуло что-то бесформенное. Если сначала я просто испугалась, то теперь меня охватил ужас. Ноги перестали меня слушаться, кровь в висках шумела, словно десяток Ниагарских водопадов. Находящееся в некотором отдалении животное остановилось. И вдруг страх, который с ужасной силой теснил мою грудь, исчез. Незванный гость, появившийся из темного леса, оказался вовсе не леопардом. Это был бабуин. Он фыркнул снова, и из-за деревьев появились другие обезьяны, которые прыгали по земле с такими странными телодвижениями, что казалось, будто они не спеша играют в чехарду.

Появлялись все новые и новые обезьяны, пока их не собралось около семидесяти или восьмидесяти. Они лаяли, как собаки, наблюдая за мной похожими на бусинки глазами, однако не пытались сократить расстояние, разделявшее нас. У некоторых самок на спине, вцепившись в плечи, сидели детеныши. Появление столь шумной ватаги обезьян, а следовательно, отсутствие в этом месте леопарда так обрадовало меня, что я истерически рассмеялась, глядя на их ужимки. Бабуины замерли, фыркая и что-то бормоча. Я быстро взмахнула руками и стала колотить по земле палкой, крича словно сумасшедшая. Для них это было уж слишком. Лая, как перепуганные собаки, бабуины стремительно пересекли поляну и скрылись в лесу. «Какую диковинную картину мне довелось увидеть», — подумала я. Это было похоже на кадры из научного фильма. Кинооператоры совершают путешествия за тысячи километров, чтобы увидеть это и заснять фильм. Там же, где стояла я, крича, дрожа и смеясь одновременно, словно дурочка, не было и одного фотоаппарата в округе радиусом с целый километр.

Возвратившись в гостиницу, я рассказала всем о леопарде. Не было необходимости разъяснять предупреждение Мусафили. О своей встрече с бабуинами я никому ничего не сказала. Иногда и женщина может хранить тайну, и это был как раз такой случай.

Прошла неделя, а новых сообщений о людоеде не было. Фейзи и Херафу рекомендовали пигмеям держаться ближе к деревне, на охоту уходили лишь мужчины,

каждый из которых был вооружен до зубов. Негры, выполняя свои повседневные обязанности, носили с собой копья, держа их все время под рукой. Это напоминало жизнь в штатах Кентукки и Огайо в те дни, когда каждый поселенец пахал свою землю, рубил лес и строил хижину с кремневым ружьем и порохом наготове.

Пат распорядился соорудить ловушки. Были вырыты ямы на тропинках, ведущих ко всем деревьям пигмеев нашего района. Снова жизнь на Эпулу стала тревожной: каждый думал лишь о том, как бы обезопасить себя от нападения леопарда-людоеда. Туристы приезжали, как и прежде, не подозревая об опасности, которая скрывалась в лесу, подступавшем к самой дороге. Мы кормили их, развлекали, а иногда даже показывали танцы во дворе лагеря. Но мы отказывались удовлетворить их просьбу об участии в охоте вместе с пигмеями.

Пат не желал беспокоить гостей, но он не хотел также, чтобы лагерь Патнем приобрел репутацию места, куда леопарды спокойно приходят охотиться на людей. Он учредил ночной патруль из слуг, которые по очереди стояли на часах. Сразу же, как только темнело, вокруг лагеря группой начинали ходить трое-четверо мужчин с копьями и зажженными факелами. Всю ночь горели два или три костра, огонь в которых поддерживали часовые во время дежурства. В джунглях пронзительно кричали шимпанзе. Где-то за пределами освещенного кострами пространства бродили генетты. В многоголосый ночной хор вливались голоса других животных, но никто не слышал характерного фырканья леопарда. Мы уже собирались отменить ночное патрулирование и восстановить в лагере нормальную жизнь, когда из Мамбасы на воскресный отдых к нам приехал торговец-грек Розис и его друг. Они прибыли, когда уже начинало темнеть. Сначала мы слышали ружейные выстрелы где-то на дороге, которая вела к шоссе. Несколько минут спустя во двор гостиницы въехали на машине побледневшие Розис и его компаньон. Все бросились к ним.

— Почему стреляли? — спросил Пат.

— Мы увидели леопарда, — ответил Розис.

— Вы уверены, что это был он?

Всякий, взглянув на двух друзей, счел бы этот вопрос излишним.

— Провалиться нам на месте, если это не так, — поклялся Розис. — Мы приближались к мосту, когда увидели пятнистого бродягу, притаившегося в середине моста. Глаза его горели желтым огнем. В свете фар я успел заметить, что это было взрослое животное. Я вскинул ружье и выстрелил. Думаю, что попал в него. Прежде чем он спрыгнул с моста в воду, я успел выстрелить по нему еще несколько раз. Я дал газ и тронулся дальше, чувствуя себя уже несколько спокойнее.

Пат сказал что-то Агеронге, а затем все мы отправились немного выпить. Почти тотчас же я услышала звуки барабанов — это Агеронга сообщал всей округе о появлении на Эпулу леопарда-людоеда. И повсюду — в Дар-эс-Саламе, в деревне Банадигби, возле реки и главного шоссе — узнали, что в нашем районе находится «пятнистый ужас».

Вечером мы играли в шахматы, но вскоре компаньон Розиса захотел отдохнуть и ушел. Я отправилась в свою комнату почитать детективный роман. Перелистывая страницы книги, я раздумывала над тем, как банально ее содержание по сравнению с опасностями, тающимися в джунглях.

Воскресенье прошло очень спокойно. Подготовкой к поимке леопарда занималась группа негров, которые, взяв с собой трех коз, двух свиней и несколько кур, отправились в лес, чтобы осмотреть и привести в порядок западни, построенные свыше двух недель назад. В лагерь они вернулись задолго до темноты, довольные, что выбрались из джунглей.

На следующее утро после завтрака все мы слышали крики и вслед за этим в лагерь вбежала толпа пигмеев. Первое, что мы смогли разобрать, было слово «чуи» — «леопард». Затем выяснилось, что леопард — «совсем, совсем мертвый». Некоторые пигмеи отправились назад в свою деревню. Пат не мог присоединиться к ним, но я, увидев, что Розис побежал к своей машине, бросилась за ним и попросила взять меня. По дороге к деревне Банадигби нас так встряхивало, что мы поминутно вскрикивали, а наши зубы щелкали, как трещотки.

— По этой дороге мы доедем быстрее,— вот все, что смог вымолвить возбужденный торговец-грек.

Сделав разворот возле деревни, Розис нажал на тормоза, чтобы не врезаться в толпу пигмеев, которые высыпали из леса, неся на длинном шесте привязанного за лапы леопарда. Это было огромное животное, с более темной шерстью, чем у его собратьев. Теперь леопард производил жалкое впечатление. Из его когда-то великолепной пятнистой шкуры нельзя было сшить и пары рукавиц — так она была исколота стрелами и копьями. Пигмеи опьянели от радости. Все они — а их было по меньшей мере шестьдесят — хвастались своей удачью. Если верить их рассказам, то надо было признать, что животное убито каждым из них собственноручно. Я знала пигмеев лучше, чем большинство других людей, и понимала, что они не лгут. Находясь в состоянии сильного возбуждения, каждый из них невольно приписывал себе победу над леопардом. Многие пигмеи уже после смерти животного пустили в него свои стрелы или вонзили копья, но любой из них считал, что именно он сыграл решающую роль в ликвидации напряженной обстановки.

Сейбуни полагал, что леопарда должны были передать ему, так как он был убит близ деревни, где жили его пигмеи. Как оказалось, один из подлинных победителей был «его» пигмеем. Но маленькие люди решили по-своему. Они направились в лагерь Патнем и заявили, что намерены организовать победные танцы у нас. Несмотря на уговоры Сейбуни, они подняли леопарда и торжественно потащили его по шоссе к гостинице. Мне пришлось долго расспрашивать, пока наконец из отрывочных рассказов я не составила полного представления о происшедшем. После этого мне стало ясно, что пигмеи были правы. Сейбуни мог претендовать на этого леопарда не больше, чем мы.

Пока мы спокойно отдыхали в воскресный день в гостинице, негры из деревни Сейбуни отправились в лес проверить ловушки. Почти сразу же они наткнулись на след зверя. Леопард подходил к двум ямам, но, почуяв опасность, ушел прочь. Следопыты обнаружили, что леопард-людоед не покинул этого района. Когда негры

пришли в пигмейскую деревню Банадигби, они вновь увидели следы леопарда, который незадолго до этого бродил вокруг маленьких домиков, высматривая жертву. Охотники шли по следу все воскресенье. В деревню Сейбуни, а также к нашим пигмеям за подкреплением были отправлены посыльные.

После захода солнца охотники, убежденные, что леопард все еще находится поблизости, разделившись на небольшие группы, стали прочесывать лес. Ночью ничего не случилось. Потревоженный большим количеством людей, леопард, видимо, залег. Будь это обыкновенный леопард, он воспользовался бы темнотой и, ускользнув от преследователей, отправился в безопасное место. Но, поскольку этот был людоедом, он предпочел не отступить.

Едва рассвело, как несколько негров заметили его в густых зарослях кустарника, увитого лианами. Большой кот исчез, прежде чем кто-либо из них успел натянуть тетиву лука или метнуть копье. Сейбуни разбил пигмеев на группы и послал их в кустарник искать леопарда. Одна из этих групп состояла из Фейзи и Масамонго — жителей нашей деревни, и одного пигмея из деревни, где хозяином был Сейбуни. У пигмея из деревни Сейбуни был лук и стрелы со стальными наконечниками, изготовленные негром-кузнецом. Фейзи и Масамонго, которые также имели луки и стрелы, были вооружены еще и копьями. Когда они вошли в густые заросли, светило солнце. Но сюда его лучи проникали слабо, они не могли осушить даже обильную росу. Брызги ее обдавали продвигавшихся вперед пигмеев. Птицы с огромными клювами покидали свои укрытия и, неуклюже махая крыльями, улетали прочь. Пигмей из деревни Сейбуни шел первым. Он обошел наиболее густую часть зарослей, избегая тех мест, где не мог бы воспользоваться луком. Здесь было несколько затененных участков, однако в это время солнечные лучи проникли в лес, что облегчило поиски. Пигмей, шедший впереди, чтобы сориентироваться, взобрался на огромный термитник — возвышавшийся над землей, невысокий, но широкий сталагмит. Примерно в семи-восьми метрах от себя он увидел притаившегося леопарда. Пиг-

мей обладал сильным характером. За те считанные секунды, которые потребовались пятнистому зверю на то, чтобы решиться прыгнуть и сжаться для прыжка, пигмей успел выпустить в него две стрелы и предупредить криком Масамонго и Фейзи. Кот прыгнул. Одним прыжком, описав в воздухе дугу, он достиг термитника и вцепился клыками в бедро стрелка. Кричащий и рычащий клубок переплетенных тел пигмея и леопарда покатился вниз. Фейзи не колебался. Подбежав, он вонзил копье в леопарда. Пока Фейзи пытался вытащить его для нового броска, метнул в зверя свое железное копье Масамонго. Леопард выпустил пигмея Сейбуни из своих объятий и попытался подняться. Тяжело дыша, с кровавой пеной на бакенбардах, зверь перевернулся в воздухе и замертво рухнул на землю возле термитника.

Африканцы привязали мертвого леопарда за передние лапы к грубому помосту и оставили висеть в таком положении, оповестив всех, что танцы в честь убивших животное охотников состоятся вечером. После полудня собрались все соседние племена. Они развели костры, приготовили еду и уселись вокруг, словно фермеры Среднего Запада, ожидающие начала скачек на ярмарке.

Каждый раз, проходя по двору лагеря, я глядела на мертвого леопарда, который казался свирепым даже после смерти. Глаза его были закрыты, а губы отвисли, обнажив большие острые зубы. Очевидно, он умер, преисполненный сильной и глубокой ненависти к человеческим существам, бывшим его смертельными врагами.

Большую часть времени до наступления темноты Масамонго, Фейзи и пигмей из деревни Сейбуни провели, сидя возле леопарда и рассматривая его. Пат перевязал зияющие раны на бедре пигмея и хотел поместить его в госпиталь. Однако маленький мужчина решительно отказался выполнить это распоряжение и держался так, словно под бинтами у него было несколько пустячных царапин от колючек шиповника. С наступлением темноты большинство пигмеев, перемешав древесную золу с водой, разрисовали свои тела яркими, причудливыми узорами. Несколько пигмеев намалевали на

своих красновато-коричневых телах пятна и подвели бакенбарды.

Вскоре пришли два арабизированных пигмея из Дар-эс-Салама и надели костюмы, сделанные из шкур леопардов.

— Эти люди, изображающие леопардов, живут за деревней Вамба,— сказал мне Ибрагим.— Они лучшие танцоры во всей округе.

Из нашей деревни пришли Херафу, Моке, Саламини, Сейл и Ахеронга. Несколько минут спустя к мужчинам присоединились Софина, Томаса и Тима, мать маленькой Энн. С важным видом прибыла Анифа. На шее у нее висели бусы, на запястьях — браслеты, а ее тонкую талию охватывал новый пояс из раковин каури. Перед самым началом танцев пришла старая бабушка с Уильямом и заняла почетное место на веранде гостиницы. Внук ее тотчас умчался играть с другими детьми у костров. Агеронга и Эмиль принесли стул для Пата. Когда тот уселся, танец начался. Вначале он был медленным — все могли принимать в нем участие. Казалось, не было каких-то определенных па, каждый пигмей танцевал так, как ему нравилось. Дожидаясь своей очереди, три героя и два танцора-леопарда не принимали участия в этом вступительном танце, сберегая силы. Пат подозвал Агеронгу, шепнул ему что-то, затем с довольным видом уселся вновь, а его помощник откупорил полдюжины бутылок пальмового вина. Откуда-то появились чашки, и, пока продолжалось представление, каждый присутствующий получил свою долю.

Взошел месяц, и высоко в небе рассыпались звезды. Я вдыхала опьяняющий аромат сотен различных цветов, который смешивался с еще более сильным мускусным запахом, прилетавшим из глубины джунглей.

Ко мне, на верхнюю ступеньку крыльца, поднялся Фейзи.

— Когда мы разрубим леопарда, я хочу дать вам кусок его мяса,— сказал он.— Мне бы хотелось, чтобы вы послали его вашему отцу и матери.

За несколько дней до этого я дала ему пачку старых нью-йоркских журналов, присланных моими родителями, которые хорошо знали, что пигмеи любят смот-

реть картинки. Фейзи был глубоко благодарен им за это.

— Ты очень добр,— ответила я,— но расстояние так велико, что мясо испортится. До их дома километров больше, чем волос на шкуре леопарда.

Фейзи это не показалось большим препятствием.

— Они могли бы приехать и жить здесь,— сказал он и отправился назад к костру. Как часто я мечтала о том же!

Неожиданно барабаны забили чаще, и два танцора-леопарда выбежали на середину двора. Лица их были прикрыты масками из моей коллекции, которые были сделаны столь искусно, что казались настоящими мордами леопардов.

Некоторые наши пигмеи отлично танцевали, но эти двое были в самом деле необыкновенными танцорами. Они прыгали, кружились, сжимались и выделявали пируэты, словно Нежинский*. Время от времени они фыркали, как это делает животное, которое они изображали, и у меня по спине пробегали мурашки. К этому времени сказалось действие пальмового вина. По телам танцоров-леопардов градом струился пот, смывая нарисованные белой глиной знаки.

Анифа сидела на земле возле круга, отведенного для танцоров, и наблюдала за ними полузакрытыми, чувственными глазами. Одновременно довольная и презрительная улыбка играла в уголках ее красивого рта. Тело ее покачивалось в такт звукам барабанов, а полные упругие груди поднимались и опускались. Она сидела, но во всем ее облике было столько неистового ритма, что казалось, будто она тоже танцует. Поощряемые ее улыбкой, два танцора-леопарда из-за Вамбы с остервенением прыгали и фыркали, пока не упали обессиленные по ту сторону круга, подальше от искусительницы.

Это послужило сигналом для трех героев. Наступила их очередь принять участие в церемонии. Они встали, и

* Нежинский, Вацлав (1890—1950) — талантливый русский артист балета, поляк по происхождению. Начав свою деятельность в Петербурге, он еще до первой мировой войны переехал в Париж, а затем в США.

я сразу увидела, что каждый из них вооружен копьем. Пигмеи сгрудились у помоста, на котором висел леопард. В руках они держали гибкие ветви и короткие лозы лиан. У некоторых были пояса, сплетенные из кожаных ремней. Фейзи, Масамонго и пигмей из деревни Сейбуни направились к мертвому леопарду-людоеду. И тотчас же на них посыпался град ударов — ближайšie к ним мужчины и женщины били их палками, лианами и ремнями.

— Скажи, ради бога, за что их так наказывают? — спросила я Херафу.

— Таков обычай, — отвечал он. — Чтобы доказать свою удаль, они должны снять леопарда с помоста.

В этот момент я увидела, как Фейзи и Масамонго пробились к помосту. Стоя спиной друг к другу, они отражали удары атакующих, защищая не только себя, но и товарища, который, волоча раненую ногу, прокладывал себе дорогу.

Фейзи крикнул что-то на кибира, раненый ударил копьем в помост над их головами, и рыхлая туша леопарда свалилась к ногам победителей. Все пигмеи разом закричали. Хлысты и палки полетели прочь. И сразу наступила тишина. Слышалось лишь потрескивание дров в кострах и тяжелое дыхание пигмеев.

Вскоре костры угасли. Агеронга и другие негры постарше разошлись по домам. Старая бабушка встала, взяла спящего Уильяма на руки и направилась в пигмейскую деревню. Томаса и Сейл ушли рука об руку, гордясь своей долгой и непоколебимой взаимной привязанностью.

Я прошла мимо госпиталя, где совершал заключительный обход Пат, который заботился о здоровье своих пациентов так же, как хирург в какой-нибудь всемирно известной клинике. Миновала загон, где не спали потревоженные ночным шумом животные. Мне не захотелось входить в дом. Какое-то странное внутреннее чувство заставило меня пройти мимо крыльца, за увитую зеленью веранду и спуститься на берег Эпулу.

Я стояла одна. Там, где днем играли аисты, теперь при тусклом свете луны едва виднелась песчаная отмель. Необычная тишина опустилась на находившийся

у меня за спиной лагерь. Я стояла как бы на границе двух миров. Один — за моей спиной, безопасный, любимый и знакомый, тянул к себе своей теплотой и уютом, другой — простирающийся передо мной, манил очаровательной таинственностью неизвестности. С рокотом преодолевая пороги, река катила свои воды к далекому Атлантическому океану. Прислушиваясь к ее шуму, я с удивлением заметила, что не думаю о том, другом доме, который находится на противоположной стороне земли. Нью-Йорк, Вудсток или Мартас-Вайнъярд уже не были для меня домом. Им была Африка, неукротимая, свободная, молодая и в то же время древняя. Я не стала любить дубы и березы меньше оттого, что полюбила красное дерево и магнолию, поднимавшие свои ветви в ночное африканское небо.

Все, бывшее до этого, являлось лишь прологом. Африка стала теперь моим домом. Всем своим сердцем я находилась здесь. Мягкий ветерок ласкал мои щеки. Веяло мускусным запахом скрытых в тропическом лесу цветов. Я затаила дыхание: из бархатистой темноты неожиданно долетел отдаленный звон маленькой музыкальной коробочки, сделанной из полого куска дерева и металлического прутика от старого зонта. Две маленькие тени спустились к берегу Эпулу. Я узнала гортанный голос Анифы и догадалась, что другая темная фигура — один из приезжих танцоров. Они не могли видеть меня: я находилась в тени того самого дерева, за ветви которого уцепился Абдул, когда крокодил тащил его в воду.

Я хотела незаметно уйти, не желая подслушивать, но поняла, что первый же мой шаг выдаст меня. Поэтому я осталась стоять на месте, плотно прижавшись спиной к стволу огромного дерева. Анифа и ее поклонник спорили. Что бы там ни было, но слова его шли от самого сердца. Желая убедить девушку, он старался преодолеть тот барьер из шутливых фраз и безразличного отношения, которым она отгораживалась от него. Некоторое время спустя они повернули и направились по тропинке к деревне пигмеев, пройдя в нескольких шагах от меня.

Анифа выступала впереди, молодая и решительная.

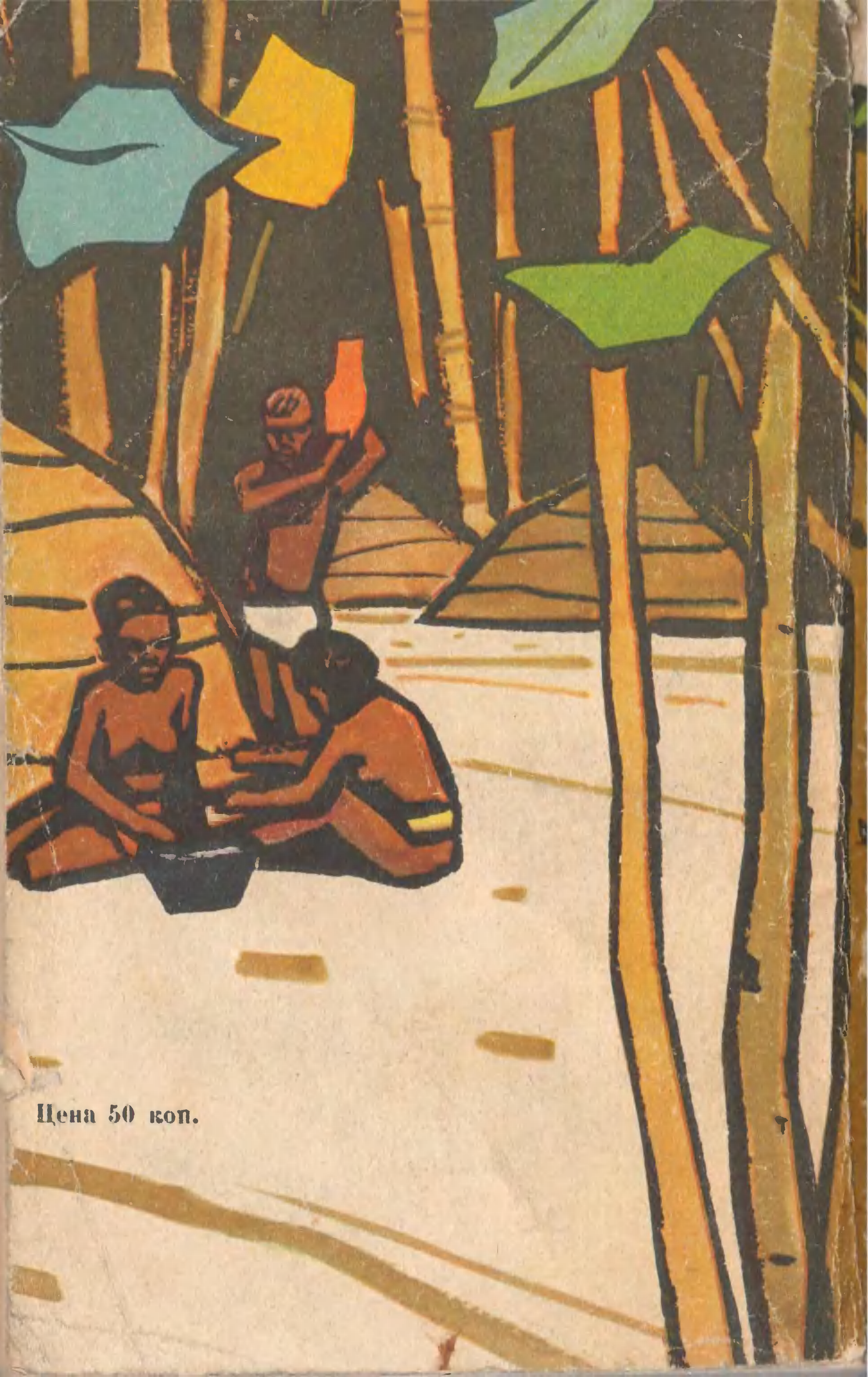
— Но я не хочу уходить отсюда,— произнесла она.— Это мой дом.

Ночь Конго поглотила их, и я снова осталась одна. Если бы я старалась передать мои собственные чувства, я не смогла бы выразить это лучше.

Здесь, на Эпулу, была малярия и смерть, бродяги-леопарды, злобные колдуны и буйволы, в ярости бросающиеся на первого встречного среди бела дня. Все это я знала. Известно мне было и другое — скромная храбрость и человеческое достоинство маленького народа.

И снова из глубокой лесной темноты ветер донес до меня отдаленный звон маленького музыкального инструмента.

Я не хотела уезжать отсюда. Это был мой дом.

Цена 50 коп.